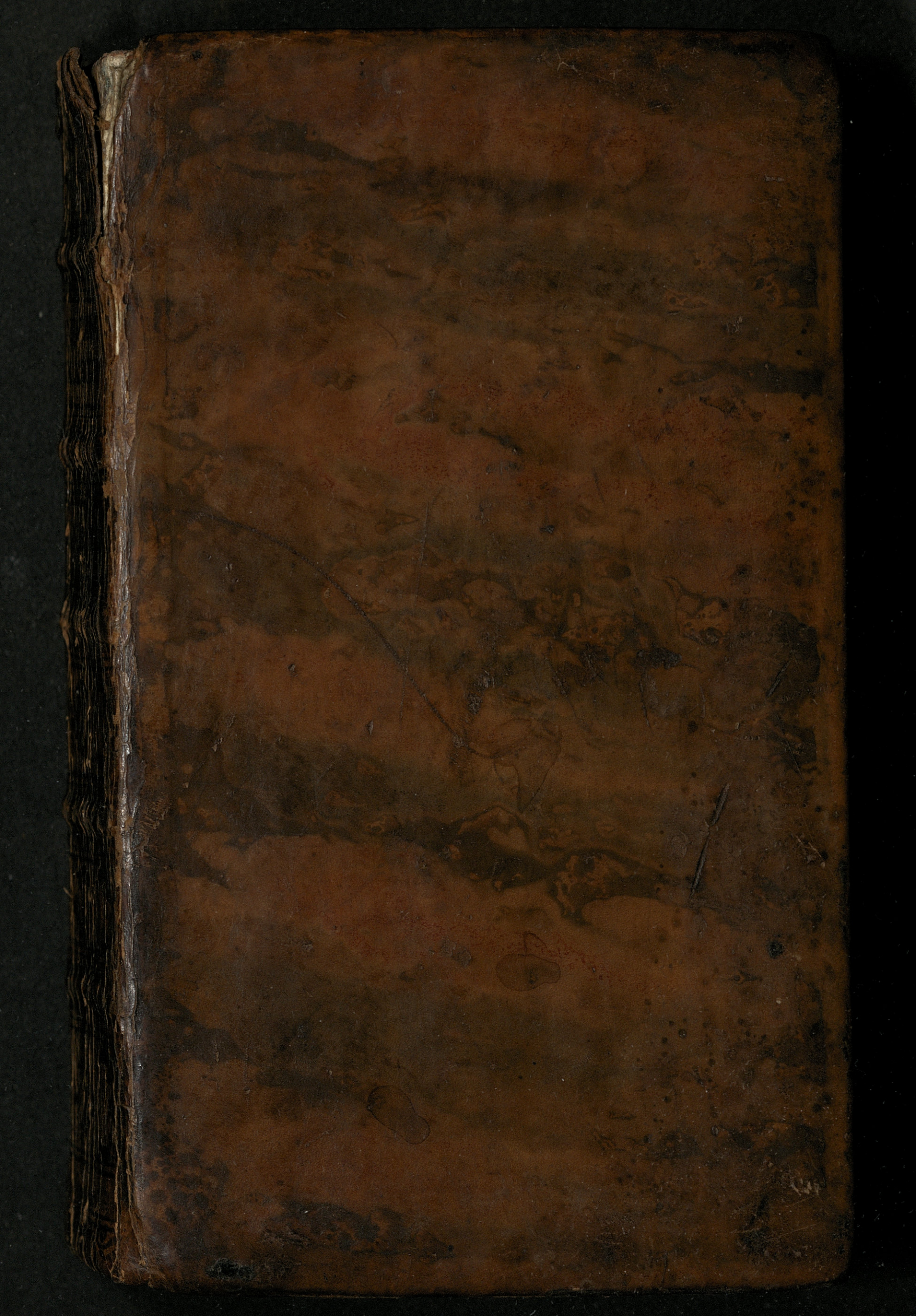

ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ
ИЛИ
СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ

Сочиненія Г. Гіульетта

переведены
съ Французскаго языка,

ТОМЪ III.

вторымъ тисненіемъ

ВЪ Санктпетербургѣ
1774 года.

ВЕЧЕРЪ XXXII.

Продолженїе исторїи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Предвѣщанїе Календерово тронуло Принцессу столь много, что долгое время не могла изъ крайняго удивленїя вытти. Она дала ему сто золотыхъ, и заперщись въ свой кабинетъ, предалась удовольствїю зрѣть то, что предсказанїи сего старца съ чувствїями сердца ея совершенно согласовались; и какъ она препятствїемъ своего благополучїя должна бы-

ла страшиться только своей вспыльчивости ко гнѣву, то обѣщалась стараться о побѣжденіи собой во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сильная сія страсть возхочетъ овладать ея душею.

Между тѣмъ, какъ Цендегруда толь пріятные размышленіи чинила, Царевна мать ея упражняющаяся единственно во отмщеніи, помышляла только о приуготовленіяхъ жестокой войны съ Касгарскимъ Султаномъ. Спомоществуема будучи храбрымъ Эдрисомъ и многими Принцами, ищущими брака Принцессина, не сомнѣвалась въ побѣдѣ ни мало. Однимъ вѣчеромъ разговаривала она съ ними, какимъ образомъ намѣрена она напасть на Султана: тогда одинъ изъ сихъ Принцовъ хвастовалъ, что онъ одинъ въ состояніи, опустошить съ войсками своими земли Фрайдуновы; другой

другой обѣщалъ принести къ ней вскоре голову сего Государя; самый же скромнѣйшій изъ всѣхъ увѣрялъ, что онъ отца и сына приведетъ въ оковахъ къ ногамъ Султанши, и сдѣлаетъ ее властительницею ихъ судьбины.

Хотя страсть Царевнина заставляла ее, внимать всѣмъ симъ хвастовствамъ съ великимъ удовольствіемъ; однако примѣтила, что мой господинъ, который глубокое наблюдалъ молчаніе, казалось насмѣшливымъ лицомъ презиралъ гордыми обѣщаніями сихъ Принцовъ. Что же скажетъ на сіе храбрый Эдрисъ? примолвила она. Ничего, милостивая государыня, отвѣтствовалъ онъ усмѣхнувшись. Есьли сіи Принцы намѣренія свои исполнятъ, то спомоществованіе мое вамъ совсѣмъ безполезно, и мнѣ кажется, что я только лишь имъ въ глаза глядѣть буду.

Однако, милостивая государыня, когда позволено мнѣ обьявить вамъ, что о томъ думаю, то скажу, что Касгарское государство не столь легко завоевать можно: и сколь бы ни велики какъ ваши, такъ и всѣхъ сихъ Принцовъ силы были; однако совѣтую не упустить ничего, что въ такомъ предпріятіи можетъ вамъ быть полезно; повѣрьте мнѣ, что я Фрайдуна знаю; въ храбрости, въ мужествѣ, въ искуствѣ и въ великодушіи не уступаетъ онъ ни одному на свѣтѣ Государю. Сына его Цемъ-Альцамана видѣлъ я самъ въ дѣйствіи, и смѣю Ваше Величество увѣрить, что онъ весьма неустрашимъ, и что во время сраженія можетъ привесть въ ужасъ и самыхъ мужественныхъ.

Карибъ-Шакъ, одинъ изъ Принцовъ, будучи въ Принцессу всѣхъ болѣе влюбленъ, взглянулъ тогда

гда на Эдриса такимЪ суровымЪ образомЪ, который гнѢвЪ его изЪявлялЪ довольно: мнѢ кажется, сказалЪ онЪ ему, что ты толь чрезмѢрными похвалами, приписываемыми тобой неприятелемЪ Царицынымъ, хочешь насЪ испугать; но знай, что мы не только нимало ихЪ не страшимся, но еще нѢтЪ изЪ насЪ ни одного, который бы ихЪ себѢ предпочиталЪ, и не мнилЪ себя быть вЪ состоянiи, разрушить такого Государя, котораго храбрость и силы толь неумѢренно превозносишЪ.

Я прошу Царицу о извиненiи меня вЪ моемЪ чистосердечiи, сказалЪ на то ЭдрисЪ; я почелЪ за должность открыть ей такiя истинны, которыя испыталЪ самЪ собою; сiе нимало не препятствуетЪ мнѢ сохранить ревность мою кЪ ея услугамЪ: я уже показалЪ ей того опыты.

И когда мы будемъ въ походѣ противу ея неприятелей, то посмотримъ, кто устремится на нихъ съ большею храбростію, тѣ ли, которые ихъ хвалятъ, или тѣ, кои ихъ презираютъ? Таковыя рѣчи начали разпалять Принцовъ такъ, что Царица увидѣла себя принужденною, употребить при томъ власть свою. Принцы, сказала она имъ, я увѣрена, что Эдрисъ ни мало не намѣренъ васъ раздражить; онъ говоритъ согласно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ, и потому прошу васъ, не распалятъся напросно противу такого человѣка, отъ котораго толь великія услуги получила, что не могу за то возблагодарить ему достодолжно. Помышляйте лутче о скорѣйшемъ приближеніи вспомогательныхъ войскъ вашихъ, и согласитесь всѣ вмѣ-

стѣ

стѣ къ разрушенію достойнаго ненависти моей врага.

Между тѣмъ, какъ Принцы отправились сами въ путь для поспѣшенія приходомъ войскъ своихъ къ Касгарскимъ границамъ, Кобадъ, возъимѣвшій къ господину моему отмѣнное почтеніе, хотѣлъ привлечь ево къ себѣ гораздо сильнѣйшими дружбы оковами; и какъ у него была только одна дочь чрезмѣрной красоты, то предложилъ Принцу, не желаетъ ли онъ имѣть ее своей супругой? Никогда еще никто не находился въ таковомъ смущеніи въ каковое Эдрисъ приведенъ былъ симъ предложеніемъ. Тайное его обязательство съ Принцессою Самаркандскою не позволяло ему принять оное; но не могъ онъ ему и отказать, опасаясь раздражить смертельно такого Принца, который, зная ево только по хорошимъ его дѣ-

ламЪ, давалЪ ему такую Принцессу, кою имѣть своей супругой поставилЪ бы себѣ за честь и самый сильнѣйшій государь восточный: и такЪ принужденЪ онЪ былЪ скрывать свое неудовольствіе, и не отвѣтствуя ему ничего положительнаго, прибѣгнулЪ кЪ обыкновенной своей учтивости, и принялЪ предложеніе Кобадово сЪ великимЪ почитаніемЪ, намѣрясь, увѣдомить Принцессу, какЪ возможно поскорѣе, о плачевномЪ своемЪ состояніи.

КобадЪ почитая, что ЭдрисЪ на то конечно согласился, побѣжалЪ исполненЪ радостію кЪ Царицѣ, которая тогда сЪ Цендегрудою вЪ кабинетѣ своемЪ сидѣла. Милостивая государыня, сказалЪ онЪ ей павЪ кЪ ней вЪ ноги, ЭдрисЪ показалЪ Вашему Величеству и всему государству толь великія услуги, что всякаго награжденія достоинЪ.

Попе-

Попеченіе сіе приялъ я на себя; нашелъ средство обязать ево вамъ навѣки, лишить тѣмъ ревнивости Принцовъ, и поставить ево главою надъ вашими войсками, такъ что они на то нимало роптать не могутъ. Какое толь полезное средство изыскалъ ты, прервала рѣчь его Царица? Я теперь, продолжалъ Кобадъ, для вашего удовольствія, предлагалъ ему дочь мою Принцессу Дарежану въ супруги; онъ казалось принялъ то съ великою учтивостію, и я изъ глазъ его могъ примѣтить толико благодарности за оказываемую мной ему честь, что долженъ самъ себя хвалить весьма много, что сего младаго Героя могу имѣть зятемъ, есьли Ваше Величество на выборъ мой согласитесь.

Любезный братъ, сказала на то Самаркандская Султанша, хотя племянница моя и можетъ

требовать знатнѣйшаго супруга; однако думая что избираемой тобой преимуществуетъ предъ тѣмъ достоинствами и храбростїю, не могу опорочить такой выборъ, который бы и для Принцессы, моей дочери, конечно сама я учинила, есьли бы Эдрисъ былъ такого состоянїя, кое бы дозволяло ему о томъ стараться. Я еще чрезмѣрно радуюсь, что ты толь благородныя мысли имѣешъ, и почитаешъ болѣе истинную добродѣтель, нежели великїе титулы, которые часто бываютъ лишены потребныхъ къ сохраненїю оныхъ достоинствъ. Сколь ни великою скорбїю пронзалась Цендегруда толь неожидаемою вѣстїю, однако почла за непристойность, наблюдать при томъ молчанїе: Государь, сказала она, я слыхала, что Эдрисъ чувствуетъ сильнѣйшую страсть къ

одной

одной особѢ, коею и онЪ взаимно любимЪ весьма горячо, и все свое благополучїе поставляетЪ вЪ томЪ, что бы сЪ ней быть соединенну: и такЪ точно ли вы увѢрены, что онЪ на предложенїе ваше соглашается чистосердечно? Есьли бы я не былЪ вЪ товЪ удостовѢренЪ, сказалЪ КобадЪ, то бы отЪ Царицы не просилЪ на бракЪ сей соизволенїя; и есьли онЪ влюбленЪ, то страсть сїю чувствуетЪ конечно кЪ ПринцессѢ ДарежанѢ, моей дочери, потому что я многократно примѢчалЪ, сколь прїятно ему сЪ ней свиданїе; а притомЪ и дочь моя кажется прельщается его красотою и мужествомЪ, по чему почелЪ за долгЪ соединить два толь склонные ко взаимной любви сердца. Не сомнѢваюсь, что бы ЭдрисЪ вЪ сїе время не сЪ ней былЪ вмѢстѢ, и не изЪявлялЪ ей своего удовольствїя,

 кото-

которое онъ отъ меня скрывать старался, когда объявлялъ ему толь неожидаемое счастiе.

Хотя Кобадъ льстясь, что господинъ мой принялъ предложенiе его съ особливымъ удовольствiемъ, отвѣтствовалъ такъ Цендегрудѣ безъ всякаго умысла; однако Принцесса принуждена была прибѣгнуть къ своему мужеству, чтобъ сокрыть смертельную язву, которую она сей вѣстiю получила отъ своего дяди. Но сколь въ великую пришла она ярость, когда пошедъ въ свой покой чрезъ залу увидѣла Эдриса, стоящаго на колѣняхъ предъ Принцессою! взоръ сей усугубилъ гнѣвъ ея; она пробѣжала въ свой покой, не удостоя господина моего ни единымъ взглядомъ; предалась всему тому, что въ ней жесточайшее мщежеланiе произвесть могло. Какъ! вскричала она, невѣрный

Эдрисъ

Эдрисъ мѣняетъ меня на Дарежану! тотъ, котораго я предпочла толико великимъ Принцамъ! тотъ Эдрисъ, которому надлежало положить къ ногамъ моимъ корону Касгарскую, ничто иное, какъ неблагодарный, который мной самому перьвому блеску сіяющаго счастія жертвуетъ! Несчастная Цендегруда! вотъ плоды глупаго твоего легковѣрія и скорости, съ которою ты рѣчамъ дерзскаго обманьщика повѣрила. Ахъ! извергъ неблагодарности! возможно ли, что бы имѣя такія подлыя мысли, былъ ты рожденъ Принцомъ! вскоре накажу тебя за причиненное мнѣ оскорбленіе.

Между тѣмъ какъ Принцесса Самаркандская въ толь ужасномъ смятеніи находилась, невольница, которая обыкновенно вводила моего господина иногда къ ней въ покой, взошла къ ней съ нимъ вмѣстѣ. Сей Принцъ въ толь жалостномъ

стнонъ состоянiи находился, что не примѣтя безпокойства Принцессина, бросился къ ногамъ ея, и началъ предъ нею изъясняться, какимъ образомъ принужденъ онъ былъ принять предложенiи Кобадовы, и что Принцесса Дарежана находилась тогда въ обморокѣ, когда она чрезъ залу проходила, и потому долженъ онъ былъ по необходимости ее поддерживать, и проводить ее въ ея покои. Но Цендегруда не дала ему времяни докончать рѣчь свою, встала со стула съ пылающими яростiю очами: измѣнникъ! вскричала она, какъ могъ ты толикое возъимѣть дерзновенiе, чтобы предъ меня еще показаться? Несчастный незнакомецъ! оставь меня немѣдленно, являй другой мерскiя свои измѣны; ищи союза сходнѣйшаго съ такимъ чудовищемъ, какъ ты самъ, и не показывайся никогда глазамъ моимъ,

есьли не хочешь того, что бы въ крови твоей омыла причиненное тобой мнѣ оскорбленіе. По сихъ съ толикою яростію произнесенныхъ словахъ Принцесса, не хотя позволить Эдрису отворить уста къ своему оправданію, ушла въ заднюю комнату, и заперла дверь оной съ поспѣшностію.

Ничто не могло уподобиться удивленію Принцову. Онъ не зналъ, что Кобадъ уже видѣлся съ Царицею, и чаялъ, что принесетъ Принцессѣ такую вѣсть, которая причинитъ ей толико же безпокойства, какъ и ему самому; но пронзенъ будучи отъ толь неожидаемаго приема смертельною скорбію, удалился изъ дворца, не зная точно причины своего несчастія, и возвратился въ жилище свое въ достойномъ сожалѣнія состояніи, которое насъ въ немалое привело смятѣніе. Принцъ бросившись на софу, которую омочилъ

сле-

слезами своими, хотѣлъ было изъяснить мнѣ притчину своей скорьби, какъ вдругъ услышали, что кто то у дверей стучится; я побѣжалъ къ оной, отворилъ, и увидѣлъ невольника, который обыкновенно хаживалъ къ нему отъ Принцессы: онъ подалъ ему письмо содержащее въ себѣ сіи слова:

Не предпринимай невѣрный передо мной оправдаться; выѣжжай немѣдленно изъ Самаркандіи, и не принуждай меня употребить противъ тебя всю мою ярость; страшись ее, когда только остается въ тебѣ хотя единая тѣнь добродѣтели.

Господинъ мой приведенъ былъ толь строгимъ письмомъ въ такое удивленіе, что съ горчайшей печали чуть было не лишился жизни. Скажи Цендегрудѣ, отвѣтствовалъ онъ невольнику, что я по повелѣнію ея исполню, сколь оно ни несправедливо. Тогда

да стѣсняясь несноснѣйшею скорбїю, палъ паки на софу, и болѣе получаса пробылъ безчувственъ. Я съ другимъ моимъ товарищемъ проливали слезы, и старались подать ему всевозможное вспомоществованїе, что бы онъ съ памятїю собрался; но чуть только пришелъ онъ въ себя, какъ схватя опять письмо Принцессино, которое было онъ уронилъ, и которое прочесть имѣлъ я время, повелѣлъ мнѣ приготовить для него лошадей, дабы на самомъ разсвѣтѣ оттуда удалиться. Я исполнилъ его повелѣнїе, и мы сѣвъ на лошадей оставили Самаркандїю, незная какой путь предпрїимемъ; однако Принцъ разсудя, что Султанъ, родитель его, возъимѣетъ въ немъ скоро нужду, пустились мы къ Касгару.

Есь ли Цендегруда приведена была жестокимъ своимъ рокомъ въ чувствительнѣйшую

печаль,

печаль, то статься можетъ, что скорое послушанїе Принца привело ее въ себя паки, и что познавъ тѣмъ, сколь безразсудно она съ нимъ поступила, вскорѣ начала разкаиваться, что совѣту престарѣлаго Календера не послѣдовала; но уже помочь тому было не можно. Какъ она только одна знала причину отъѣзда Эдрисова, то не хотѣла объявить оную Султаншѣ своей матери и Кобаду, которые о немъ въ крайнемъ безпокойствѣ находились, тѣмъ наипаче, что Принцы, кои съ ними союзны были, прислали объявить Царицѣ, что войско уже приближается къ границамъ Касгарскимъ.

* *
*

ВЕЧЕРЪ XXXIII.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Фрайдунъ увѣдомясь, что армѣя Царицына и ея союзниковъ приближается къ землямъ его, старался всячески не допустить ихъ до того, что бы они на нево незапно напали. Зная тайные умыслы Аль-Альмы, что бы навлечь на нево неприятелей, содержалъ всегда на границахъ своихъ цѣлую армѣю въ готовности; обезпокоивало же ево только отсудствіе Принца Цемъ-Альцамана. Отдаленіе сына, толь необходимо надобнаго, наполняло духъ его горестію; и зная его добросердечіе, опасался, не лишился ли онъ ево навѣки какимъ плачевнымъ случаемъ. Между тѣмъ разположа лагерь

свой

свой такимъ образамъ, что могъ прекраснымъ положенїемъ мѣста пользоваться, ожидалъ съ неустрашимостїю прибытїя войска Царицы Самаркандской. Для меня было бы весьма трудно, есьли бы захотѣлъ описать вамъ подробно такое сраженїе, о которомъ нѣсколько приключенїй знаю по словамъ мной о томъ слышанныхъ; довольно того, милостивыя государыни, что армѣя Царицы, соединенная съ войсками приведенными къ ней Принцами, состояла почти изъ ста тысячь человѣкъ, что у Фрайдуна было войска не болѣе семидесяти тысячь, и что не смотря на сїе неравенство, не устрашился дать ей баталїю. Вскорѣ покрылось поле мертвыми тѣлами: ручьи наполнялись кровїю; стонъ и крикъ раненыхъ и умирающихъ, раздавались по воздуху: то Фрайдуновы воины преклоня-

клонялись силѣ неприятельской, что войска Царицыны въ бѣгъ обращались; безпорядокъ и смятеніе начали въ обѣихъ армѣяхъ являться. Уже болѣе двухъ часовъ сражались, не зная, которая сторона одолѣваетъ, и Принцы нетерпѣливо желая показать мужество свое предъ Аль-Альмою и Цендегрудою, производили такіе дѣла, что можетъ быть обратили бы побѣду на свою сторону, когда Фрайдунъ покрытъ весь кровію враговъ своихъ, сразясь съ Карибшакомъ, обратилъ на себя и протчихъ Принцовъ, которые рвались другъ предъ другомъ лишить его жизни. Сколь ни великое мужество Государь сей оказывалъ; однако почти не возможно было, что бы толико неприятелей, жаждущихъ только одной его крови, его не преодолѣли, какъ вдругъ увидѣли пришествіе къ нему на помощъ

помощь трехъ тысячь конныхъ всадниковъ, предводительствуемыхъ человѣкомъ въ черной одеждѣ облеченнымъ и съ покрытымъ фатою лицемъ. Войско сїе вступя во фрунтъ съ чрезвычайнымъ стрѣмленїемъ, привело Царицыну армѣю въ безпорядокъ. Принцы и Карибшакъ старались другъ предъ другомъ, окончать сраженїе смертїю Султана Касгарскаго, и одинъ изъ нихъ наскакавъ на него съ зади, замахнулся уже, что бы срубить съ него голову, какъ новый сей воинъ, премѣнившїй сраженїе, прискакалъ къ нимъ съ чрезвычайною скоростїю, отрубилъ руку у сего Принца, убилъ изъ нихъ еще двухъ съ двухъ разъ, и подобно громовой стрѣлѣ или по крайнѣй мѣрѣ чему страшнѣйшему, нежели смертному, порубалъ все, что ему на встрѣчу ни попадалось. Тогда всѣ его

всадники вѣщали всюды имя Принца Цемъ-Альцамана, которое внушало въ воиновъ Султана Касгарскаго толикое мужество, а во враговъ его толикій страхъ и ужасъ, что сіи послѣдніе тотъ часъ въ бѣгъ обратились.

Только одинъ Карибшакъ остался на мѣстѣ; и сколько ни прилагалъ усилій къ побужденію войскъ своихъ къ храбрости; однако Цемъ-Альцаманъ наступилъ на нихъ столь мужественно, что Принцъ сей былъ принужденъ слѣдовать за множествомъ, и бѣгствомъ спасаться отъ очевидной погибѣли.

Наступившая ночь возпрепятствовала гнаться за бѣгущими, которые бы конечно всѣ порублены были, и сраженіе продолжилось бы еще нѣсколько часовъ; но Цемъ-Альцаманъ приказалъ ударить отступный маршъ, не

 столько

столько по причинѣ наступившей ночной темноты, сколько изъ почтенія къ Принцессѣ; пришелъ къ Фрайдуну, который не зналъ, какія ласки оказать такому сыну, коему онъ долженъ былъ жизнію и побѣдою надъ неприятелями.

Легко можно понять, въ какомъ страхѣ Самаркандская Султанша находилась. Окопавшись въ своемъ лагерѣ крѣпчайшимъ образомъ, собрала на разсвѣтѣ совѣтъ, и намѣрилась просить у Фрайдуна миру, чему Карибшакъ всѣми силами сопротивлялся. Милостивая Государыня! сказалъ онъ ей, къ чему такъ отчаеваться? мы бы одержали надъ Касгарскимъ Султаномъ совершенную побѣду, есьли бы Принцъ, сынъ его, нечаяннымъ своимъ прибытіемъ, и такою храбростію, о которой безъ удивленія никакъ говорить не можно, не премѣнилъ начатаго нами дѣла:

дѣла: и такъ въ немъ только одномъ состоитъ вся сила и надежда Султана его родителя; по тому и хочу на него возстать; я пошлю къ нему вызовъ на поединокъ: сколь онъ ни храбръ, однако и я не менѣе мужества чувствую; льщусь смертїю его избавить васъ отъ опаснѣйшаго неприятеля, и побѣдою, которую я только одинъ получить чаю, быть достойну Принцессы Цендегруды.

Между тѣмъ, какъ Карибшакъ говорилъ такимъ образомъ, и уже напередъ льстился успѣхомъ въ сраженїи, воздухъ наполнялся радостными кликами о имяни Эдрисовѣ. Царица увѣдомясь о томъ, и не отвѣтствуя ничего Карибшаку, пошла на встрѣчу къ моему господину, и обнимая его съ горячностїю: Эдрисъ, сказала ему, проливая слезъ потоки, есьли бы

ты былъ вчера съ нами, то бы войски Фрайдуновы не имѣли надъ армѣею моей такого выигрыша, отъ котораго я не могу уже оправиться; но когда тебя паки обрѣтаю, то чувствую, что всѣ надежды мои возбудились съ нова.

Милостивая Государыня! отвѣтствовалъ ей Эдрисъ съ великою учтивостїю, необходимо нужные мои дѣла, для которыхъ я долженъ былъ изъ Самаркандїи удалиться, въ то самое время, когда хотѣлъ показать вамъ мои услуги, не могли возпрепятствовать мнѣ возвратиться къ вамъ, какъ скоро допустилъ случай; однако въ сей день поступаю противу строжайшихъ приказанїй, повелѣвающихъ мнѣ отъ двора сего на нѣсколько времяни отъѣхать. Но думаю, что при таковыхъ обстоятельствахъ могу вамъ

быть

быть небезполезенъ, пришелъ хотя уже и поздо, исполнить все, что вы ни повѣлите. Въ теперишнемъ состоянiи дѣлъ нашихъ, сказала на то Аль-Альма, думала я, что продолженiе войны не принесетъ мнѣ чести, а особливо видя себя не въ силахъ вести оную; но прибытiе твое возбуждаетъ мое мужество. Принцъ Карибшакъ предложилъ мнѣ средство, которое мнѣ кажется; только что бы славу сего предприятiя, отъ котораго счастiе мое зависитъ раздѣлилъ ты съ нимъ вмѣстѣ. Разумъ его не допуститъ ево тому сопротивляться, и я прошу ево, что бы его и твое имяна положены были въ сосудъ; и чье напередъ вынется, тотъ долженъ отважиться на столь же опасный, сколько славный бой. Тогда Царица почтя удивленiе Карибшаково, и молчанiе Эдрисово

за знакъ ихъ на то согласія, велѣла написать ихъ имяна на двухъ равной величины лоскуточкахъ бумаги, и потряся оные въ сосудѣ, опустила въ оной руку съ тѣмъ, что бы вынуть одинъ билетецъ, и посмотрѣть, чье имя стоитъ на ономъ. Вынулось имя Эдрисово. Храбрый воинъ, сказала ему Царица съ великою радостію, я знаю, что никакая опасность не можетъ тебя устрашить; сіе то самое заставляетъ меня льститься, что не откажешъ выйти съ Цемъ-Альцаманомъ на поединокъ, и употребишъ всѣ силы побѣдить такого Принца, который для насъ всѣхъ Фрайдуновыхъ войскъ страшнѣе.

Предложеніе сіе, что бы Эдрисъ бился съ Цемъ-Альцаманомъ, привело господина моего въ такое изумленіе, что нѣсколько минутъ былъ безмолвенъ; а Карибшакъ

шакъ пользуясь симъ времянемъ, старался показать Царицѣ, сколь много чувствуетъ онъ причиненное ему ею озлобленіе. Милостивая государыня, сказалъ онъ ей, когда въ таковыхъ случаяхъ мѣдлятъ, то сіе явнымъ знакомъ служитъ, что не находятъ себя достойнымъ того выбора, который вы съ обидою моей сдѣлали. Сколь тягостно мнѣ видѣть, что вы предпочитаете мнѣ простаго незнакомца, а можетъ быть и посредственнаго мужества, потому что онъ явился уже послѣ сраженія, въ которомъ бы могъ показать опыты своей неустрашимости, толь много Принцомъ Кобадомъ похваляемой. Эдрисъ не могъ стерпѣть толь дерзостныхъ словъ. Карибшакъ, сказалъ онъ ему, есьли я вчера не былъ при сраженіи, то ты долженъ вѣрить, что сіе для меня

не возможно было; когдабы позволялось мнѣ присудствовать на ономъ, то бы погибъ, или Царица осталась бы побѣдительницею; поносымъ бѣгствомъ не измѣнилъ бы ей никогда въ данной клятвѣ. Я выйду съ сыномъ Фрайдуновымъ, и могу увѣрить Султаншу, что есьли онъ побѣжденъ быть можетъ, я только одинъ въ силахъ получить желаемую ей надъ нимъ побѣду; и когда то исполню, то покажу тебѣ съ оружіемъ въ рукахъ, что Эдрисъ всегда превосходитъ тебя мужествомъ и породою.

Принцесса Цендегруда, которая при семъ спорѣ такъ же находилась, и до сихъ поръ не смѣла возвесть на Эдриса очи, почла за должность ихъ уговорить. Не въ подобномъ нашему состояніи, государи, сказала она имъ, должно вамъ спорить межъ собою;

бою; соединитесь лутче, что бы поразить такого неприятеля, коего храбрость умножаетъ нашу ненависть; ищите лутче средствъ, что бы съ честію могли мы въ Самаркандію возвратиться. Простите мнѣ, милостивая Государыня, сказалъ Эдрисъ, что я въ *присудствіи* Царицы и вашемъ поступилъ съ такою горячностію; но смѣю васъ увѣрить, что оказываемую мнѣ честь съ тѣмъ наибольшимъ удовольствіемъ приемлю, что она подастъ мнѣ можетъ быть случай доказать, что я не недостоинъ той довѣренности, которую вы ко мнѣ имѣете. Изволте послать отъ меня къ Цемъ-Альцаму вызовъ; и есьли на поединокъ согласится, то завтре на самомъ разсвѣтѣ не примину приѣхать въ лѣжащей подлѣ сего лагеря лѣсъ, и тамъ буду ожидать вашихъ и Царицы-

ныхъ повелѣній; а между тѣмъ дозвольте мнѣ употребить остатокъ дни сего, ко окончанію одного важнаго дѣла, принуждающаго меня васъ оставить. Чуть только скончалъ Принцъ сіи слова, то поклонясь Царицѣ, вышелъ изъ ея полатки, и сѣвъ на лошадь, удалился съ поспѣшностію отъ лагеря Самаркандской Султанши.

ВЕЧЕРЪ XXXIV.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Принцъ Касгарской возвратясь въ лагерь своего родителя, находился въ крайнемъ смущеніи. Не зналъ онъ, какимъ образомъ оный оставить, и уже готовъ былъ объявить Султану любовь

бовъ свою, открыться Самаркандской Царицѣ, и предложить ей о мирѣ и союзѣ его съ Принцессою Цендегрудою; какъ вдругъ пришло ему на память, что между стражами Фрайдуновыми находится одинъ весьма прекрасный и на него похожїй юноша, который для сей причины почитаемъ былъ своимъ сотникомъ такъ, что сей называлъ ево часто Принцомъ. Цемъ-Альцаманъ намѣрился употребить ево вмѣсто себя, и дожидаться вызову на поединокъ со стороны Самаркандской Царицы. Не болѣе четырехъ часовъ прошло послѣ его прибытїя, какъ пришелъ къ нему оттуда вѣстникъ. Проводили ево къ Султану, который въ перьвомъ своемъ движенїи, познавъ причину его пришествїя, пришелъ въ толь сильный гнѣвъ, что было хотѣлъ повелѣть ево повѣсить;

какъ Цемъ-Альцаманъ увѣдая о его приходѣ, послалъ къ родителю своему съ прошенїемъ, чтобы онъ на требованїе его согласился, представляя ему, что хотя между Эдрисомъ и имъ нѣтъ никакого равенства; однако отказъ сей можетъ привесть ево въ безславїе.

Фрайдунъ исполненный великодушїемъ, не могъ похулить желанїе своего сына, и Цемъ-Альцаманъ повеля обьявить Царицѣ, что на другой день спустя часъ послѣ восхода Солнца, приѣдетъ посреди лагерей только съ тысячью конными всадниками, и что и Эдрисъ можетъ привесть съ собой толикое же число воиновъ для охраненїя своей особы. Какъ скоро вѣстникъ уѣхалъ, то Принцъ послалъ за помянутымъ юношею. Тогруль! сказалъ онъ ему, оставшись съ нимъ на единѣ, дѣ-

ло состоитъ въ томъ, что бы ты оказалъ мнѣ наичувствительнѣйшую услугу, отъ которой благополучіе мое на вѣки зависитъ. Тогда открывъ ему о страсти своей къ Принцессѣ, и какую склонность она къ нему имѣетъ, такъ же и о обязательствѣ его биться подъ именемъ Эдриса съ самимъ собою. Ты только одинъ, любезный другъ, примолвилъ онъ, можешъ избавить меня отъ сего снѣдающаго безпокойства. Надень на себя то платье, въ которомъ я сего дня былъ въ армѣи у Аль-Альмы; оно тамъ очень извѣстно, а особливо по сей алмазной пуговицѣ, которую мнѣ сама Царица подарила. Завтре на разсвѣтѣ поѣжжай на моей лошади въ близь лагеря лѣжащей лѣсъ, и ожидай тамъ повелѣній сей Государыни. болѣе всего удерживайся отъ разговоровъ со всякимъ

человѣкомъ, есьли то возможно; поѣжжай съ присланными къ тебѣ отъ ней воинами на назначенное мной для сраженія мѣсто; я пріѣду туда въ черномъ вчерашнемъ моемъ платьѣ, и въ длинномъ покрывалѣ, имѣя притомъ не острые оружіи, и буду ударять тебя по тѣмъ мѣстамъ тѣла, гдѣ раны неопасны; ты проворенъ, употребляй противу меня все свое искуство, я то тебѣ позволяю; и когда сраженіе наше довольно времяни продолжится такъ, что бы почли оное самымъ разпаленнымъ, то я схвачу тебя поперегъ тѣла, ударю о землю, и ты здашся мнѣ въ плѣнъ; я увезу тебя къ себѣ въ лагерь, откуда надѣвъ на себя твое платье, возвращусь къ Царицѣ подъ видомъ, какъ будто бы Принцъ Цемъ-Альцаманъ послалъ меня туда съ тѣмъ, что бы о мирѣ стараться.

Тогрулъ.

Тогруль почиталъ себѣ откровенность Принца за величайшую честь, и потому согласился на предложенїе его безъ всякако прекословїя. Препровождая часть дня и ночи въ палаткѣ у Цемъ-Альцамана, вышелъ изъ оной по повелѣнїю его прежде восхода Солнца, и отправился въ назначенный для него лѣсъ. Ожидая воиновъ Царицыныхъ, благодарилъ судьбину, что подала ему толь хорошїи случай къ полученїю милости и любви своего Государя, какъ вдругъ увидѣлъ себя двадцатью конными всадниками окруженна, которые наскоча на него, и не давъ ему время, къ защищенїю своему приуготовиться, пронзили ево безчисленнымъ множествомъ ударовъ, и сбросили ево съ лошади въ толь ужасномъ состоянїи, что онъ сталъ совсѣмъ обезображенъ. Сїи несчастные смертоубїйцы не насыти-

ли

ли еще всей своей ярости, какъ въ лѣсу услыша топотъ лошадиный, разбѣжались по разнымъ мѣстамъ, опасаясь, что бы ихъ не переловили.

Тогда пришолъ на то мѣсто сотникъ Царицыныхъ стражей съ своею ротою, для встрѣтенія Эдриса; но увидя тамъ человѣка въ толь жалостномъ состояніи, заключилъ изъ его лица, роста и одѣжды, что то храбрый Эдрисъ. Какъ сей былъ любимъ всѣми, то воины наполнили вскоре весь лѣсъ своими жалобами, и всюды имя героя сего гласили.

Принцесса Цендегруда, которой первые движеніи гнѣва были для государства ея толь вредны, потому что лишили его помощи толь неустрашимаго воина, раскаивалась стократно, что извиненію его вѣрить не хотѣла; не безъ прискорбія взирала, какимъ образомъ говорилъ онъ на

кануне, хотя несколько и не понятно, о показанном своем ей послушанію; хотелось ей съ нимъ изъясниться, и для сего севъ на лошадь выехала изъ лагеря подъ темъ видомъ, что бы осмотреть окрестности онаго, и приближилась къ тому лесу, где несомненно чаяла найти Принца. Жалостные крики, и стократъ съ прискорбіемъ повторяемое имя Эдриса, побудили ее поскакать къ тому месту, где Тогруль умерщвленъ. Легко понять можно, что она чуть было не прекратила своей жизни, видя, что тотъ, коего она любовникомъ своимъ почитала, лежалъ на земле весь окровавленъ и израненъ. Отерла обагренное кровію его лице, и обманувшись сходностію Тогрула съ Принцомъ, пала безчувственна въ руки къ сему сотнику, который былъ причиною, что мерзкіе смерто-

тоубійцы разбѣжались. Наконецъ отворила очи, и мня зрѣть въ Эдрисѣ нѣкоторые жизненные знаки, простерла къ нему свою руку: Государь! сказала она ему обливаясь слезами, извѣсти намъ по крайнѣй мѣрѣ, какіе чудовища привели тебя въ толь ужасное состояніе, и будь увѣренъ, что отмщу имъ сильнѣйшимъ образомъ.... Тогруль собравшись тогда нѣсколько съ силами, старался промолвить, и воображая себѣ, что Принцъ хотѣлъ ему только измѣнить, Цемъ-Альцаманъ, сказалъ ей слабымъ и прерывающимся голосомъ, Цемъ-Альцамъ.... болѣе не могъ онъ ничего промолвить, и смерть лишивъ его въ ту минуту языка и жизни, пронзила Принцессу толь чувствительною скорбію, что она чуть было не прекратила дней своихъ. Какъ! вскричала она, Эдрисъ умерщвленъ жестокосердымъ

сердным Касгарским Принцом? ах! чудовище превосходящее и самых тигров въ свирѣпости! довольно являешъ, что достойный сынъ убійцы моего родителя. Развѣ думаешь, что мерзостная твоя жестокость останется безъ наказанія? нѣтъ, любезный Эдрисъ, я тебя отмщу или сама погибну. Ты самъ открылъ мнѣ имя твоего убійцы, и Цендеруда не будетъ тѣмъ только довольна, чтобы тебя оплакивать; сія рука, которая не разъ стремилась безъ страха на самыхъ яростныхъ звѣрей, приметъ оружіе мести къ погубленію злодѣя, отнявшаго у тебя жизнь; я тебя Эдрисъ любила; не страшусь болѣе, что бы таинство сіе всѣмъ открылось, и послѣ смерти твоей явлю тебѣ опыты сей страсти. Но для чего отлагать мщеніе: намѣреніе положено; никто неможетъ меня отвратить отъ

онаго;

онаго; Эдрисъ хотѣлъ сражаться съ невѣрнымъ Касгарскимъ Принцомъ; въ сей самой его одѣждѣ хочу лишить ево жизни или отмщевая ему погибнуть со славою. Я запрещаю вамъ, говорила она къ стоящимъ тамъ воинамъ, запрещаю вамъ подъ опасенiемъ моего гнѣва, сопротивлятся моимъ намѣренiямъ, ниже отвращать меня отъ оныхъ какимъ посторонним образомъ; шестеро изъ васъ останьтесь здѣсь для стражи сего драгоценнаго тѣла, пока не пришлю взять его для погребенiя съ достодолжною для него честiю; прочiе же слѣдуйте за мной на опредѣленное къ сраженiю мѣсто, и никто да не дерзаетъ объявить, что въ одѣждѣ Эдрисовой станетъ съ жестокосердымъ Цемъ-Альцаманомъ сражаться Самаркандская Царевна.

Цендегруда являла тогда въ очахъ своихъ нѣчто толь ужасное, что всѣ повиновались ей съ стрепѣтомъ, сняли съ мнимаго Эдриса одѣжду, Принцесса надѣла на себя оную и сѣвъ на лошать оставила сей лѣсъ съ изображенїемъ на лицѣ жесточайшей ярости, и приѣхала на назначенное для сраженїя мѣсто, гдѣ Цемъ-Альцаманъ ожидалъ ложнаго Эдриса съ нетерпеливостїю.

Стрѣмленїе сильныхъ движенїй, волнующихъ Принцессу, дѣлало ее толь безобразною, что познать ее никакъ не можно было. Увидя Цемъ-Альцамана изъ дали въ покрывалѣ: невѣрный! кричала она, не смѣетъ показать то во очахъ, своихъ, что въ сердце у него происходитъ! но вскорѣ отмщу причиненное мнѣ имъ озлобленїе. Тогда возбудясь жесточайшею яростїю, поскакала

во

во весь опоръ прямо на Принца, и бросилась на него съ толикимъ стремленіемъ, что Цемъ-Альцаманъ, неожидавшій такого нападенія, чуть было не спалъ съ лошади: выхватилъ поскорѣе свою саблю, и отводилъ наносимые на него удары съ великимъ искуствомъ, ударяя соперника своего саблею только плашмя, и то для того, что бы прежней славы своей не помрачить единымъ себя обороненіемъ.

Между тѣмъ, какъ Принцъ щадилъ своего неприятеля, ослѣпленная яростію Цендегруда дала ему толь сильный ударъ, что бы онъ конечно погибъ, есьлибы по счастію сабля его задѣвъ ея лошадь по головѣ, сдѣлала ей рану, изъ которой кровь брызнула Принцессѣ въ лице. Тогда опасаясь, чтобы сей опасно раненый звѣрь не взбѣсился, соскочила она поспѣшно на землю;

а Принцъ радуясь, что мнимый его Тогруль въ такомъ находится состоянiи, что сраженiе скончать можно, такъ какъ то онисогласились, соскочилъ также съ своей лошади, и приближился къ нему, что бы схватить ево поперехъ тѣла ; но Принцесса бросилась на нево съ такою яростiю, что не могъ уклонится отъ данной ему въ лѣвую руку раны. Цемъ-Альцаманъ удивленный стремленiемъ ложнаго Эдриса, не зналъ, что заключить изъ упорства, съ коимъ онъ защищался, какъ Цендегруда показала ему поносными своими укоризнами, что онъ не противъ Тогруля сражается. Кто бы ты таковъ ни былъ, сказалъ онъ тогда, знай, сколь то для тебя вредно, что вывелъ меня изъ такого заблужденiя, которое могло спасти жизнь твою: по семъ схватя ее поперегъ

регъ тѣла съ чрезмѣрною силою ударилъ ее о землю, и хотѣлъ уже отрубить ей голову, какъ челма съ нее спала, и предлинные ея волоса по плѣчамъ ея распространились; онъ отеръ окровавленное лице ее, и узрѣлъ, что врагомъ его была Самаркандская Царевна.

Толь неожидаемое удивленіе, умножилось еще болѣе тѣмъ, что Цендегруда держа еще въ рукѣ саблю, прилагала всѣ свои силы, пронзить ево оною въ сердце; мнилъ что Принцеса ево узнала; удержалъ ее руку, и говорилъ такъ: ахъ! милостивая государыня, какая толь жестокая ненависть влечетъ васъ къ толикимъ крайностямъ противу Цемъ-Альцама? есьли Эдрисъ заслужилъ вашъ гнѣвъ, то за то уже довольно наказанъ. Вмѣсто сего виновнаго Эдриса, котораго уже нѣтъ болѣе, примите супругомъ

ругомъ своимъ Принца Касгарскаго, который васъ обожаетъ; въ немъ найдете вы всѣ тѣ пользы, каковыхъ бы не надлежало вамъ ожидать въ незнакомцѣ.

ВЕЧЕРЪ XXXV.

Продолженїе Исторїи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Казалось, что злый духъ внушалъ въ Цемъ-Альцамана такїя рѣчи, коихъ двумыслїе воспаляло сердце Цендегрудино къ вящей ярости: измѣнникъ! вскричала она, когда мерзостною твоею измѣною лишилась Эдриса на вѣки; то отъемли жизнь и у несчастной Цендегруды.

Чуть только Принцесса сїи слова скончала, какъ главнѣйшїе вожди Царицыной армѣи при-

ближась къ мѣсту сраженія, для испрошенія у Принца жизни того, котораго Эдрисомъ считали, пришли въ толь великое удивленіе, нашедъ вмѣсто того Принцессу, что вѣсть сія лѣтая у воиновъ Царицыныхъ, вложила въ длани ихъ оружіе къ защищенію своей Царевны.

Между тѣмъ, какъ Цемъ-Альцаманъ сѣвъ немѣдленно на лошадь, удалялся отъ туда съ спопѣшностію; Цендегруда была отведена въ ея лагерь, а войски разставленные для охраненія онаго, разгорячась съ обѣихъ сторонъ напали другъ на друга съ неописаннымъ стремлѣніемъ, и Принцъ предводительствуя своими воинами, разпалясь жесточайшею скорбію и сильнѣйшимъ гнѣвомъ, явилъ дѣйствіи того надъ тѣми, кои по несчастію стопамъ его встрѣчались такъ, что не можно было себѣ пред-

ста-

ставить, что бы удары его отъ простаго смертнаго произходили.

Здѣсь долженъ я изъяснить вамъ, милостивыя государыни, кто былъ убійцею ложнаго Эдриса; и я думаю, что вы конечно то познали, приведя себѣ на память, что между моимъ Государемъ и Принцемъ Карибшакомъ происходило. Сей послѣдній раздраженный поступкомъ Султаншинымъ въ разсужденіи его, и поражающею его гордостію, съ которою Эдрисъ опровергъ презрительныя его о немъ рѣчи, болѣе же всего воспаляясь сильнѣйшею страстію къ Цендегрудѣ, думалъ, что къ полученію сей Принцессы нѣтъ болѣе уже средства, какъ только погубить толь страшнаго соперника; и будучи увѣренъ, что исполнить то честнымъ путемъ никакъ не можетъ, положилъ его убить съ

 тѣмъ,

тѣмъ, что бы на бой съ Касгарскимъ Принцомъ предстать на его мѣсто. Какъ не взирая на сіи толь подлыя мысли, былъ онъ храбръ, то не сомнѣвался, что бы не остался побѣдителемъ по такомъ сраженіи, которое выдумалъ онъ единственно для себя, и увѣрялся уже напередъ, что Султанша не отречется дать ему Цендегруду въ супружество.

И такъ Карибшакъ повелѣлъ убить Эдриса, что и исполнено было надъ несчастнымъ Тогрулемъ. Начальникъ сего мерзостнаго предприятія пришелъ самъ ему о томъ объявить, отъ чего онъ чрезмѣрную ощущалъ радость; но видя пришествіе Принцессы, которую онъ по причинѣ Эдрисовой на ней одѣжды узнать не могъ, взиралъ на того вѣстника съ разпаленнымъ видомъ, и уже положилъ въ серд-

цѣ

цѣ своемъ достойную ему за то казнь. Однако окончанїе сраженїя моего Государя съ Цендегрудою доказало ему истинну исполненїя его повелѣнїй, что привело ево въ такую радость, что не помышляя о томъ договорѣ, которымъ тысяча всадниковъ, пришедшихъ туда съ своими воинами, представляли токмо зрителей, началъ прежде всѣхъ побуждать войски Царицыны къ прерванїю онаго. Онъ думалъ, что Принцъ Касгарскїй утружденъ будучи выдержаннымъ имъ сраженїемъ, не будетъ имѣть довольно силы къ защищенїю себя отъ его ударовъ; но Цемъ-Альцаманъ раздраженъ будучи сильнѣйшимъ гнѣвомъ, и познавъ въ Принцѣ семъ дерзскаго соперника, заставилъ ево вскорѣ возчувствовать дѣйствїя своей ярости; по довольно сильномъ и весьма упорномъ сраженїи для

Принца оскверненнаго мерзостнѣйшимъ преступленїемъ, разрубилъ ему Цемъ-Альцаманъ голову однимъ махомъ, и такъ сей убїйца не имѣлъ время, насладиться плодами своей измѣны.

Смерть Карибшакова привела въ робость воиновъ Царицыныхъ; ибо видя, какъ Касгарскїй Принцъ ихъ порубаетъ, ударились въ бѣгъ, и насилу до лагеря своего достигли, куда принесена была и Принцесса Цендегруда.

Есьли бы Государь мой хотѣлъ безпорядкомъ симъ возпользоваться, то бы всѣ сїи войски могъ порубить на голову; но великодушїе спровожая всѣ дѣла его, не допустило ево до онаго; онъ запретилъ за ними гнаться, и возвратился въ лагерь Султана своего родителя съ пронзеннымъ жесточайшею болѣзнїю сердцемъ.

Терзаясь мучительными размышленіями, не могъ онъ понять, чтобы могло побудить Принцессу сражаться съ нимъ съ такою ненавистію; какимъ образомъ переодѣлась она въ Тогрулево платье, и что съ симъ юношею сдѣлалось; въ разсужденіи чего повелѣлъ мнѣ о томъ вывѣдать; самъ же заперся въ своей палаткѣ, приказавъ къ себѣ никого не допускать, и не хотѣлъ, чтобы полученныя имъ на семъ сраженіи раны осмотрѣли.

Фрайдунъ увѣдомясь о печали Принца, и думая, что оная произходитъ единственно отъ стыда, что сраженіемъ своимъ съ Принцессою посрамилъ свое оружіе, пошелъ къ его палаткѣ, и взошедъ въ оную не взирая на ево запрещеніе, принудилъ ево дать осмотрѣть свои раны, которыя весьма не опасны были; въ разсужденіи чего оставилъ

ево безъ всякаго безпокойствїя, употребя сперва все то, чемъ думалъ утѣшить ево въ скорби изображенной на лицѣ его.

Между тѣмъ Цемъ-Альцаманъ препроводилъ ту ночь въ великомъ смятенїи такъ, что на другой день впалъ въ прежестокую горячку; вѣсть сїя опечалила Султана не мало; онъ побѣжалъ къ Принцу: любезный сынъ, говорилъ онъ ему, состоянїе твое трогаетъ меня чувствительнѣйшимъ образомъ; открой мнѣ свое сердце; Самаркандская Царица прислала просить меня о перемирїи, для похороненїя побитыхъ мужественныхъ ея воиновъ; храбрость твоя привела ее въ такую слабость, что отказавъ ей въ семъ требованїи могъ бы разрушить совсѣмъ всѣ ея надежды; но не взирая на ея несправедливость, хочу показать должное полу ея почтенїе, и дай

боже,

боже, чтобы подозрѣнiи мои были истинны; тогда покусился бы о возстановленiи съ ней непоколебимаго мира. Принцесса Цендегруда извѣстна не только своею красотою, но и мужествомъ; есьли бы я зналъ точно, что союзъ ея для тебя непротивенъ, то бы велѣлъ сдѣлать ей такiе предложенiи, въ которыхъ отказать она мнѣ по справедливости не можетъ, по тому что есьли бы нынѣ захотѣлъ мщенiя, то могъ бы завладѣть ея землями, не имѣя отъ ней ни малѣйшаго сопротивленiя. Милостивый Государь, отвѣтствовалъ на то Цемъ-Альцаманъ, я не запираюсь предъ вами, что люблю Принцессу Самаркандскую, и что все мое благополучiе зависитъ отъ обладанiя ею; но сомнѣваюсь, чтобы несправедливая Цендегруда захотѣла принять предложенiи ваши; она

 возъ-

возъимѣла ко мнѣ толь сильную ненависть, что не могу льститься, чтобы она такъ скоро премѣнила о мнѣ свои мысли; однако, Милостивый Государь, предложите ей о мирѣ безъ всякаго условія, просите Принцессу мнѣ въ супругу; но только, чтобы Царица не употребила при томъ своей власти; я Цендегрудою хочу обязанъ быть только ей самой, и почту себя несчастнѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ, есьли давъ мнѣ ея руку, явятъ склонности ея насиліе.

Между тѣмъ, какъ сіе у Касгарскаго Султана происходило, Царица Самаркандская, смущенная сраженіемъ Прицессы своей дочери, велѣла ея раздѣть. Не нашли на ней ни единой раны; смерть Эдрисова, о похоронахъ котораго прилагала она всѣ свои силы, привела ее въ толикое отчаяніе, что непрестaвала проливать

вать слезы, и Царица во всѣхъ словахъ ея находила толико ярости и жестокости, что смертельную скорбь отъ того чувствовала.

Аль-Альма и Цендегруда находились въ семъ плачевномъ состоянїи, какъ Визирь, избранный Фрайдуномъ посломъ къ Царицѣ, прибылъ въ ея лагерь, подалъ ей письма, и умѣлъ въ поступкѣ своего Государя показать ей толико великодушїя, и толико пользы въ союзѣ ея съ нимъ, что сїя оказываемымъ ей симъ Султаномъ почтенїемъ тронутая родительница побѣжала немѣдленно къ Цендегрудѣ. Любезная моя дщерь, говорила она ей, я пришла объявить тебѣ о мирѣ, котораго мы въ толь бедственномъ нашемъ состоянїи никакъ не моглибы ожидать; Султанъ Касгарской предлагаетъ намъ оный, и требуетъ, чтобы запе-

чатлѣнъ онъ былъ союзомъ твоимъ съ Принцомъ его сыномъ. Письмо его наполнено толь прїятными выраженїями, что въ одну минуту потушило въ сердцѣ моемъ всю ту ненависть, которую я къ нему имѣла, и кою и въ тебя внушила. Однако я не хотѣла Визирю его ничего обѣщать прежде, нежели узнаю твои о томъ мысли; всѣ Принцы наши союзники погибли отъ меча Цемъ-Альцаманова, и надежда остается намъ только на небеса и на твое согласїе.

Ахъ милостивая государыня! вскричала Цендегруда, убїйца Эдрисовъ не будетъ никогда моимъ супругомъ; теперь уже не время, скрывать отъ васъ страсть мою къ сему Герою, и причиняемую смертїю его мою жестокую печаль: вчера умиралъ онъ во очахъ моихъ въ близь лѣжащемъ отъ лагеря лѣсѣ; онъ испу-

стилъ

стилЪ духЪ на рукахЪ моихЪ, и послѣднїе его слова вразумили мнѣ довольно, что жестокосердый ПринцЪ Касгарскїй былЪ его убїйца; я хотѣла во одеждѣ Эдрисовой отмстить смерть его; но по несчастїю успѣха вЪ томЪ не имѣла; и такЪ не только не хочу быть его женою, но и клянусь великимЪ нашимЪ ПророкомЪ, что покажу сему варвару все то, что только справедливая месть внушить вЪ меня можетЪ, сразмѣряясь сЪ тою непримиримою ненавистїю, которую я кЪ нему имѣю.

Самаркандская Султанша была сею рѣчью приведена вдругЪ во удивленїе и печаль; старалась всячески, привесть духЪ Принцессинъ вЪ хорошее состоянїе; но ничто не помогло, и оставила ее вЪ той надеждѣ, что можетЪ быть ночь, подавЪ скорьби ея нѣкоторое облегченїе, побудитЪ ее

къ размышленіямъ согласнѣйшимъ съ здравымъ разумомъ, и къ повиновенію материнскимъ ея желаніямъ.

Во весь тотъ день войски Султанши Самаркандской, увѣдая о прибытіи Визиря Фрайдунова, и о причинѣ его посольства, находились въ чрезмѣрной радости, и прославляли безпрестанно Касгарскаго Султана за его человѣколюбіе и умѣренность. Принцесса узная о томъ пришла еще въ большую ярость; и не сомнѣваясь, что бы Султанша не учинила ей сильнѣйшихъ представленій къ побужденію ея сочетаться съ Цемъ-Альцаманомъ, велѣла осѣдлать себѣ лошадь, и взявъ съ собой только одного невольника, вознамѣрилась изъ лагеря уѣхать.

ВЕЧЕРЪ XXXVI.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Вѣ какое пришла Султанша удивленіе, когда проснувшись увѣдала о отсудствіи Принцессиномъ! никакъ не возможно представить чувствуемую ей тогда печаль, которая взоромъ Визиря Фрайдунова еще болѣе умножилась; не обьявя ему настоящей причины омерзенія Цендегруды къ Цемъ-Альцаману, говорила она ему такъ, проливая слезъ потоки: ты видишъ, сколь много изгоняетъ меня судьбина; засвидѣтельствуй пожалуй Султану своему Государю, какое почтеніе я къ нему имѣю, и увѣрь Касгарскаго Принца, что союзъ его съ Цендегрудою не отъ меня зависитъ, хотя усердно предложеннаго

наго имъ мнѣ мира желаю. Принцесса опасаясь конечно, что бы съ ней не поступила я со всею властїю, удалилась изъ лагеря, а съ ней лишилась я на всегда утѣшенїя. Я нахожусь во отчаянїи; но льщусь, что Фрайдунъ не захочетъ поразить меня въ моемъ злополучїи, ниже возпользуется тѣми преимуществами, которые счастїе дало ему предъ мною. Конечно нѣтъ, милостивая Государыня, отвѣтствовалъ на то Визирь, который прежде еще своего въ лагерь ея прибытїя, получилъ отъ Принца наставленїе; таковыхъ намѣренїй, Государь мой, не имѣетъ; онъ предлагаетъ вамъ миръ безъ всякаго условїя, и не хочетъ стѣснять склонности Принцессы; Цемъ-Альцаманъ почитаетъ ее чрезмѣрно, и горитъ къ ней непорочнѣйшею страстїю, и потому получить ее хочетъ только отъ ее самой.

По

По отбытіи Визиря, Султанша, пронзенная чувствительнѣйшею скорбїю повелѣла искать Принцессу всюды; сама же съ остальными своими войсками возвратилась въ Самаркандїю въ плачевномъ состоянїи.

Есьли Султанъ удивлялся отсудствїю Цендегруды, и ненависти ея къ Принцу, то сей послѣднїй понялъ все сїе довольно; но не могъ безъ крайняго прискобїя зрѣть полученное имъ отъ Принцессы письмо, въ которомъ увѣряла она ево, что не только не хочетъ никогда быть его женою; но еще сочетается только съ тѣмъ, который принесетъ ей его голову.

Истощался онъ въ размышленїяхъ, и не могъ того понять, какимъ образомъ Цендегруда, которая къ нему подъ имянемъ Эдриса толь была благосклонна; чувствовала къ нему не преобори-

мѣй-

мѣйшую ненависть, какъ скоро узнала, что онъ Принцъ Касгарскій? и такъ во отвращеніи семъ обвинялъ онъ только Тогруля, котораго подозрѣвалъ въ измѣнѣ, потому что Принцесса сражалась съ нимъ въ его одеждѣ, и на его лошади; но увѣдая отъ Визиря, возвратившагося изъ лагеря Султанши, что сей несчастный найденъ былъ весь израненъ въ назначенномъ лѣсу, не зналъ болѣе, чему приписать чрезмѣрное омерзеніе къ нему Принцессино; и потому долженъ былъ употребить всю силу своего резсудка, что бы скорьбію своею не сразиться. Только опасаясь опечалить Султана, который любилъ ево съ такою горячностію, удерживался онъ отъ пагубной мысли, лишить самого себя такой жизни, которая ево уже обремѣняла; но не могши побѣдить снѣдающей ево тоски впалъ онъ въ такую задумчивость,

чивость, что Фрайдунъ пришелъ отъ того въ крайнѣе смущенїе. Сей Государь возвратился также въ Касгаръ, куда вступилъ подъ плесками и восклицанїями своего народа, который неисчетными своими молитвами возсылаемыми о Государѣ своемъ на небеса, являлъ довольно, сколь много онъ его любитъ.

Султанъ почитая за должность, торжествовать свои побѣды, и заключенный съ Самаркандскою Султаншею миръ, опредѣлилъ великолѣпное празднество; и думая разогнать тѣмъ скуку Принца, велѣлъ и ему быть на ономъ, хотя онъ и весьма много отговаривался отъ присудствїя на семъ публичномъ позорищѣ, которое описывать подробно нимало не нужно; но скажу только, что оный окончевался конскимъ рысталнїемъ

емъ по лѣжащей за Касгаромъ долинѣ; и Цемъ-Альцаманъ, который ѣхалъ подлѣ Султана, хотѣлъ уже въѣжжать съ нимъ въ городъ, какъ терзающая его печаль побудила ево отстать на нѣсколько шаговъ отъ своей свиты, въ которое время нѣкой всадникъ наскакавъ на него съ яростію, вонзилъ въ нево свою шпагу до самого ефеса. Воздухъ наполнялся ужаснѣйшими криками о толь странномъ и неожидаемомъ произшествіи; поспѣшно прибѣжали къ трепещущемуся Принцу на помощъ, и убійца его лишился бы конечно жизни спутниками Султановыми, есьли бы сей Государь не повелѣлъ самъ взять ево жива, намѣрясь предать ево мучительнѣйшимъ казнямъ.

Какъ всадникъ сей былъ обезоруженъ, то безъ труда наложили на нево оковы; и между

тѣмъ, какъ вели ево въ темницу, Цемъ-Альцамана несли во дворецъ подъ плачевными воплями, криками и стѣнанïемъ всего города.

Какъ у Принца вытѣкло много крови, и врачи не могли по ранѣ его заключить ничего хорошаго, *то Султанъ* пришелъ отъ того въ отчаянïе; и желая знать убïйцу своего сына, повелѣлъ привесть ево къ себѣ. Одѣжда сего преступника была вся измарана и изодрана, и онъ заключенъ былъ въ толь тяжкïе оковы, что насилу могъ ихъ нести; но не взирая на сïе плачевное его состоянïе въ лицѣ его блистала толь великая красота, что *Султанъ*, сколь ни великую скорбь чувствовалъ, не могъ взирать на нево безъ удивленïя, которое еще болѣе умножилось, когда младый сей человѣкъ говорилъ ему такъ: „ Султанъ

„ Касгар-

„ Касгарскій! познай всю мою ра-
„ дость, которую я чувствую,
„ лиша сына твоего жизни, и
„ отмстя тѣмъ кончину моего
„ родителя и смерть такого ге-
„ роя, коему я величайшею
„ благодарностію была обязана;
„ познай изъ чертъ лица моего
„ Принцессу Самаркандскую; я
„ должность свою исполнила,
„ теперь дѣлать то остается
„ тебѣ; я пролила кровь твою,
„ пролѣй и ты мою; я не тре-
„ бую отъ тебя никакой поща-
„ ды; а прошу только о той
„ милости, что бы ты свобо-
„ дилъ меня отъ оковъ, и при
„ казнѣ моей сохранилъ бы цѣ-
„ ломудріе и почтеніе должные
„ полу моему и породѣ. „ Же-
стокосердая Цендегруда! вскри-
чалъ Фрайдунъ, есьли отца тво-
его лишилъ я жизни, то сіе бы-
ло на сраженіи, на которомъ и
онъ на мой животъ покушался,
и

и смерть его не могла навлечь мнѣ укоризны отъ всѣхъ тѣхъ, которые справедливость любятъ. Но безчеловѣчная Принцесса! какая ярость простерла мучительскую твою руку на грудь моего сына? какое оскорбленіе получила ты отъ великодушнаго Принца, который тебя обожаетъ? я предлагалъ его тебѣ въ супруга; а съ симъ несчастнымъ сыномъ, котораго ты меня злосердіемъ своимъ лишаешь, вручалъ тебѣ и мое Царство, когда могъ тебя поразить совсѣмъ безпрекословно. Развѣ Цемъ-Альцаманъ не достоинъ былъ Самаркандской Принцессы, какъ своими великими дѣлами такъ своею породою и самимъ собою? Великодушный его поступокъ долженствовалъ бы возбудить къ благодарности всякое сердце, нестоль жестокое, какъ твое. Ты не довольна

была

была тѣмъ, что ярость свою на меня обратила; лишенiе моей жизни не могло тебя удовольствовать; но для вящаго моего прискорбiя устремилась на жизнь любезнаго мнѣ сына.

Султанъ не могъ скончать укоризнъ сихъ безъ пролитiя горчайшихъ слезъ; Цендегруда тронулась ими: Султанъ, сказала она ему, хотя я въ учиненномъ мной съ сыномъ твоимъ поступкѣ не хочу искать ни малѣйшаго извиненiя; однако клянусь тебѣ, что поступила такъ съ Цемъ-Альцаманомъ не столько для изъявленiя мѣсти Фрайдуну, сколько для наказанiя ево зо собственное его преступлѣнiе: я бы никогда не покусилась на животъ его, есьли бы онъ самъ величайшею въ свѣтѣ жестокостiю не лишилъ жизни того, кого я любить могла; сего то урона не могу довольно опла-

оплакать; онъ то принудилъ меня къ толь отчаянному дѣлу; онъ то показываетъ тебѣ, сколь жизнь для меня несносна.

✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻✻

ВЕЧЕРЪ XXXVII.

Продолженїе исторїи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Красота производитъ въ насъ обыкновенно особливое дѣйствїе; потому и Султанъ, сколь ни много раздраженъ былъ, повелѣлъ снять съ Принцессы оковы, и дать ей пристойную полу ея одѣжду; повелѣлъ вмѣсто заключенїя ее въ темницу, отвести ее въ особливый покой во дворцѣ, и за ней присматривать, не упуская притомъ достодолжнаго ей почтенїя, и убѣгая все-

го того, что бы могло причинить ей какое неудовольствіе.

Цемъ-Альцаманъ находился тогда между смертїю и жизнїю, и рана его была столь велика, что врачи, которые не могли еще рѣшить его судьбину, запретили съ нимъ говорить. Хотя въ крайней слабости находился, однако всегда былъ въ полномъ разумѣ; и не могши увѣриться, что бы рану получилъ онъ отъ кого инаго, какъ отъ посланнаго Цендегрудою человѣка, вспомнилъ, что шпага, которою онъ былъ пронзенъ, осталась у него въ тѣлѣ, и изторгнута была врачами; почему думалъ открыть симъ средствомъ нѣкую часть своихъ сомнѣнїй; приказалъ принести къ себѣ оную, и чуть только взглянулъ на оную, то признавъ ее тою, которую носилъ онъ подъ имянемъ Эдриса, которую далъ Тогруллу, и кото-

которую видѣлъ въ рукахъ у Цендегруды при послѣднемъ его сраженіи; не сомнѣвался уже болѣе, что бы не она сама на жизнь его покусилась. О Небо! проговорилъ онъ тогда, и такъ умираю я отъ рукъ Принцессы Самаркандской. Изрядно, пускай намѣренія ея свершатся. Проговоря сіи слова, схватилъ рукой за перевязки, и хотѣлъ ихъ отъ ранъ своихъ отдернуть, какъ пришествіе Султаново удержало ево отъ того по счастію.

Сей почтенный родитель, тронувшись чрезмѣрно жалкимъ состояніемъ, въ которомъ сынъ его находился, и будучи свидѣтелемъ его отчаянія, подошелъ къ нему съ томнымъ видомъ, дѣлалъ ему нѣжнѣйшія укоризны, и представляя ему, что онъ на жизнь свою не иначе покуситься можетъ, какъ пренебрегая и

жизнїю прискорбнаго своего родителя.

Цемъ-Альцаманъ имѣя къ Султану чрезмѣрное почтенїе, тронулся его укоризнами; и не взирая на свою слабость, хотѣлъ было пасть съ кровати для испрошенїя у него прощенїя, и для защищенїя Цендегруды; однако Султанъ въ томъ ему возпрепятствовалъ. Милостивый Государь! говорилъ онъ, Принцесса Самаркандская находится во власти вашей; то доказываетъ мнѣ сїя шпага, коею она меня пронзила: для ради великаго нашего Пророка несокрывайте ее отъ меня долѣе; она хотѣла лишить меня жизни; она одна можетъ возвратить мнѣ оную, я самъ умру съ печали, когда упущу должное полу и породѣ ея почтенїе; вмѣсто темницы и цепей, предложи ей Государь, престолъ и корону; есьли она ихъ не приметъ,

метъ, то сей только милости требую, что бы не держали ее долѣе въ такомъ плену, который можетъ возбудить въ ней ко мнѣ еще большее омерзенïе и отвращенïе; повели, Государь, отвезти ее въ Самаркандïю со всею тою честïю, каковой толь великая Принцесса достойна; а въ награду за ненарушимую любовь, которую сохраню къ ней по самую смерть, уговорите ее, когда то возможно, что бы она прежде своего отъѣзда удостоила меня своимъ посѣщенïемъ хотя на одну минуту; смерть будетъ для меня тогда прïятна; или свиданïе сïе подастъ мнѣ силы къ продолженïю такой жизни, которая предвижу, будетъ для меня безъ Цендегруды несносна.

Султанъ, для успокоенïя Принца, увѣрялъ ево, что Принцесса находится въ его власти; и что онъ приказавъ ее вывести

изъ темницы , повелѣлъ содержать ее во дворцѣ; словомъ обѣщалъ господину моему все то, чего онъ отъ нево требовалъ, и увѣщевая ево, дабы и онъ съ своей стороны не упускалъ ничего къ своему выздоровленію, пошелъ къ Цендегрудѣ, на которую не могъ смотрѣть безъ удивленія, коего красота ея отъ всѣхъ требовала.

Принцесса! сказалъ онъ, Цемъ-Альцаманъ умираетъ, какъ ты того желаешъ; но какъ лишится онъ жизни съ прискорбнымъ духомъ, когда не будешъ ты свободна, и отвезена въ Самаркандію съ должною породѣ твоей честію, и какъ то можетъ быть уже послѣдніе требованіи достойнаго лутчей доли Принца, то объявляю тебѣ, что ты сію бѣдоносную страну можешъ оставить, когда тебѣ угодно; только прошу тебя, есьли прозьбы

бы такого Государя, котораго ты несчастнѣйшимъ на свѣтѣ человѣкомъ дѣлаешъ, могутъ тебя тронуть; дозволь, что бы злосчастный Цемъ-Альцаманъ могъ сказать тебѣ въ послѣднiй разъ прости; въ сей милости не можешъ конечно отказать такому *Принцу*, который отъ рукъ твоихъ получаетъ смерть съ толикимъ почтенiемъ и усердiемъ.

Цендегруда, приведенная рѣчами Султана въ крайнее удивлѣнiе, не могла долгое время ни одного промолвить слова; потомъ потупленные свои въ землю очи возведъ на небо: Великiй Магометъ! вскричала она возможноли, чтобы тотъ самый человѣкъ, который поноснѣйшее учинилъ злодѣянiе, являлъ въ прочихъ своихъ дѣлахъ толико великодушiя? развѣ добродѣтельнымъ и милосердымъ дол-

женъ онъ казаться только для того, чтобы во очахъ человѣческихъ сдѣлать меня тѣмъ болѣе винною! Изрядно, Государь, сказала она Фрайдуну, я пойду къ Цемъ-Альцаману, когда онъ того желаетъ, не для возблагодаренія за дарованную мнѣ тобой жизнь и свободу; но для уличенія ево при тебѣ самомъ, что жестокая измѣна его въ разсужденіи такого героя, который въ памяти моей останется на вѣки, недостойна была толь славной судьбины, чтобы умереть отъ рукъ Цендегруды.

Не знаю я, отвѣтствовалъ Султанъ, какимъ преступленіемъ обвиняешъ ты Принца; но знаю, что онъ ни мало не виненъ; время прогонитъ можетъ быть темноту, которою таинство сіе покровенно: во ожиданіи же сей минуты, и чтобы сынъ мой могъ свидѣться съ тобой спокой-

спокойно, можешь совершенною свободою наслаждаться.

Какъ скоро Султанъ отъ Принцессы вышелъ, то она желая знать, точно ли свободна, сошла въ дворцовый садъ. Прохаживаясь тамъ въ провожанїи приставленныхъ къ ней невольницъ, сказала Евнуху, которому сперва смотрѣть за ней поручено было, что желаетъ видѣть городъ, и просила ево, выводить ее по всѣмъ мѣстамъ онаго. Покрылась фатою, и взявъ пристава сего за руку, прошла по нѣкоторымъ мѣстамъ города. Пришедъ на площадь, которая противъ самого дворца находилась, увидѣла тамъ въ кучѣ великое множество народа; она приближилась къ оной, и усмотрѣла, что одного израненаго кинжаломъ человѣка несли къ врачу; онъ показался ей знакомъ, и надумавшись вспомнила, что

 онъ

онъ жилъ при Принцѣ Карибшакѣ; въ разсужденіи чего почла за долгъ за нево вступиться, и приказавъ отнести ево въ ближайшій домъ, дала денегъ для доставленія ему всевозможной помощи. Привели врача, который осмотря при ней его раны, нашелъ ихъ толь опасными, что сей человѣкъ зря въ какой опасности находится, и чувствуя чрезмѣрно милость Принцессы Самаркандской, просилъ всѣхъ при томъ бывшихъ отъ нево удалиться, и сказалъ ей, что имѣетъ открыть ей важнѣйшее таинство. Когда всѣ вышли, и только Евнухъ, врачь и Принцесса остались, то сей раненый говорилъ такъ: Милостивая Государыня! Вы видите предъ собой такого человѣка, который оскорбилъ васъ наижесточайшимъ образомъ; Принцъ Карибшакъ, примѣтя во мнѣ необузданную гордость

дость и корыстолюбіе, которое теперь лишаетъ меня жизни, возпользовался слабостями моими; деньги, коими онъ меня осыпалъ, и милость, которою удостоивалъ онъ меня отъ часу болѣе, привели меня къ тому, что покусился на ужаснѣйшее въ свѣтѣ преступленіе. Не безъизвѣстно ему было, что онъ до тѣхъ поръ не можетъ покорить вашего сердца, пока неустрашимый Эдрисъ жить будетъ: я то по повелѣнію сего Принца убилъ сего Героя въ близь лѣжащемъ отъ вашего лагеря лѣсѣ, въ ту самую минуту, когда онъ для спасенія вашего хотѣлъ съ Касгарскимъ Принцомъ сразиться.

О небо! вскричала Принцесса, какъ! Карибшакъ причиною погибели Эдрисовой, а не Цемъ-Альцаманъ? нѣтъ милостивая Государыня, примолвилъ раненый, слабымъ и умирающимъ гласомъ;

сей Принцъ не имѣлъ въ смерти Эдрисовой ни малѣйшаго участія; онъ не только не учинилъ сего преступленія, но еще и отмстилъ за оное, понеже Карибшака самъ убилъ. Съ двадцатью отважнѣйшими воинами напалъ я на того, котораго погубить повелѣно мнѣ было; мы пронзили его множествомъ ударовъ, и соединясь паки съ нашимъ повелителемъ, сражались подъ его предводительствомъ по самую его кончину. Всѣ соучастники мои въ семъ преступленіи не долго наслаждались обѣщаніями, мной имъ данными; они всѣ погибли на сраженіи, выключая только того, который привелъ меня въ сіе состояніе. Ставши неразлучными приятелями, пришли мы въ сей городъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ службу Султана; но сего дня напившись, вздумалось ему укорять

рять меня симъ смертоубивствомъ; я почелъ за должность, лишить жизни толь опаснаго человѣка, пронзилъ ево своей шпагой, и думалъ, что онъ уже умеръ, какъ несчастный сей вскоча вдругъ далъ мнѣ кинжаломъ два удара, отъ которыхъ приведенъ я въ теперешнее мое состоянiе, ведущее меня предъ судилище того, коему мы во всѣхъ дѣлахъ нашихъ должны отдать отчетъ. О есьли бы простилъ онъ мнѣ смертоубивство Эдриса, которое всегда меня терзало! когда чистосердечное разкаянiе можетъ преступленiе сiе загладить, то клянусь, не помышляя о плачевномъ моемъ состоянiи, что никто не можетъ быть тѣмъ толико тронутъ, какъ я. Чуть только выговорилъ онъ сiи послѣднiе слова, какъ вдругъ пришелъ въ обморокъ, отъ коего уже болѣе не

освободился; но умеръ на рукахъ врача.

ВЕЧЕРЪ XXXVIII.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Легко разсудить можно, какимъ прискорбіемъ стѣснялась тогда Принцесса Цендегруда; возвратилась она во дворецъ, заперлась въ свою комнату, и воспомня о предвѣщаніи Календера, коего благоразумные совѣты забыла она такъ скоро, предалась въ объятіи горчайшей печали, и препроводила ту ночь въ такомъ безпокойствѣ, каковое едва вообразить себѣ можно. Не понимала она, какимъ образомъ Цемъ-Альцаманъ не имѣя участія въ убивствѣ Эдриса, говорилъ во

время сраженія такое, что на то столь много склонялось, и по какой причинѣ и самъ Эдрисъ умирая, наимяновалъ ей Касгарскаго Принца, какъ бутто его убійца.

Наконецъ насталъ день; Принцесса послала къ Фрайдуну просить ево къ себѣ въ комнату, и онъ пришелъ къ ней весьма доволенъ: врачи увѣрили ево, что раны Принцовы не смертоносныя, и что онъ препроводилъ ту ночь очень хорошо, потому и никакой опасности не предвидитъ. Милостивый Государь! сказала ему Ценденгруда, ты зришъ предъ собой смущеннѣйшую Принцессу; Цемъ-Альцаманъ не виновенъ въ томъ смертоубивствѣ, которымъ ево укоряла; теперь не хочу ни въ чемъ предъ тобой таиться.

Храбрый Эдрисъ, которому мы толикою благодарностію обязаны, и коему надлежало съ Касгарскимъ Принцомъ сразиться, досто-

достоинъ былъ всего моего вниманія; сей младый Герой неимѣлъ себѣ на свѣтѣ подобнаго, какъ въ разсужденіи мужества, такъ и другихъ изящныхъ свойствъ. Происходилъ онъ, какъ самъ онъ сказывалъ, отъ знатной крови; и при такомъ жестокомъ омерзеніи, которое я противу тебя, Государь, имѣла, великіе его дѣла застовляли меня надѣяться, что неустрашимость его желаніе мое исполнитъ, и принесетъ ко мнѣ Касгарскую корону, какъ то онъ мнѣ и самъ въ томъ клялся: я его любила, давала ему предъ всѣми его совмѣстниками преимущество; и я имѣла причину думать, что онъ удовлетворитъ стремленію моему къ мѣсти, какъ одинъ подлый смертоубійца повелѣлъ ево погубить въ тотъ самой день, въ которой долженъ онъ былъ съ Принцомъ сыномъ твоимъ сразиться. Я нашла

шла Эдриса умирающа: извини, Государь, такой плачь, которой утрата его не прекратитъ во мнѣ во вѣки. Послѣднїе его слова вразумили мнѣ, что причина смерти его былъ сынъ твой; сїе то самое побудило меня къ таковой противу его ярости; сїе то самое, Государь, привело меня въ толь жестокое отчаянїе, что предавшись совсѣмъ непримиримѣйшей ненависти, и не могши въ одѣждѣ Эдрисовой побѣдить Принца, старалась лишить его жизни, какимъ бы то образомъ ни было. Вчера только познала я свое заблужденїе; предводитель смертоубїйцовъ Эдрисовыхъ объявилъ мнѣ умирая, что злодѣйство сїе учинилъ онъ по повелѣнїю Принца Карибшака, и что Цемъ-Альцаманъ не только нималѣйшаго не имѣлъ участїя въ семъ мерзостнѣйшемъ поступкѣ; но еще своей рукою наказалъ того

го чудовища, который у меня дражайшаго Эдриса отнялЪ. Прости же, Государь, ослѣпленную яростїю Принцессу, убїйцу твоего сына; отмщай за то, какЪ должно; жизнь мнѣ уже и безЪ того несносна, когда навѣки тотЪ предмѣтЪ потеряла, который могЪ приносить мнѣ удовольствїе на свѣтѣ.

ФрайдунЪ почувствовалЪ сильнѣйшую радость, видя, что Принцесса оправдала ЦемЪ-Альцамана. Сколь я доволенЪ, дражайшая Принцесса, сказалЪ онЪ ей, что ты такую истинну познала, которая по крайнѣй мѣрѣ внушаетЪ вЪ тебя почтенїе кЪ моему сыну! сколь счастливымЪ почелЪ бы онЪ себя, когда бы, зря тѣбя отЪ таковаго предразсужденїя излѣченну, нашелЪ тебя склонною кЪ возшествїю на престолЪ, который уступаю ему охотно, есьли оный раздѣлить

съ нимъ похочешъ. Ахъ! Государь, отвѣчала на то Цендегруда, проливая слезъ потоки, не упоминай мнѣ болѣе о таковомъ обязательствѣ; я того уже потеряла, съ коимъ въ оное вступить желала; клянусь, что бы мысль сїю конечно только для одного Касгарскаго Принца перемѣнила, есьли бы то въ волѣ моей состояло; теперь же хочу испросить у нево въ заблужденїи моемъ прощенїя, какъ скоро свиданїе мое съ нимъ не нанесетъ ему безпокойства. Рана его, любезная Принцесса, сказалъ Султанъ, стала сего дня нестоль опасна, какова была; и врачи увѣрили меня, что никакой опасности не находятъ. Я точно знаю, что присудствїе Самаркандской Принцессы служитъ лутчимъ лѣкарствомъ къ его выздоровленїю. Когда такъ, сказала Цендегруда, то желаю того, Государь,

дарь, съ тѣмъ большею нетерпѣливостїю, что только еще вчера желала его смертїи; пойдемъ къ нему теперь; я хочу отдать ему должную справедливость. Тогда подавъ Фрайдуну руку, пошла съ нимъ въ комнату къ Цемъ-Альцаману, къ которому Султанъ послалъ тотъ часъ объявить о Принцессиномъ приходѣ. Состоянїе, въ коемъ Принцъ находился, и страхъ, что бы ево не признали, побудили ево приказать мнѣ опустить въ комнатѣ его всѣ завѣсы, дабы какъ возможно темнѣе въ ней было.

Принцесса взошедъ къ нему, сѣла подлѣ его постѣли на табуретѣ: Я пришла къ тебѣ, Государь, говорила она ему, просить тебя о извиненїи меня въ той жестокости, которую явила въ разсужденїи тебя, какъ на сраженїи, такъ и при томъ случаѣ, коимъ ты въ теперишное при-

приведенъ состоянїе. Обманываясь ложными наружностями, почитала тебя убицею такого человѣка, котораго любила страстно, такого Героя, который навсегда въ умѣ моемъ останется, словомъ дражайшаго Эдриса, который умирая объявилъ мнѣ, что умерщвленъ онъ по твоему приказу... Принцесса не могла скончать сихъ словъ безъ пролитїя слезъ горчайшихъ. Никто не преходилъ еще столь скоро отъ чувствительнѣйшей скорби къ неисчерпаемой радости, какъ Цемъ-Альцаманъ, увѣдая, что жестокосердые знаки ненависти Ценде груды къ Касгарскому Принцу, были опытами сильнѣйшей ея любови къ Эдрису.

Какъ, милостивая государыня, сказалъ онъ сей Принцессѣ весьма слабымъ и притворнымъ голосомъ? вы ненавидите Цемъ-Альцамана только за то, что почи-

почитаете ево причиною смерти Эдрисовой? вы для отмщенія оной сражались съ нимъ съ толикою запальчивостію? только для наказанія сего Принца за мерзостную ту измѣну, которую вы ево обвиняли, хотѣли вы лишить ево жизни? ахъ! дражайшая Принцесса, я нетолько не сержусь на сіе стремленіе; но еще оное похваляю; Эдрисъ былъ вамъ милъ; плачь вашъ о немъ являетъ, сколь драгоцѣнно вамъ его напоминовеніе; я хочу показать вамъ, какое участіе въ сей печали приемлю. Тогда далъ мнѣ потихоньку знакъ поднять завѣсы, дабы въ комнатѣ свѣтло было. Чуть только показался свѣтъ, какъ Цендегруда обратя очи свои на Цемъ-Альцамана: О праведное Небо! вскричала, пришедъ отъ радости въ величайшій возторгъ, это любезный Эдрисъ!

ВЕЧЕРЪ XXXIX.

Продолженїе Исторїи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендеграудѣ Принцессѣ Самаркандской

Фрайдунъ, который разговоръ Принца съ Принцессою слушалъ со особливымъ вниманїемъ, приведенъ былъ симъ нечаяннымъ произшествїемъ тѣмъ въ наибольшее удивленїе, что Цендеграуда произнеся сїи послѣднїе слова, лишалась чувствъ. Онъ приказалъ учинить ей всевозможное вспоможенїе, и взирая на сына своего съ замѣшательствомъ, хотѣлъ было требовать отъ нево изъясненїя сего рода загадки; какъ Принцесса пришла въ память, и Цемъ-Альцаманъ поцаловавъ у ней съ величайшею горячностїю руку, говорилъ ей такъ: Конечно, прекрасная Цендеграуда, Эдрисъ и Принцъ Касгарскїй составляютъ

вляютъ одного и того же человѣка: единое любопытство завело меня въ ваши земли; своими глазами хотѣлъ я видѣть, толь ли сильны тѣ прелѣсти, которыя въ тебѣ похваляли. Подъ имѣнемъ Эдриса сражался я для Султанши противу нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ ей Султановъ; все сіе тебѣ довольно извѣстно; но безызвѣстно то, какимъ образомъ чаялъ я избавиться отъ того безпокойства, въ кое приведенъ я былъ, когда увидѣлъ себя принужденнымъ, сразиться съ самимъ собою. Не зная, какимъ образомъ исполнить такое дѣло, кое мнѣ невозможнымъ казалось, вздумалъ я о одномъ изъ стражей Султанскихъ, который на меня походилъ очень много; надѣлъ на нево мое платье, открылъ ему мои намѣренія; онъ поѣхалъ въ назначенной лѣсъ, куда и мнѣ надлежало пріѣхать,

ѣхать, и тому нѣсколько дней узналъ я, что сей несчастный былъ умерщвленъ жесточайшимъ образомъ. Ахъ прекрасная Цендегруда! я того на зналъ, когда съ тобой сражался, и есьли въ семъ случаѣ говорилъ я съ тобой двомысленнымъ образомъ, то сїе произходило отъ того, что мнилъ говорить съ несчастнымъ Тогрулемъ, представляемымъ Эдриса, или что ты признала меня Принцомъ Цемъ-Альцаманомъ. Но есьли сей Эдрисъ обѣщалъ тебѣ возложить на тебя Касгарскую корону, то нынѣ слово свое исполняетъ; прими же предложенїи, которые великодушный Султанъ тебѣ дѣлаетъ; тѣмъ учинишъ ево столь же благополучнымъ, сколько учинила ево несчастнымъ тому нѣсколько дней.

Принцесса, увидя дражайшаго своего Эдриса, и зря меня подлѣ

себя состояща, приведена была въ такое удивленіе, что не могла почти и очамъ своимъ повѣрить. Какъ! то возможно, говорила она, продолжая проливать слезъ потоки, что теперь говоритъ со мной Эдрисъ? Эдрисъ, котораго мнила зрѣть на рукахъ моихъ умирающа, и котораго въ Касгарскомъ Принцѣ обрѣтаю? конечно все, что теперь происходитъ, лишъ только сонъ и лже-воображеніе: ахъ дражайшій Принцъ! Есьли ты тотъ храбрый незнакомецъ, то живи для Цендегруды; не время уже сокрывать отъ тебя, что къ тебѣ въ сердцѣ моемъ ощущаю: поступки мои доказали тебѣ ту страсть, которую отъ тебя таить старалась; есьли ты умрешъ, то я сойду за тобою; не оставлю безъ наказанія той жестокости, кою рука моя учинила, но въ коей сердце нималѣйшаго

шаго участія не имѣло. Нѣтъ довольно выраженій ко изъявленію радости Касгарскаго Принца: божественная Цендегруда, вскричалъ онъ, нѣтъ во всей вселенной толь благополучнаго смертнаго, какъ я; ты принимаешь руку Цемъ-Альцамана? я принимаю руку *Эдрисову*, сказала тогда съ нѣжностію Принцесса, и понеже Султанша, моя родительница, на союзъ сей соизволяетъ, то почитаю за должность, тому нимало не сопротивляться, и увѣрить тебя въ моей къ тебѣ горячности. Но какъ теперь покой для тебя нуженъ, и справедливость требуетъ, что бы о толь странныхъ *произшествіяхъ* увѣдомила я мою родительницу, то тебя оставляю, и открою ей чрезъ письмо подробно, что Эдрисъ живъ, что Эдрисъ меня обожаетъ, и что Эдрисъ и Принцъ Касгарскій

скій единаго и того же человѣка составляютъ.

Принцесса скончавъ сіи слова, встала и пошла въ свой покой; и хотя Цемъ-Альцаманъ просилъ ее неотступно у нево еще остаться; однако Фрайдунъ сказалъ ему, что здравіе его того требуетъ; въ разсужденіи чего она съ нимъ разсталась, обѣщаясь, быть съ нимъ во все то время, когда благопристойность ненарушима будетъ, мнѣ же поручила отнести письмо свое къ Султаншѣ.

Какъ скоро Принцесса мнѣ ево вручила, то я немедлѣнно и отправился въ Самаркандію, куда прибывъ чрезъ весьма короткое время, нашелъ весь дворъ въ величайшемъ смятеніи. Отягченная скорбію Султанша, что о Принцессѣ никакого извѣстія не имѣетъ, впала въ опасную болѣзнь, и каждый взиралъ съ крайнѣю

нѣю печалію на ея погибѣль, какъ я во дворецъ пришелъ. Не трудно мнѣ было, что бы меня провели въ ея покои, а особливо когда обьявилъ, что имѣю письма отъ Принцессы. Я вошелъ къ ней въ спальню, подалъ ей письма, и она познавъ о странныхъ приключеніяхъ произшедшихъ въ Касгарѣ, возчувствовала наисильнѣйшую радость, и обьявила о томъ всему двору; но находясь въ крайнѣй слабости, и не могши встать съ постѣли, дала мнѣ къ Принцессѣ весьма нѣжное письмо, которымъ благословляла ее сочетаться съ Принцемъ Цемъ-Альцаманомъ. Легко познать можно, съ какою поспѣшностію я въ Касгаръ возвращался, и какое удовольствіе причинило Принцу мое прибытіе; но Цендегруда познавъ о болѣзни Султанши, своей родительницы, пришла въ крайнѣе о томъ безпокой-

покой-

покойство, и вознамѣрилась къ ней ѣхать. Какъ скоро Цемъ-Альцаманъ могъ ходить по комнатѣ, то она о предприятіи семъ ему объявила. И такъ, прекрасная Принцесса, сказалъ онъ ей, долженъ я тебя еще разъ лишиться? Природа, Государь, отвѣтствовала она, должна всегда сохранять свои права. болѣзнь Султанши, причиненна единственно моимъ побѣгомъ, позываетъ меня въ Самаркандію непремѣнно; я оставляю тебя хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ, однако ставъ уже твоей супругой; Аль-Альма то мнѣ не только позволяетъ, но и повелѣваетъ, и я никогда не повиновалась ей съ толикою охотою. Прикажи къ церемоніи сей все нужное приуготовить, я даю тебѣ мою руку въ сію самую минуту; но послѣ того не мѣшкая нимало и въ Самаркандію отправлюсь, откуда

откуда въ земли твои не премину возвратиться, какъ скоро благопристойность то позволитъ.

Сколь нимного терзался Цемъ-Альцаманъ отъѣздомъ Принцессы; однако волю ея исполнилъ безпрекословно, и отправя множество гонцовъ съ повелѣнiемъ, что бы на пути снабдѣвали ее всѣмъ потребнымъ, и поступали съ ней въ разсужденiи новаго ея Сана; сочетались они въ покоѣ Принца, и она обнимая ево съ горячностiю съ нимъ простилась, и поѣхала только съ двенадцатью конными всадниками, въ числѣ которыхъ и я находился. На пути не приключилось съ нами ничего, и мы Аль-Альму застали еще больною; но какъ присудствiе Касгарской Государыни возвратило ей совершенное здравiе, то по прошествiи трехъ недѣль ея въ Самаркандiи пребыва-

нія, почла она за должность, отпустить ее къ ея супругу со всякою высокому ея состоянію достодолжною благопристойностію, и тѣмъ удовольствовать ея нетерпѣливость, увидѣться съ своимъ супругомъ, которую Цендегруда по природному своему целомудрію скрывать отъ нее старалась. Для сего повелѣла нарядить триста человѣкъ подъ командою одного Визиря, и обнявъ ее съ величайшею горячностію, отпустила съ ними при пролитіи великихъ слезъ.

Хотя Принцессѣ и весьма хотѣлось, пріѣхать къ Цемъ-Альцаману поскорѣе; однако мы по повелѣнію Султанши ѣхали потихоньку. Уже миль за восемь отъ Туркистанскихъ границъ находились, какъ остановившись въ одну ночь на полѣ, окружены были вдругъ болѣе, нежели восьмью стами Араповъ, подъ предводитель-

тельствомъ ихъ начальника имянемъ Агема. Сей человѣкъ будучи преужаснѣйшаго вида и самой низкой породы, и достигши до сей степени единственно своею храбростїю и жестокосердїемъ, приводилъ всѣхъ Государей въ трепѣтъ, въ чьи земли ему вступать на умъ всходило, а особливо, что и воины его сражались обыкновенно до послѣдней капли крови, не отступая никогда на задъ, развѣ только Агемъ имъ то повелѣвалъ. Такїе то люди на насъ напали въ то самое время, когда спокойнымъ сномъ наслаждались, и въ совершенной безъопасности быть мнили. Касгарская Государыня, находяся съ женьщинами своими въ поставленномъ посреди лагеря ея шатрѣ, чуть только услышала шумъ, переодѣлась немѣдленно въ муское платье, которое по предъосторожности своей съ со-

бой всюды возила, сѣла верьхомъ, и ободряя подчиненныхъ своихъ къ оборонѣ, производила чудесные дѣла храбрости, чему я самъ былъ свидѣтель; но видя, что отъ множества неприятелей конечно погибнетъ, вздумала спасаться бѣгствомъ, и удалялась изъ лагеря съ величайшею поспѣшностїю; я же не могъ за нею слѣдовать, потому что четверо Араповъ пресѣкли мнѣ дорогу, почему и былъ принужденъ хотя и съ великимъ трудомъ защищать собственную жизнь свою. Арапы болѣе сопротивленїя не видя во всей нашей свитѣ, изъ которой часть была порублена, а многїе спаслися бѣгствомъ, въ числѣ коихъ и я находился, приступили къ грабѣжу; однако Агемъ искалъ не того; наслышавшись довольно много о красотѣ Цендегруды, и увѣдая чрезъ своихъ лазутчиковъ, что она къ су-

супругу своему ѣдетъ, напалъ онъ на насъ только съ тѣмъ, что бы ее увезти, и въ мерскомъ своемъ Сералѣ сдѣлать ее верховною Султаншею. Для сего повелѣлъ онъ окружить шатеръ Принцессинъ, и воздавать достодолжное почтенiе не только ей самой; но и всѣмъ пола ея находящимся съ ней особамъ.

Повелѣнiе его было исполнено съ точностiю; однако нѣсколько поздо, понеже Цендегруда отъ свирепости его избѣгла. Что касается до меня, то жесточайшую скорбь чувствовалъ, видя себя отъ Принцессы отлученна; и думая, что когда возможно ей будетъ, то поѣдетъ она въ Туркистанъ; пустился я въ ту сторону, и объявилъ ближайшему градоначальнику о случившемся съ нами несчастiи, отправился я съ наряженными имъ четырью тысячью человѣкъ конницы для

погони за Агемомъ, и для изторженія изъ его рукъ Принцессы, есьли по несчастію она къ нему попалась.

Я привелъ сіи войски къ тому мѣсту, гдѣ у насъ сраженіе происходило; однако мы тамъ уже не застали Араповъ, а нашли только мертвыхъ или умирающихъ почти всѣхъ обнаженныхъ, и кои не могли намъ сказать: въ которую сторону сіи разбойники удалились; всего же плачевнѣе для Касгарскаго Принца узнали мы отъ одного изъ нашихъ воиновъ, что слухъ носится, будто Принцесса попалась мерскому Агему въ руки. Легко могъ я понять, какую печаль возчувствовалъ мой Государь, получа толь бѣдственное извѣстіе; почему помышлялъ только о томъ, какимъбы образомъ ему отмстить; разослалъ по всѣмъ мѣстамъ гонцовъ, и узная чрезъ нихъ, что

Арапы поѣхали въ Фарганскую степь, погнались за ними съ великою поспѣшностїю, и достигши ихъ, вступили съ ними въ жесточайшїй бой, на которомъ всѣхъ ихъ порубили.

Предводитель нашъ повелѣлъ паче всего стараться о томъ, что бы Агема взять живаго; однако мы не могли того исполнить, понеже сїе чудовище, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженна, нашедъ случай въ шатеръ свой удалиться, вышелъ отъ туда спустя съ минуту, и держа въ рукѣ женскую голову изрубленную всю саблею, и брося ее къ намъ кричалъ: вотъ она, кого вы ищете, отнесите къ вашему Государю голову Цендегруды, и скажите ему, что Агемъ не такъ рожденъ, дабы умереть его невольникомъ. По сихъ словахъ злодей сей бросился на конецъ своей шпаги, котора-

рая прошедъ ему въ спину, извлекла изъ него мерскую его душу, и прекратила тѣмъ ужасную жизнь его.

ВЕЧЕРЪ XL.

Продолженїе исторїи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Мы подняли превеликой крикъ, видя толь плачевное происшествїе, и взошедъ съ споспѣшностїю въ шатеръ сего мучителя, нашли ево покрыта кровїю шести женьщинъ, которымъ онъ отрубилъ саблею головы, дабы онѣ намъ не достались. Между сими женьщинами позналъ я съ неизреченною печалїю тѣло Цендегруды, коей платье примѣтно было по тѣмъ драгоцѣннымъ каменьямъ, которые я на ней видалъ

далъ часто, и въ сей изрубленной головѣ мнилъ найти черты божественной сей Принцессы. Есьли бы я и могъ о томъ сомнѣваться, что видѣлъ; однако вскорѣ утвердился бы въ томъ словами одной женщины Агемовой: сія несчастная будучи еще жива, и испуская послѣднїе свои вздохи, объявила намъ, что Касгарская Принцесса, коей окровавленное тѣло мы видимъ, уже приуготовлена была къ претерпѣнїю мерзостныхъ намѣренїй сего чудовища, какъ мы на войски его напали; что ослѣпясь яростїю своею, и зря предстоящую свою погибѣль, привелъ онъ всѣхъ ея женьщинъ въ то состоянїе, въ которомъ я ихъ видѣлъ, и что изрубя сперва Ценденгрудѣ все лице саблею, отрубилъ ей на послѣдокъ и голову.

Немѣдленно приказалъ я сдѣлать гробницу для тѣла Принцессина,

цессина, и отвезя оное въ Шояндагу, велѣлъ похоронить ее со всевозможнымъ великолѣпіемъ. По окончаніи сей печальной церемоніи, отправился я въ Касгаръ, и не проѣхалъ еще четырехъ миль, какъ увидѣлъ множество конныхъ всадниковъ, между которыми примѣтилъ я и Цемъ-Альцамана; я къ нему поскакалъ, слесъ съ лошади, и хотѣлъ было объявить ему жестокое приключеніе съ Принцессою; но такъ оробѣлъ, что не могъ проговорить ни слова; Принцъ приведенный въ смущеніе глубокою печалію, которая на лицѣ моемъ изоброжалась, а еще болѣе моимъ молчаніемъ, повелѣлъ мнѣ, изъяснить ему все немѣдленно, и чуть только о своемъ несчастіи увѣдалъ, то едва не упалъ съ лошади, есьли бы двумя Офицерами не былъ подхваченъ. болѣе часа находил-

ся

ся онъ въ безпамятствѣ; но пришедъ въ чувство, произносилъ толь мучительныя жалобы, что у всѣхъ съ нимъ бывшихъ изторгъ изъ очей горчайшія слезы. По сей печали послѣдовала толь жестокая ярость, что стократно покушался лишить себя жизни, есьлибъ у него оружїя не выдернули. И такъ на вѣки лишился я дражайшей Цендегруды, вскричалъ онъ, я лишился ее яростїю варвара, которому уже отомстить не въ силахъ, понеже и его нѣтъ на свѣтѣ! О праведное Небо! что я такое сдѣлалъ, которое толь великїй гнѣвъ твой заслуживаетъ? будучи безпрестанно тобою изгоняемъ, сносилъ все безъ роптанїя, надѣясь когда нибудь смягчить твою суровость; мнилъ зрѣть скончанїе оной, понеже Касгарская Принцесса невинность мою познала, и касался уже той

благо-

благополучной минуты, въ которую приступалъ къ обладанію неоцѣненною сею Принцессою, какъ вдругъ лишился я ее жесточайшимъ образомъ на свѣтѣ. О великій Пророкъ! сколь ни много должны мы во всемъ Небесамъ повиноваться, однако не могу не роптать теперь на опредѣленія оныхъ; они меня сражаютъ; Цендегруды нѣтъ на свѣтѣ! продолжалъ онъ, проливая горчайшихъ слезъ потоки, ее нѣтъ уже на свѣтѣ! жестокій Агемъ! мерзское чудовище, что сдѣлала тебѣ божественная сія Принцесса? за что поступилъ ты съ ней съ толикимъ безчеловѣчіемъ? ахъ! не хочу жить болѣе, ея лишившись. По семъ приказалъ ѣхать въ Шояндагу, куда мы часа чрезъ два и прибыли. Здѣсь то печаль его новыя приняла силы; чуть было не скончалъ дней своихъ, увидя окровавленную

одѣж-

одѣжду своей супруги, которую приказалъ къ себѣ принести неотмѣнно, и проливая надъ ней источникъ слезъ, повелѣлъ соорудить безпримѣрной сей Принцессѣ великолѣпнѣйшую гробницу, и въ тотъ же самой день отпустилъ всю свою свиту; а при себѣ оставилъ только меня одного для послѣдованія за нимъ во всѣхъ странствованіяхъ, которые предприялъ онъ для раздраженія своей печали. Странствуя весьма долгое время по неизвѣстнымъ намъ мѣстамъ, прибыли мы не подалеку отъ Кандагара. Въ четверти мили отъ сего города находилась небольшая мѣчеть, а подлѣ оной и кладбище; тогда было уже поздо, и Принцъ увидя множество гробницъ и почувствуя отъ того умноженіе своей печали, намѣрился препроводить тамъ ночь ту: я не смѣлъ намѣренію

мѣренію его сопротивляться; старался сыскать для лошадей нашихъ такое мѣсто, гдѣ бы онѣ могли ходить и найти себѣ кормъ; но увидя не подалеку домикъ, который показался мнѣ жилищемъ Имана той мѣчети, пошелъ туда безъ дальнаго размышленія; и въ мнѣніи моемъ не обманулся: тамъ дѣйствительно жилъ Иманъ, который однако же въ то время пошелъ въ Кандагаръ для одного нужнаго ему дѣла. А какъ съ нимъ жилъ еще старичокъ, то я просилъ ево, чтобы онъ дозволилъ поставить у нихъ на дворѣ нашихъ лошадей; и онъ нетолько мнѣ въ томъ не отказалъ, но далъ имъ ячменю не требуя съ меня за то нималѣйшей платы. По семъ сказавъ ему, что надлежало мнѣ итти къ своему господину, который всю ночь хотѣлъ препроводить на кладбищѣ, оставилъ

я

я ево, и пришелъ къ Принцу, котораго въ такомъ состоянiи увидѣлъ, кое привело меня въ ужасъ. Онъ находился почти совсѣмъ внѣ себя. Рудъ-бари, сказалъ онъ мнѣ, есьли бы ужасъ былъ мнѣ сроденъ, то видѣнное теперь мною конечно бы меня устрашило: въ то время, какъ ты ходилъ, вышелъ изъ сего храма почтенный старецъ; ты оплакиваешъ Самаркандскую Принцессу, сказалъ онъ мнѣ, и ежедневно просишъ Пророка о скончанiи отягчающихъ тебя болѣзней? прозьбы твои услышаны; ступай въ Камбай, въ семъ то городѣ онѣ прекратятся, и вскоре соединишся ты съ Цендегрудою. По сихъ словахъ старецъ сокрылся, и оставилъ по себѣ стѣзи весьма сiяющаго свѣта. Я не могъ сопротивляться первымъ движенiямъ, произведеннымъ въ душѣ моей симъ видѣнiемъ;

нїемЪ; но разсудя, что городЪ Камбай такой предѣлЪ, на которомЪ всѣ мои грусти и бѣдствїи должны скончаться такою смертїю, каковой я сЪ ревностїю желаю, не могЪ удержаться отЪ возчувствованїя всевозможной радости о семЪ приключенїи. Поѣдемъ же вЪ Гузаратское царство, продолжалЪ ПринцЪ, и когда предсказанїе сїе свершится, то возвратись вЪ КасгарЪ, и объяви о томЪ Фрайдуну. Рѣчь сїя, продолжалЪ РудЪ-бари тронула меня столь много, что я не могЪ отЪ слезЪ удержаться. АхЪ! другЪ мой, сказалЪ онЪ мнѣ, перестань оплакивать, когда меня любишЪ, мою судьбину, которая меня вЪ Камбаѣ ожидаетЪ; понеже она скончаетЪ тѣ жестокїя болѣзни, кои для меня несноснѣе самой смерти. ПринцЪ почивалЪ вЪ ту ночь очень мало, я же не могЪ сомкнуть глазЪ

почти ни на минуту , и какъ скоро день показался, то мы сѣвъ на лошадей , въ путь отправились , и проѣхавъ королевствы Гаяканское , букерское, Татайское и Сорецкое, прибыли въ Гузаратъ а наконецъ и въ Камбай , гдѣ пристали мы въ Караванъ-Сералѣ, отъ куда перенесены въ сїи мѣста, не зная того, какимъ образомъ то съ нами сдѣлалось; и нетолько Принцъ, мой Государь, не обрѣтаетъ здѣсь желаннаго имъ облегченїя, но еще кажется, что божественное сїе жилище умножаетъ его скорби , понеже не можетъ того думать, чтобы оно могло быть его гробницей.

Во все то время , какъ Рудъбари разказывалъ, Цемъ-Альцаманъ погруженъ былъ въ глубочайшую задумчивость такъ , что Султанши крайнее сожалѣнїе о немъ возъимѣли; и Иманъ Кофробъ видя , что онъ къ про-

литію слезъ приуготовляются, подошелъ къ Касгарскому Принцу, и говорилъ ему такъ: Уже долгое время испытываешь ты, Государь, всякія прискорбности злосчастной жизни; Пророкъ здержитъ данное тебѣ имъ слово, прекратитъ оныя, и сей же день возчувствуешь дѣйствіи его предсказанія.

Чуть только скончалъ Иманъ рѣчь свою, какъ два невольника поднявъ находящуюся въ залѣ завѣсу, представили одного младаго человѣка лѣтъ двадцати, и лица весьма прекраснаго. Какъ онъ пробужался еще отъ глубокаго сна, въ который онъ приведенъ былъ, то поддерживали ево подъ руки; не могъ онъ взирать безъ удивлѣнія на великолѣпное то жилище, въ коемъ онъ находился; царствующее тамъ глубокое молчаніе умножило еще болѣе его изумлѣніе; онъ

онъ прервалъ оное съ нѣкоторымъ родомъ боязни: развѣ въ сихъ прелѣстныхъ мѣстахъ, сказалъ онъ весьма жалостнымъ голосомъ, должно мнѣ обрести скончанїе моихъ бѣдствїй? развѣ въ семъ великолѣпномъ жилищѣ найду то, чего мнѣ нѣтъ милѣй на свѣтѣ? *Великїй Пророкъ!* продолжалъ онъ, не отвращай болѣе лица твоего отъ того человѣка, который въ преступлѣнїяхъ своихъ съ разкаянїемъ признается; прости ему тѣ жестокости, кои уже очистилъ онъ довольно претерпѣнными имъ злоключенїями; возврати мнѣ спокойствїе моего духа, или лиши меня такой жизни, которая мнѣ уже несносна.

Младый сей человѣкъ не скончалъ еще прошенїя своего Магомету, какъ Принцъ Касгарскїй, возбужденный его голосомъ, обратя на нево свои очи, палъ къ рудъ-

Рудъ-бари въ руки: ахъ! любезный другъ, сказалъ онъ ему, вотъ совершенiе привидѣнiя моего въ Кандагарѣ; я умираю!

Есьли все собранiе тронулось толь неожидаемымъ произшествiемъ, то оное пришло еще въ большее изумленiе, увидя, что тотъ младый человѣкъ вырвавшись изъ рукъ у невольниковъ, подбѣжалъ къ Цемъ-Альцаману, бросился къ нему на шею, и обнималъ ево съ величайшею горячностiю: Дражайшiй Принцъ! говорилъ онъ ему, проливая слезъ потоки, я тебя здѣсь обрѣтаю?

ВЕЧЕРЪ XLI.

Заключенiе исторiи о Цемъ-Альцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ Принцессѣ Самаркандской.

Толь великiя ласки, и сей пронзающiй сердце гласъ возвратили

Касгар-

Касгарскому Принцу вскоре память; онъ сталъ вдругъ неподвиженъ, почиталъ все произходящее за дѣйствіи сновидѣнія; но наконецъ собравшись совсѣмъ съ чувствами: О Небо! вскричалъ онъ, возможно ли, что бы въ рукахъ держалъ я Самаркандскую Принцессу? это Цендегруда? я обмнимаю дражайшую мою супругу? Великій Пророкъ! есьли все сіе только сонъ, то сдѣлай, что бы я никогда не пробудился; дай мнѣ насладиться съ сей божественной Принцессой тѣми удовольствіями, которые дерзаю сказать превосходятъ и тѣ самые, кои обѣщеваешъ ты намъ съ твоими Гуріями. Не сновидѣніе это, Государь, сказала Цендегруда проливая слезъ потоки; когда невѣрный Агемъ окружилъ всю мою свиту, то я переодѣлась немедлѣнно въ муское платье, дабы тѣмъ лутче могла

 спасти-

спастися, а въ свое платье нарядила я Грузинку, которая была моего роста и собой прекрасна, и повелѣла ей Самаркандскою Принцессою называться; конечно несчастное какое приключенїе сей бѣдной заставило васъ почитать меня въ неволѣ или въ мертвыхъ. Ахъ! вскричалъ Цемъ-Альцаманъ, предразсужденїи твои неложны; несчастная сїя Грузинка попалася въ руки къ жестокосердому Агему, и онъ нашедъ ее упорною мерзостнымъ своимъ желанїямъ, лишилъ ее жизни; почитая ее тобою, отрубилъ ей голову, а потомъ и самъ себя предалъ смерти, которой конечно не избѣгъ бы онъ въ ужасныхъ приуготовляемыхъ ему мученїяхъ, есьли бы онъ попался живой въ руки къ воинамъ приведеннымъ Рудъ-барїемъ къ тебѣ на помощь. Сей вѣрный соучастникъ моихъ болѣзней, обманувщись

нувшись самою вѣроятнѣйшею наружностію, почелъ тебя жертвою жестокостей Агема; твое платье, ростъ и обезображенная голова Грузинки заставили ево думать, что ты воинами его была задержана, приведена къ сему злодѣю, который присудилъ тебѣ одѣться пристойнымъ полу твоему образомъ, и видя себя уже въ несостояніи, мщенія моего избѣгнуть, жертвовалъ тобой и всѣми своими женами мерзостной своей зависти. безполезно бы было, прекрасная Принцесса, расказывать тебѣ, въ какое мучительное состояніе приведенъ я сталъ сею вѣстію; съ тѣхъ самыхъ поръ погружаюсь въ горчайшей печали, искалъ прекратить жизнь для меня несносную, и уже совсѣмъ почти предлежалъ жестокости моихъ несчастій, какъ въ Кандагарѣ, нѣкоторымъ родомъ видѣнія узналъ,

налЪ, что соединюсь сЪ тобой вЪ КамбаѢ. Я не могЪ предвѢщанїя сего разтолковать вЪ толь хорошую сторону; я былЪ увѢренЪ, что вЪ семЪ городѢ, какимЪ нибудь приключенїемЪ, скончаю смертїю всѢ мои напасти, и симЪ образомЪ соединюсь тамЪ сЪ дражайшею моею Цендергрудою. ИстребимЪ, любезный супругЪ, сказала сЪ горячностїю Принцесса, всѢ сїи несчастїи изЪ памяти; когда ПророкЪ соединяетЪ насЪ вЪ сихЪ мѢстахЪ толь чудеснымЪ образомЪ, то сїе есть явный знакЪ, что покровительство его кЪ намЪ продолжится. Я не могла такЪ скоро обЪявить тебѢ обстоятельно, что со мной происходило. будучи одна, и убѢгая мерскаго Агема, коего жестокосердый нравЪ мнѢ былЪ не безЪизвѢстенЪ, страшилась я столь много сЪ нимЪ встрѢтиться, что погубя

погубя нѣсколько изъ его Арановъ, противившихся мнѣ въ моемъ бѣгствѣ, пользовалась скоростію моей лошади, и скакавъ во весь опоръ, до тѣхъ поръ не успокоилась, пока не увидѣла себя въ безопасности, попасться къ нему въ руки.

Наконецъ приѣхала я въ Адеркандъ, и тамъ намѣрена была объявить о себѣ Градоначальнику, и требовать отъ него провожатыхъ, дабы въ Туркистанъ возвратиться, и ѣхать въ Касгаръ, какъ подлѣ Адеркандскихъ воротъ встрѣтилась я съ тѣмъ самымъ Календеромъ, который, какъ ты знаешь, отгадывалъ мнѣ въ Самаркандіи. Я думала, что онъ меня въ разсужденіи моей одѣжды не узнаетъ; однако онъ подошелъ ко мнѣ, сказалъ: Милостивая Государыня, вы испытали дѣйствіи моихъ предсказаній, и всѣ прискорбіи, кото-

рые вы отъ чрезмѣрнаго своего сердца и вспыльчивости претерпѣли: благодарите теперь Пророка, что спасъ тебѣ и честь и жизнь; поѣжжайте въ Камбай, есьли хотите, что бы несчастїи ваши скончались вскоре.

Не мало слезъ стоило мнѣ упущенїе совѣтовъ данныхъ мнѣ почтеннымъ симъ старцомъ въ Самаркандїи, и потому въ другэй разъ не хотѣла уже пренебречь оными: Я поѣхала къ Камбай, и нынѣ по полудни пристала въ Каравамъ-Сералѣ сего города; надзиратель принялъ меня весьма ласковымъ образомъ. Онъ пришелъ ко мнѣ ужинать, и видя, что меня сонъ склоняетъ, оставилъ меня въ покоѣ; съ сей самой минуты не знаю, что со мной сдѣлалось, и какимъ чудомъ перенесена я въ толь великолѣпные мѣста. Но что мнѣ до того нужды, какимъ образомъ

зомъ то произходило? Когда Оракулъ Календеровъ сбылся, и я нашла Принца, моего дражайшаго супруга, то о томъ и знать не пекуся. Всѣ страхи мои миновались; я во обьятіяхъ любезнѣйшаго для меня изъ всѣхъ на свѣтѣ человѣковъ. Султанши были весьма тронуты сими приключеніями; а Принцъ Касгарскій и Цендегруда благодарили ихъ за участіе, которое они по видимому въ томъ принимали такъ, что вечеръ сей препроводили они въ великомъ удовольствіи.

Всѣ Принцы и Принцессы находящіяся въ сералѣ наслаждались наипріятнѣйшими удовольствіями, выключая Султана Ормуцкаго. Сей Монархъ льстясь обѣщаніями Кофробовыми дожидался исполненія оныхъ съ великою нетерпѣливостію; такъ что онъ не могъ скрыть отъ

Котбедина, чрезвычайнаго того смятенія. Сколь различно мое состояніе отъ твоего любезный другъ, сказалъ онъ ему, ты обладаешь спокойно всѣмъ тѣмъ, что ты ни любишь, а я мучусь видя всегда обожаемой мною предмѣтъ, не смѣя увѣрять ее въ моей страсти какъ только одними вздохами. Правда увѣряютъ меня, что божественная сія особа соотвѣтствуетъ моей горячности; но есьли счастливая та минута, въ которую я надѣюсь сдѣлаться ея супругомъ, еще очень отдалена отъ настоящаго времяни, то чувствую, что я не въ силахъ буду перенесть сей скорьби. Милостивый государь, отвѣтствовалъ Принцъ Висапурскій, мы довольно испытали покровительство премудраго Кофроба; и потому вы можете совершенно быть увѣрены, что онъ ничего

того не обѣщаетъ, что сдѣлаться не можетъ. Не уничтожайте сими неосновательными безпокойствами того удовольствія, которое вы должны чувствовать отъ благополучія столь блискаго; положитесь на провидѣніе которое вамъ доселе благоприятствовало.

Разговоры Котбедина успокоили нѣсколько Кацанъ-Кана, такъ что онъ ту ночь препроводилъ довольно спокойно. Наконецъ приближился часъ собранія въ залѣ куда и онъ пошолъ по своему обыкновенію. Лишь только Султанши сѣли на свои мѣста; и какъ подняты были занавѣсы, то увидѣли человѣка сидящаго на софѣ; ему было около тридцати лѣтъ; на лицѣ его видна была великая печаль, которую мало по малу прогнало удивлѣніе, кое онъ показывалъ, видя себя въ такомъ мѣ-

стѣ которое ему совсѣмъ незнакомо было, и съ великолѣпіемъ котораго ничто сравниться не могло. Получа совершенное употребленіе чувствъ, сказалъ Султаншамъ: милостивыя государыни, простите мнѣ мое любопытство; пріѣхавъ вчера въ Камбай уже довольно поздо, присталъ я въ Караванъ-315Сералѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы сей день походить по гаванѣ и по городу для нужнѣйшихъ дѣлъ, потому что тому нѣсколько дней разлучась нѣкоимъ жестокимъ случаемъ съ любѣзнѣйшею для меня на свѣтѣ особою, не могу жить ни одной минуты спокойно, и всякой мигъ, пропускаемой мной въ разсужденіи поисковъ оной, умножаетъ только мое отчаяніе; и такъ откройте мнѣ, на яву ли все сіе вижу, и какимъ удивительнымъ случаемъ нахожусь въ сихъ прелѣстныхъ мѣстахъ?

а есьли вы тѣ благодѣтельные духи, которые человѣческому воображенiю во снѣ представляются, то сдѣлайте милость, откройте мнѣ жива ли еще дражайшая моя Маргона, и гдѣ могу съ ней свидѣться? Султанши начали смѣяться таковой его о нихъ мысли; но Кофробъ говорилъ ему такъ: Та, о которой ты столь много безпокоишся чувствуетъ не менѣе прискорбiя отъ твоей съ ней разлукѣ; она ѣздитъ по всѣмъ гаванямъ сихъ морей, дабы о тебѣ получить извѣстiе; но ты увидишся съ ней въ сихъ мѣстахъ въ непродолжительномъ времяни; сему долженъ ты вѣрить потому, что я тебѣ говорю, что все сiе не дѣйствiе сна, и что сiи особы, коихъ ты здѣсь видишъ, суть изъ числа тѣхъ духовъ, кои для утѣшенiя несчастныхъ созданы. А понеже и ты кажешся таковымъ человѣ-

комъ, то не отлагай разказать намъ приключенiи твоей жизни. Хотя оныe намъ и не безъизвѣстны; однако мы хотимъ познавать оные и отъ самыхъ тѣхъ людей; и смотря, съ каковою искренностiю они въ повѣствованiяхъ своихъ поступаютъ, разполагаемъ и мы старанiи наши ко оказанiю имъ всевозможныхъ услугъ.

Великiй духъ, подхватилъ тогда сей человѣкъ, подаваемыя мнѣ тобой лѣстныя надежды побудили бы меня ни въ чемъ отъ васъ не таиться, хотя бы и великiя имѣлъ причины, сокрыть отъ васъ нѣкоторую часть моихъ приключенiй; и такъ хочу разказать вамъ о нихъ съ точнѣйщею истинною.

Приключенїи Катифея и Маргоны.

Я называюсь Катифе; отецъ мой умеръ тому уже двѣнадцать лѣтъ назадъ, и былъ офицеромъ въ службѣ Короля *Аденскаго*. Изъ пяти дѣтей, [столько насъ у него было,] трое братьевъ померло; сестра же моя единородная была похищена на 4 году ея возраста и съ ея кормилицею такъ, что я одинъ остался утѣшенїемъ моей матери, которой кротость и добродѣтель немало споспѣшествовали къ моему просвѣщенїю. Двадцати лѣтъ пошолъ я въ воинскую службу, и могу не льстя себѣ сказать, что я приобрѣлъ великую хвалу въ послѣднюю войну, которую Государь нашъ имѣлъ съ нѣкоторыми его неприятелями.

Мы имѣли въ сосѣдствѣ нѣкую молодую вдову, которая по

скаскамъ

скаскамъ моей матери, имѣющей съ нею сообщенїе была весьма прекрасна. Повѣсти матери моей о сей красавицѣ сдѣлали, что я почувствовалъ къ ней чрезмѣрную любовь, которая основана была на одномъ только почтенїи къ красотѣ ея. Я изыскивалъ всѣ возможные способы, сдѣлаться къ ней вхожъ; но какъ она была нестраннопріимчива, то старанїи мои были всѣ напрасны. И какъ я началъ уже отчаиваться, быть когда нибудь знакомымъ сей дикой красотѣ, то представился мнѣ одинъ случай, ее увидѣть, которымъ я и не преминулъ возпользоваться.

ВЕЧЕРЪ XLII.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Въ одинъ день былъ я на большомъ кладьбищѣ, находящемся за

за городомъ Аденомъ. Тамъ попался мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, имянемъ Машъ-Моунъ; какъ мы съ нимъ не видались долгое время, то заключили мы другъ друга въ объятіи съ великою горячностію. Я было хотѣлъ начать съ нимъ разговоръ, который бы увѣдомилъ меня о теперишнемъ его состояніи; но онъ закрывъ лицо полою своего платья, и взявъ меня за руку, сказалъ съ усмѣшкою: пойдемъ поскорей отъ сюду; имѣю важныя причины поступить такимъ образомъ. Удивляясь сему его дѣйствію послѣдовалъ я за нимъ. Мы еще не перешли двухъ сотъ шаговъ, какъ онъ открывъ свое лицо, сказалъ мнѣ: ты бы меня спросилъ конечно, какого я состоянія; но теперь ты можешъ узнать оное. Ни какъ отвѣтствовалъ я ему . . . Я докторъ; продолжалъ онъ; и какъ ты видѣлъ

минуту

минуту тому назадъ, что я шолъ чрезъ сїе мѣсто, закрывъ лицо, то было для того, что многїе мертвые, которыхъ я проводилъ на тотъ свѣтъ, были погребены на семъ мѣстѣ. И такъ я всегда боюсь, чтобъ кто нибудь изъ нихъ узнавъ меня, не поималъ, и не отомстилъ мнѣ за мое незнанїе. Вотъ причина, для которой я убѣгаю сей дороги; а ежели когда я принужденъ итти чрезъ сїе мѣсто, то поступаю такъ, какъ ты видѣлъ, дабы господа мертвецы меня не узнали.

Я немогъ удержаться, что бы не смѣяться поступкѣ господина доктора, и возобновя съ нимъ прежнее знакомство, позвалъ ево съ собой обѣдать. Мы пошли къ одной добринькой старушкѣ, которая снабдѣвала насъ иногда изряднымъ кушаньемъ. Тамъ пообѣдавши весьма изрядно, и поговоря

говоря за столомъ о забавахъ во время нашей молодости бывшихъ, начали мы разговаривать о славныхъ красавицахъ Аденскихъ. Разказывая ему имена многихъ дѣвушекъ и вдовъ, кои красотою своею знатны были въ городѣ; не позабылъ я упомянуть и о Маргонѣ, коей *прелести* я выше всего въ свѣтѣ почиталъ. Кому ты сказываешъ, подхватилъ Машъ-Моунъ? кто можетъ ее знать лутче? я ея докторъ, а еще больше я зять ея. Тому только шесть мѣсяцовъ, какъ я женился на одной изъ ея сестеръ, именемъ *Даранѣ*. Она жила съ нею, и нимало ей въ красотѣ не уступаетъ. Я могу сказать, что обладая сердцемъ сей обожанія достойной женщины, и которая соотвѣтствуетъ мнѣ равномѣрною горячностію; почитаю себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Сїе извѣстїе привело меня въ восхищенїе: ахъ! любезный друхъ, вскричалъ я обнимая ево,ето правда, что сїя молодая вдова столько прекрасна, какъ о ней сказываютъ. Дѣйствительно такъ, отвѣтствовалъ Машъ-Моунъ; ничего нѣтъ въ естествѣ совершеннѣе ее, и тѣмъ еще отъ прочихъ особеннѣе, что Маргона по одному только духовному обряду должна почитаема быть вдовою: ибо по причинѣ болѣзни, которою она при бракосочетанїи была одержима, лишилась она прежде мужа, нежели сей болѣзни, отъ которой она еще и по нынѣ несовершенно избавилась, хотя я и всевозможные употребляю способы къ ея выздоровлѣнїю, спрашивая совѣта у всѣхъ знатнѣйшихъ медиковъ Аденскихъ.

Какая бы то неизлѣчимая болѣзнь была? спросилъ я у моего дру-

друга? превеликой чирей на правой рукѣ, сказалъ онъ мнѣ. Чирей, вскричалъ я съ радости, чирей? ахъ! дражайшій мой Машъ-Моунъ; я ее совершенно отъ того вылѣчу; только надобно напередъ мнѣ ея болѣзнь видѣть. Ты бы очень былъ искусенъ, сказалъ докторъ, есьли бы ты могъ изцѣлять подобныя боли: ежели бы Мегеметъ бенъ-Ценерія былъ еще живъ, то бы и онъ не дерзалъ говорить такъ смѣло, и не смотря на всю его способность онъ бы боялся, чтобы не обезславить себя такимъ предпріятіемъ. Не сравнивая себя съ такимъ великимъ человѣкомъ, [ибо я не знаю и первыхъ основаній медицины,] увѣряю васъ, что я вылѣчу Маргону и не потребую отъ нее другаго награжденія, кромѣ того, что бы быть ею любимымъ, и на ней жениться. Вотъ цѣна, которую я поставляю

ляю за ея исцѣленіе. О! что до послѣдняго принадлежитъ, отвѣтствовалъ мой другъ, то я не знаю, можешъ ли ты достигнуть до твоего намѣренія? сія молодая вдова; имѣетъ странное отвращеніе отъ супружества. Я сему очень вѣрю, послѣдуя тому, что я объ ней знаю отъ моей матери; она вышла за дряхлаго старика, а сіе не соотвѣтствуетъ вкусу молодой женьщины; *и я думаю*, что она не досадовала на болѣзнь, которая препятствовала желаніямъ сего старика, къ коему она конечно имѣла великое омерзеніе. Но я молодъ, и природа благопріятствуя мнѣ, дала мнѣ недурной видъ. Могу сказать, что мы всѣ военные имѣемъ обманчивой языкъ, которой нравится всѣмъ красавицамъ; я льщусь, что строгости Маргоны уступятъ моимъ лѣкарствамъ, коихъ дѣйствія

столь для нее полезны, и чего бы то ей ни стоило, она захочетъ быть здорова. А чтобъ увѣрить тебя, что я не лжецъ и не обѣщаю ничего, чего я не могу дѣйствительно сдѣлать, то послушай, что тебѣ скажу.

ВЕЧЕРЪ XLIII.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Нѣкоторый офицеръ, мой приятель, имѣетъ небольшую деревню, лѣжащую на нѣсколько миль отъсюда; онъ любитъ очень охоту, и имѣетъ три изрядныя собаки. Прошедшаго года пробылъ я у него въ деревнѣ целые шесть мѣсяцовъ. Одинъ день приѣхалъ онъ съ охоты весьма печаленъ о томъ, что одна изъ лутчихъ его собакъ ошелудивела столь сильно, что никакимъ лѣкар-

лѣкарствомъ не можно ее было вылѣчить. И въ самомъ дѣлѣ боль была столь велика, что проницала до костей, и вереды были столь сильны, что едва она не умерла отъ оныхъ. Тронутъ будучи жалостію, взялъ я ее съ собою и повелъ на поле. Звѣри, сказалъ я самъ въ себѣ, знаютъ сами почти всѣ лѣкарства служащіе къ излѣченію ихъ болѣзней; можетъ быть и сія найдетъ какую нибудь траву, которая ее излѣчить можетъ. Въ такомъ разсужденіи повелъ я ее на лугъ, и не допускалъ ни до чего дотрогиваться. По случаю подошелъ я къ нѣкоему, источнику, который истекая изъ горы, водами своими составилъ небольшое озеро; отъ чего различными ручьями протекающая вода орошала окружающіе ее поля. Мнѣ разсудилось пустить мою собаку тамъ напиться. Она вошла въ помяну-

помянутое озерко, и напившись довольно, легла по самую шею, гдѣ и лѣжала около часа, какъ бы въ банѣ. Я не удивлялся, видя, что сей бѣдный звѣрокъ, имѣя конечно весьма разпаленную кровь, старался симъ образомъ прохладиться; но удивился я чрезмѣрнымъ ласкамъ, оказываемымъ мнѣ имъ по выходѣ изъ воды, и примѣтя въ ней тогда бодрости гораздо болѣе прежняго. На другой же день приведенъ былъ я еще въ большее удивлѣніе, видя, что собака дергала меня за полу, и такъ сказать указывала мнѣ дорогу ко источнику; я пошелъ за нею туда, и она сдѣлала тамъ тоже, что учинила на канунѣ, и то продолжала она почти болѣе трехъ недѣль. По прошествіи сего времяни она совсѣмъ выздоровѣла такъ, что Господинъ ея находился о томъ въ крайнемъ изумлѣніи. Въ семъ то

 состо-

состоитъ мое лѣкарство, любезный Машъ-Моунъ; я только одинъ знаю доброту воды сего источника; и когда помощію оной вылѣчу совсѣмъ прекрасную Маргону, то объявлю тебѣ, гдѣ оный находится, и тогда можешъ ты имъ пользоваться. Но теперь требую отъ тебя только слѣдующаго: хвали всюду мое лѣкарство, разгласи меня весьма искуснымъ врачемъ, сведи меня къ сей прелѣстной вдовѣ, а о протчемъ буду уже самъ стараться.

Сколь нимало вѣрилъ Машъ-Моунъ таковому дѣйствію объявляемой мной воды; однако не хотѣлъ испытанія сего упустить; все исполнено было по моему предложенію, и онъ доведя свою своячину, что она видѣть меня желала, представилъ меня ей, какъ такого человѣка, который только одинъ можетъ

подать

подать вЪ болѣзни ея спомоществованіе. Хотя Маргона и чрезмѣрно много претерпѣвала, и оное долженствовало вЪ лицѣ ея произвесть немалую перемѣну; однако признаюсь, что я ею сразился, и никогда ничего толь совершеннаго не видывалЪ. Я осматривалЪ у ней руку, которая была вЪ прежалостномЪ состояніи, разсуждалЪ о ея болѣзни, увѣрялЪ ее вЪ скоромЪ выздоровлѣніи, и давЪ нѣкоторое легкое слабительное для очищенія крови, давалЪ ей цѣлые двѣ недѣли вЪ вечеру и по утру пить по одной бутылкѣ той воды, которую я ей приносилЪ, и за которою я самЪ хаживалЪ по ночамЪ кЪ тому источнику. По прошествіи толь краткаго времяни Маргона почувствовала вЪ себѣ противу прежняго такую перемѣну, что изЪявляла мнѣ величайшую свою благодарность,

отъ чего въ неописанную пришелъ я радость. Вы скоро совсѣмъ выздоровеете, дражайшая Маргона, сказалъ я ей, и я не сомнѣваюсь, что бы вы получа совершенное здравіе, не премѣнили вскоре своего состоянія; понеже то, въ коемъ вы теперь находитесь, весьма скучно, вы же не такъ сотворены, что бы лучшіе ваши дни препровождать такимъ образомъ. Удостойте для наслажденія благополучнѣйшею жизнію, принять такое сердце, которое васъ обожаетъ, и во врачѣ своемъ познайте такого любовника, который первѣйшимъ своимъ благополучіемъ будетъ почитать единственно только то, что бы вами быть любиму.

Маргона пришла отъ толь неожидаемой рѣчи въ величайшее изумлѣніе, долгое время глубокое молчаніе наблюдала, и смотрѣла на меня толь разгнѣванными

ными очами, что я трепѣталъ подобно преступнику, на казнь идущему. Пронзенъ будучи жесточайшею скорьбію палъ я къ ногамъ ея: Милостивая Государыня! сказалъ я ей, прежде нежели явишъ на мнѣ весь гнѣвъ твой, дозволь мнѣ предъ тобою оправдаться въ такомъ дерзновеніи, въ которомъ не могу нимало раскаиваться, понеже оно толь полезно для тебя было. Я не врачь, хотя только и одинъ знаю то таинство, отъ коего ты совсѣмъ выздоровѣть можешъ; ты предъ ногами своими видишъ такого человѣка, который оружіемъ приобрѣлъ уже довольную себѣ честь и славу; при томъ по счастію рожденъ я одною изъ лутчихъ твоихъ приятельницъ, понеже я сынъ *Сераги*, ближней твоей сосѣдки. Позная отъ нее о твоихъ совершенствахъ, любилъ тебя уже и не бывъ знакомымъ, обо-

жаю тебя съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ первый разъ тебя увидѣлъ; и какую бы строгость ни оказывала ты въ разсужденіи меня; однако клянусь главою преславнаго нашего Султана, что никогда не престану тебя любить съ совершеннѣйшею преданностію; употреблю всѣ свои силы къ побѣжденію въ тебѣ того неосновательнаго отвращенія, которое ты ко всему нашему полу имѣешъ; и льщусь, что, когда страстный Катифей возвратитъ тебѣ, такъ сказать жизнь, не будешъ ты столь жестокосерда, что бы предать ево смерти.

Сіи послѣдніе слова, произнесенные мной не безъ пролитія слезъ горчайшихъ, казалось тронули Маргону: услуга, сказала она мнѣ нѣсколько смущенно, которую ты мнѣ оказалъ, требуетъ того, что бы простила

тебя

тебя въ той смѣлости, кою принялъ ты ко вшествїю въ домъ мой подъ симъ притворнымъ видомъ; но начиная подавать мнѣ нѣкоторое облегченїе, показываешъ ты довольно, сколь любовь твоя наполнена корыстїю; объявленїе сїе долженъ было ты сохранять до тѣхъ поръ, пока я совсѣмъ не выздоровѣю, и мнѣ кажется, что я совершеннаго моего выздоровленїя не могу ни мало надѣяться, пока не обѣщаю тебѣ руки моей. Есьли требованїи твои таковы, и тѣмъ чаешъ ты привесть меня въ необходимость съ тобою сочетаться, то въ томъ обманываешся ты очень много; я останусь лутче въ томъ состоянїи, въ которомъ нахожусь нынѣ, нежели захочу обѣщать тебѣ что лѣстное: благородство моего духа тѣмъ крайнѣ оскорбится. Ты знаешъ меня очень

худо; однако скажу тебѣ во утѣшенїе, что я еще до сихъ поръ никого не любила, ниже покойнаго моего мужа, есьли симъ имянемъ могу назвать того, который данными ему родителями моими надо мной безъ согласїя моего правами никогда не пользовался; я говорю съ тобой, какъ ты видишъ, откровенно, и признаюсь, что есьли бы надлежало мнѣ съ кѣмъ соединиться бракомъ, то можетъ быть избрала бы къ тому тебя, понеже въ Катифеѣ ничего не нахожу такого, что бы мнѣ противно было, выключая только того, что съ таковымъ стремлѣнїемъ мнилъ меня принудить, не быть къ нему неблагодарною за оказываемыя мнѣ имъ услуги.

ВЕЧЕРЪ XLIV.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Таковый отвѣтъ Маргоны, и таковыя ея мысли привели меня въ толь великое удивленїе, что нѣсколько времяни стоялъ я неподвижимъ; но потомъ утвердясь въ моемъ намѣренїи, сказалъ ей: изрядно же, государыня моя, я вамъ докажу мое безкорыстїе освободя васъ совсѣмъ отъ такой болѣзни, которая самымъ славнымъ Аденскимъ врачамъ казалась неисцѣлимою, и не требуя отъ васъ за то нималѣйшаго награжденїя; довольно для меня и того, что открылъ вамъ любовь свою и совершенное мое повиновенїе вашей воли; таковое намѣренїе льщусь, смягчитъ когда нибудь ваши суровости. Это легко статься можетъ, сказала мнѣ прекрасная

вдова; однако я тебѣ ничего не обѣщаю, дабы ты не имѣлъ никогда права, отъ меня чего требовать.

Я продолжалъ пользовать Маргону прежнею водою такъ, что на послѣдокъ приносилъ къ ней всякой день по стольку, что бы она въ ней могла купаться, и какъ прекрасная сія особа отъ часу болѣе приходила въ здравіе, и наконецъ вередъ совсѣмъ пропалъ, то всю пользу сего врачеванія оставилъ Машъ-Моуну.

Радость, чувствуемая Маргоною о толь скоромъ выздоровлѣніи, претерпѣвая болѣе трехъ лѣтъ несноснѣйшія скорьби, показывалась въ прекраснѣйшихъ и прелѣстнѣйшихъ очахъ ея; и я не могъ сносить взоровъ ея, не будучи оными отъ часу болѣе сражаемъ. Государыня моя, сказалъ я ей тогда, я вамъ уже

болѣе

болѣе ненуженъ; и есьли присудствїе мое васъ не безпокоитъ, то успѣхъ врачеванїя моего награжденъ величайшимъ въ свѣтѣ образомъ. Присудствїе твое, государь мой, отвѣтствовала мнѣ сїя любезная особа, не можетъ никогда произвесть во мнѣ досады и скуки, понеже сїе есть самою малѣйшею благодарностїю за полученное мною отъ тебя толь великое благодѣянїе; но какъ посѣщенїи твои могутъ чести моей быть предосудительны, то разумъ твой заставляетъ меня льститься, что прекратишъ оные; ты въ первый разъ пришелъ ко мнѣ съ моимъ шуриномъ; послѣ того приходилъ ты ко мнѣ врачемъ, теперь же, когда весь городъ о выздоровленїи моемъ знаетъ, невольники мои могутъ подозрѣвать меня въ моихъ поступкахъ, есьли тебя будутъ въ до-

мѣ моемъ видѣть часто . . . О какъ они благополучны! вскричалъ я; сколь счастливы сіи невольники! они будутъ видѣть тебя всякую минуту, единое твое присудствіе ихъ утѣшаетъ; я же осужденъ стѣнать отъ тебя во удаленіи! о сколь много судьбинѣ ихъ завидую! Преимущество ихъ, быть при мнѣ, стоитъ имъ нѣсколько дорого, сказала на то Маргона усмѣхнувшись, и я не думаю, что бы захотѣлъ ты быть на ихъ мѣстѣ, да можетъ быть и я того не желаю; статься можетъ, что когда нибудь на тебя . . . Ахъ! Государыня моя, сказалъ я тогда, прервавъ рѣчь прекрасной сей особы, какіе лѣстные слова произнесли теперь дражайшіе уста твои! ты на меня обратишся? сколь бы благополучнымъ почелъ себя, когда бы то сбылося! нѣтъ того на свѣтѣ,

чего

чего бы не сдѣлалъ я, дабы счастія сего быть достойнымъ. Изрядно же, продолжала Маргона, посмотримъ, правду ли ты говоришь? Мнишь ли себя способнымъ къ претерпѣнію двухъ наистрожайшихъ опытовъ, которые должны быть продолжительны и трудны? есьли ты по онымъ исполнишь съ точностію, то обѣщаюсь быть твоею женою. Нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, подхватилъ я въ семъ мѣстѣ, чему бы не захотѣлъ себя подвергнуть, когда только надежда, тебѣ понравиться, меня не оставитъ. Такимъ образомъ, слыхала я отъ другихъ, говорятъ обыкновенно любовники, сказала мнѣ тогда прекрасная Маргона; они этотъ языкъ совершенно разумѣютъ; но какъ скоро становятся мужьями, то всѣ поступки и мысли свои совсѣмъ перемѣня-

мѣняютъ; они почти всегда дѣлаются мучителями, поступая съ нами какъ съ своими рабами, и недовольны будучи презрѣнїемъ толь многократно произносимыхъ обѣщанїй, становятся клятвопреступниками и измѣнниками безъ всякаго угрызенїя совѣсти, чувствуютъ къ намъ сильнѣйшее отвращенїе, жертвуютъ нами первому плѣняющему ихъ предмѣту, и содержатъ насъ въ несноснѣйшемъ плѣну и неволѣ: вотъ, что слыхала я отъ самыхъ прекрасныхъ женъ Аденскихъ, и безпрестанныя ихъ жалобы показываютъ мнѣ злобное сердце почти всѣхъ мущинъ. Что касается до меня, то я будучи рождена съ превосходящими особъ моего пола мыслями, и оставшись нынѣ неограниченною властительницею своей судьбины, не отдамся никогда ни одному человѣку въ супруги, пока

не вызнаю ево совершенно; а сїе не иначе могу сдѣлать, какъ подвергнувъ ево сильнѣйшимъ опытамъ, которыхъ я не взирая на всѣ твои усильные увѣренїи объявить не намѣрена. Ахъ! милостивая государыня вскричалъ я тогда, бросившись къ ногамъ ея, я повторяю ихъ еще разъ, изъясни мнѣ сїи толь тягосные во исполненїи дѣла; клянусь тебѣ всѣмъ священнѣйшимъ въ свѣтѣ, что на все отважусь, есьли только оное человѣческихъ силъ не превосходитъ. Изрядно, сказала мнѣ тогда Маргона, когда ты знать ихъ толь усильно желаешъ, то я ихъ тебѣ открою; можетъ быть въ одинъ мигъ потушатъ они всю страсть твою; но приступя съ тобой къ таковому изъясненїю, покажусь тебѣ можетъ нѣсколько смѣшною въ разсужденїи странныхъ моихъ мыслей; и для того требую отъ

тебя

тебя повиновенія онымъ, или отрекись на вѣки со мной видѣться: теперь еще есть время, остановить мое намѣреніе. Ахъ! милостивая государыня, подавъ мнѣ надежду, что повиновеніемъ моимъ тебя трону, можешъ ли лишить меня удовольствія, доказать тебѣ, что совсѣмъ другое отъ протчихъ мущинъ имѣю сердце? Когда ты того желаешъ, отвѣтствовала мнѣ на то Маргона, то вотъ съ какими договорами получишъ мою руку: Вопервыхъ долженъ ты сдѣлаться настоящимъ моимъ рабомъ, то есть, чтобы браковщикъ невольниковъ привелъ тебя ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы продалъ тебя мнѣ совсѣмъ, и взялъ за тебя настоящую цѣну, а ты бы съ той самой минуты лишился вольности своей такъ, чтобы я могла тебя перепродать, когда услугами твоими не буду довольна

вольна; притомъ не дожидайся того, чтобы употребила тебя для служенія во внутреннихъ моихъ покояхъ: таковые люди, какъ ты, не должны никогда входить во оные. Ты будешъ видѣть меня въ присудствіи моихъ невольницъ, и подъ лишеніемъ живота запрещается тебѣ, открыть кому нибудь, кто ты таковъ, ниже говорить со мной когда нибуть клонящееся на любовь твою. Рабство сіе должно продолжиться цѣлый годъ; единую же милость хочу съ тобой сдѣлать ту, чтобы тебя ни зачемъ не посылать въ городъ; но приуготовляйся къ повиновенію въ домѣ моемъ всякую минуту, и къ снесенію величайшей строгости и гордости безъ малѣйшаго роптанія. Скажи теперь, не устрашаетъ ли тебя первый сей опытъ? Нимало, отвѣтствовалъ я ей; я согласуюсь на все то безъ всякаго

каго прекословія; я буду тебя иногда видѣть; мои услуги, каковы онѣ ни будутъ, станутъ тебѣ безпрестанно показывать ту чрезмѣрную горячность, которую я къ тебѣ ощущаю, а сіе уже для меня всего милѣе на свѣтѣ.

Маргона казалось тронулась симъ моимъ отвѣтомъ. Сіе еще не все то, чего я отъ тебя требую, сказала она мнѣ: по препровожденіи сего года у меня въ службѣ, когда только послушаніемъ твоимъ довольна буду, надлежитъ еще доказать мнѣ твою благосклонность и повиновеніе чемъ нибудь еще сего труднѣйшимъ. Я возвращу тебѣ свободу; но съ той самой минуты долженъ ты лишиться употребленія языка, и другой годъ осудить себя на самопроизвольное молчаніе; не позволяется тебѣ говорить чрезъ все то время

мя ни одного слова ни сЪ кѣмЪ, ниже со мною, когда прикажу тебѣ говорить на единѣ со мною, вЪ какомЪ бы случаѣ и какимЪ бы то образомЪ ни было; запрещаю такЪ же, необЪявлять никому, ни письменно ни знаками, для какихЪ причинЪ наблюдаешЪ ты таковое молчанїе, и послѣднее сїе повелѣнїе памятуй всего болѣе; я стану употреблять всѣ силы, что бы тебя искусить, и есьли вЪ томЪ получу успѣхЪ, то знай, что лишисся всего плода всѣхЪ своихЪ трудовЪ и оказаннаго послушанїя.

Хотя повелѣнїе сїе кажется мнѣ гораздо несноснѣе перваго; однако, дражайшая Маргона, сказалЪ я ей, стану поступать сЪ такою предосторожностїю, что надѣюсь получить твою милость; и такЪ сїи повелѣнїи приемлю сЪ крайнимЪ удовольствїемЪ,

ствїемъ, сколь они ни несносны; и безпримѣрнымъ послушанїемъ докажу тебѣ, что всей твоей горячности достоинъ. Но что подумаетъ Машъ-Моунъ о семъ молчанїи? онъ часто къ тебѣ ходитъ; онъ узнаетъ меня конечно и въ невольничьемъ платьѣ; упорство мое не говорить ни слова, покажется ему подозрительно; раскажетъ о томъ въ Аденѣ, и таковые слѣдствїи могутъ вредить твоей чести, которая мнѣ драгоцѣннѣе моей жизни. Попеченїе сїе заставляетъ меня, тебя благодарить, сказала мнѣ прекрасная вдова, я отвращу таковое подозренїе; отпиши теперь же къ Машъ-Моуну, и открой ему таинство, коимъ ты меня вылѣчилъ; я берусь отдать ему твое письмо, и принужу ево къ молчанїю, заставя ево того опасаться, что малѣйшая его нескромность прину-

дитъ тебя открыть всему свѣту такое лѣкарство, которымъ онъ единственно счастіе свое сдѣлать можетъ.

Я написалъ къ доктору, и открылъ ему просто то мѣсто, гдѣ толь цѣлебный источникъ находился; и отдавъ письмецо мое Маргонѣ, увѣрялъ ее, что я совсѣмъ готовъ исполнить поданнымъ мнѣ ею повелѣніямъ съ особливою точностію.

Удивлѣніе дражайшей моей вдовы усугубилось, видя, что я всему тому намѣренъ повиноваться, чего она отъ меня требовала. Ты того государь мой хочешъ, и чрезмѣрныхъ тѣхъ препятствъ, которые я въ любви твоей полагаю, нимало не страшишся? изрядно же, я согласна на твое желаніе; однако даю тебѣ еще недѣлю на разсмотрѣніе того здравымъ разумомъ; по прошествіи сего времяни

ни буду тебя ожидать къ себѣ въ рабы; трепеща во образя себѣ, что принужденъ ты будешъ отъ своенравія моего сносить цѣлые два года; представь себѣ, что одинъ мигъ можетъ лишить тебя плода всѣхъ трудовъ твоихъ. Намѣреніе мое уже положено твердо, отвѣтствовалъ я, любовь моя сильнѣе всѣхъ поставляемыхъ тобою препятствъ; съ завтрешняго же дня приступлю ко исполненію твоихъ повелѣній. Послѣдуй же своему предпріятію, сказала мнѣ Маргона, и будь увѣренъ, что обѣщанную мной награду получишъ, когда все съ точностію исполнишъ; уже не буду болѣе страшиться избрать себѣ супругомъ такого человѣка, который волѣ моей толь покоренъ будетъ, и который толь тягостные опыты вытерпитъ.

ВЕЧЕРЪ XLV.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Я оставилъ Маргону, возхищаясь величайшею радостїю, и облобызавъ сперва ея колѣна, пошелъ немедлѣнно къ себѣ домой для размышленїя, какимъ образомъ могу намѣренїи свои исполнить. На другой же день пошелъ къ знакомому мнѣ купцу невольниками, и открылъ ему свое предприятїе, отъ чего приведенъ онъ былъ во изумленїе. Ахъ! государь мой, чего ты отъ меня требуешъ? Есьли Султанъ нашъ узнаетъ, что я вольнаго человѣка продалъ, то что со мой воспослѣдуетъ? чему подвергаешъ ты и самого себя? есьли я толико слабости имѣю, и на требованїе твое соглашуся, то чего не долженъ ты отъ своенравїя женьщины опа-

опасаться? ставъ неограниченною повелительницею твоей вольности, не можетъ ли привесть тебя въ несноснѣйшее рабство, перепродавъ тебя такому господину, который статься можетъ увезетъ тебя и изъ сего государства? нѣтъ, государь, немогу вознамериться, исполнить въ семъ случаѣ твое повелѣніе.

Тщетно сопротивлялся купецъ моимъ желаніямъ; я принудилъ ево для собственной его безопасности взять съ меня росписку, по которой разполагалъ онъ мною по собственному моему прошенію, и что какой бы случай со мной ни возпослѣдовалъ, не долженъ онъ за то ни мало отвѣтствовать. Я же требовалъ отъ него только того, что бы ни подъ какимъ видомъ не говорилъ онъ никогда о семъ приключеніи, и угрожалъ

ево лишить жизни, есьли нескромностїю своею помрачитъ славу прекрасной моей вдовы. По семъ велѣлъ выбрить себѣ бороду начисто, нарядился пристойнымъ образомъ тому состоянїю, къ которому я себя опредѣлилъ; купецъ повелъ меня къ Маргонѣ, и велѣлъ ей сказать, что увѣдомившись, что ей надобенъ одинъ невольникъ, привелъ къ ней такого, который ей конечно будетъ угоденъ.

Прелѣстная моя вдова, думая, что я собравшись съ разумомъ, оставлю свое предприятїе, приведена была объявленїемъ симъ во удивлѣнїе; однако приказала ему меня показать, и онъ приведя меня къ ней, продалъ меня за пятьдесятъ золотыхъ, которые онъ по повелѣнїю моему и взялъ себѣ, а меня оставилъ въ рабствѣ, которое я почиталъ тѣмъ приятнѣе, что мнилъ имѣть часто

случай видѣть мою повелитель-
ницу. Но какъ скоро позналь я,
сколь много въ разположенiяхъ
своихъ обманулся!

Едва только вступилъ я въ
сей домъ, какъ Маргона взирая на
меня съ прегордымъ и строгимъ
видомъ сказала мнѣ: Мани! [ибо
такъ назвалъ меня купецъ не-
вольниками] я думаю, что я въ
покупкѣ тебя не ошиблась, и что
будешъ ты мнѣ служить вѣрно;
поди въ загородной мой домъ, и
отдай сiе письмо тамошнему
управителю; я приказала ему
сдѣлать тебя надсмотрщикомъ
надъ работами, которыя у меня
тамъ въ садахъ производятся. Я
буду туда иногда приѣзжать,
и увижу, какъ рачительно ста-
нешъ ты отправлять свою дол-
жность. Хотя и несноснѣйшую
скорбь возчувствовалъ я, получа
такое повелѣнiе, которое меня
отъ владычицы моей удаляло;
одна-

однако воспомня о ея предписанiи поцѣловалъ ее въ полу, и принялъ отъ нее письмо, не могши притомъ удержать горчайшихъ слезъ потоки, которыя она примѣтила, и оставивъ ее отправился немедлѣнно въ назначенное мнѣ мѣсто. Какъ къ разведенiю садовъ имѣлъ величайшую охоту, то чуть только опредѣленъ я былъ къ моей должности, началъ всѣми силами стараться для угожденiя Маргонѣ, понуждать подчиненныхъ мнѣ невольковъ къ работѣ, и по даннымъ мной имъ рисункамъ привелъ садъ недѣли въ двѣ въ такое состоянiе, что точно былъ увѣренъ, получить за то отъ Госпожи моей благодарность, какъ скоро она работу мою посмотрѣть прiѣдетъ. Но въ какое пришелъ я удивлѣнiе, когда она осматривая мной сдѣланное не только ни мало не похвалила,

но еще ни одной часточки не оставила безъ похуленія, и притомъ самымъ неосновательнымъ образомъ, и приказала передѣлать все съ нова. Сіе причинило во мнѣ не малое оскорбленіе и досаду; однако не хотѣлъ я показать ей оныхъ. Есьли бы могъ я, милостивая государыня, сказалъ я ей, попасть на вашъ вкусъ, то бы потщился исполнить по оному съ точностію. Старайся узнать оный, дѣлая лутче, отвѣтствовала она мнѣ съ презрительнымъ видомъ; я особливыхъ на то повелѣній тебѣ не дамъ; дней чрезъ десять приѣду я сюда опять, потщись, что бы я работою твоею была довольна.

По сихъ словахъ Маргона отъ меня отворотилась, и я остался въ жесточайшемъ прискорбіи; но спустя по томъ нѣсколько времяни, и собравшись съ мыслями, все сіе, сказалъ я самъ въ себѣ, дѣ-

дѣлается конечно для испытанія моей крѣпости и терпѣнія: прекрасная моя повелительница обладаетъ разумомъ, и потому легко могла примѣтить, какая разность въ саду ея находится въ разсужденіи прежняго его состоянія; но только не хочетъ того показать. Что же дѣлать! стану стараться довести ее до того, что бы въ работѣ моей не могла ничего найти ко опроверженію. Тогда выдумалъ новой рисунокъ; и перемѣня совсѣмъ прежніе мои цвѣтники, здѣлалъ другіе, изъ которыхъ въ одномъ вывелъ имя моей госпожи, и разпаленные сердца; однако и сіе ей не понравилось. Такимъ образомъ заставляя меня разъ пять или шесть передѣлывать, и притомъ все попустому, сказала мнѣ наконецъ: Ты въ разсужденіи разведѣнія садовъ ничего не разумѣешъ; ступай въ Аденъ, тамъ ве-

лю употребить тебя въ другія должности. Хотя своенравіе сей красавицы меня и огорчило; однако повѣленіе жить при ней, утѣшило меня немало, понеже на загородномъ дворѣ препроводилъ я болѣе четырехъ мѣсяцовъ, и видалъ ее очень рѣдко, и то на весьма короткое время. И такъ возвратился я въ городъ; однако суровость моего рока тѣмъ нимало не смягчилась; опредѣлили меня къ самымъ труднѣйшимъ работамъ, и когда по счастію видалъ Маргону недѣли въ двѣ одиножды, то сіе дѣлалось только для того, что бы услышать отъ нее что досадное и оскорбительное. Иногда предавался я жесточайшему отчаянію, видя, съ какимъ презрѣніемъ со мной поступаютъ; и есьли бы не подкрѣплялся надеждою и чрезмѣрною моею любовію, то думаю, что бы стократно покусился на

животъ

животъ свой. Однимъ словомъ сильные духи, цѣлый тотъ годъ препроводилъ я въ печалѣ и скукѣ, и ни одного раза не былъ жестокосердою Маргоною удостоенъ благосклоннымъ взоромъ. Наконецъ прошолъ сей годъ, и она велѣла позвать меня къ себѣ въ кабинетъ.

ВЕЧЕРЪ XLVI.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Мани, сказала она мнѣ, ты теперь свободенъ, вотъ письмо, по которому я возвращаю тебя обратно самому себѣ; признаюсь, что я толикой жертвы отъ тебя не уповала: сей прошедшїй годъ твоего искуса заставляетъ меня по справедливости почитать тебя достодолжнымъ образомъ; однако у меня

отъ почтенія къ любови еще очень дальный путь остается; ты долженъ терпѣть еще другой годъ, которой можетъ статься будетъ для тебя гораздо несноснѣе перваго: воспомни, что снявъ съ себя невольническую одѣжду, ты сталъ нѣмъ такъ, что не позволяется тебѣ ни на письмѣ ни знаками показывать, для чего лишился ты языка, и что предмѣтъ твоихъ желаній. Я говорю тебѣ еще разъ, что стану испытывать тебя всякими образы; употреблю всѣ возможныя хитрости къ приведенію тебя въ непослушаніе; и есьли хотя одно слово проговоришъ, то знай, что съ той самой минуты лишишся ты надежды, быть моимъ супругомъ, что ни слезы ни прозьбы не загладятъ никогда твоего проступка; я въ разсужденіи тебя отрекусь отъ всякой жалости. Впрочемъ не думай, что бы

я того не узнала, что ты во отсудствіи моемъ дѣлать будешъ; всѣ твои и ничего незначащія поступки будутъ мнѣ извѣстны: я ничего не пощажу ко открытію оныхъ, и ты безпрестанно будешъ окруженъ вывѣдчиками мной нанятыми, которые станутъ мнѣ разсказывать даже и твои движеніи. Есьли ты преодолѣешъ все то, что я намѣрена сдѣлать для уловленія тебя въ сѣти поставленныя тебѣ отъ всюды, то сей же день опредѣляю тебя чрезъ годъ моимъ супругомъ: прежде же сего времяни запрещаю тебѣ ко мнѣ писать, ниже мнѣ гдѣ показываться, подъ какимъ бы то видомъ ни было, развѣ когда сама тебя къ себѣ призову.

Я слушалъ съ великимъ вниманіемъ все то, что мнѣ Маргона говорила, и не смѣя ей на то отвѣтствовать, мнилъ показать ей

моими движеніями, что я всему требуемому ей отъ меня со охотою подвергаюсь; я бросился къ ногамъ ея, и цѣловалъ ихъ съ горячностію, она подняла меня со особливою ласкою, и поцѣловала въ щоку, что привело меня въ такое возхищеніе и въ толь чувствительную радость, что чуть было съ самаго начала не забылъ про то, чему въ ту самую минуту подвергался: уже растворилъ уста, и хотѣлъ было говорить; но разумъ пришелъ ко мнѣ на помощь, остановилъ языкъ мой, я произнесъ только нѣкоторые голоса ничего незначущіе, и языку нѣмыхъ подражалъ я такъ хорошо, что она сама не могла отъ смѣха удержаться. Поди любезный Мани, сказала она мнѣ, можетъ быть нестолько трудно тебѣ будетъ; какъ я думала, исполнить мои повелѣніи, имѣя таковые свой-

ствы; я не присовѢтовала бы ни одной женьщинѢ подвергнуть себя таковому опыту, опасаясь, что она того не снесетъ; но видя поступокъ твой во время твоего у меня рабства, должна отъ тебя всего ожидать, и не могу изъяснить тебѢ довольно, сколь много буду я тебѢ благодарна за ту побѢду, которую ты думаю надъ самимъ собой получишъ.

Маргона проговоря сiи послѢднiе слова, подала мнѢ прекрасную свою руку превосходящую бѢлизной самый чистый снѢгъ. Сей благосклонный поступокъ почелъ я молчаливымъ позволенiемъ поцѢловать оную, я въ томъ и не обманулся; ибо она не только ее не отдернула, но еще не посопротивилась, что бы уста мои приложилъ къ оной съ толь чрезмѢрнымъ возхищенiемъ, что она казалось тѢмъ и сама тронулась. Прощай, дражайшiй Мани,

ни, сказала она мнѣ, имя сіе даю я тебѣ въ послѣдній разъ, сей день долженъ ты быть мной весьма доволенъ; ты награжденъ за все претерпѣнное тобой во время твоего уменя невольничества. Сохрани тѣ чувствія, которые ты ко мнѣ имѣешъ; ты будешъ имѣть о мнѣ извѣстіе гораздо чаще, нежели какъ ты думаешъ; однако остерегайся, я тебѣ то еще напоминаю; страшись вдаться въ обманъ, въ который я тебя всѣми хитростями вводить стану.

Я оставилъ Маргону, возхищенъ будучи чувствительнѣйшею радостію. Сія прекрасная вдова меня любитъ, сказалъ я самъ въ себѣ, въ томъ не могу сомнѣваться: она показала мнѣ того явные знаки; гордость ея въ сію минуту совсѣмъ изчезла, она сносила мои ласки, и еще предварила меня во оныхъ: Какій смер-

смертный можетъ быть меня благополучнѣе? правда невольничество мое было тягостно; но благодаря великаго нашего Пророка, подкрѣплявшаго меня въ моихъ прискорбіяхъ, сіи бѣдственныя минуты уже прошли, и не могу на нихъ жаловаться ни мало, понеже онѣ сей божественной красотѣ доказали, сколь много я ей преданъ. Не хулю я гордѣливаго и повелительнаго ея нрава: она къ тому причины свои имѣетъ; мущины такъ обманчивы, что всякая разумная женьщина не должна на нихъ ни мало полагаться; сверьхъ того мучительское владычество, приемлемое нами надъ ихъ поломъ, не можетъ быть средствомъ къ приведенію себя у нихъ въ любовь. Какъ же узнать, искренна ли любовь наша? Ахъ! только едиными толь странными опытами можно открыть оную, и нетолько

не долженъ я за то досадовать на Маргону; но еще надлежитъ мнѣ признаться, что всѣ оказанныя ей ко мнѣ суровости во время моего у ней служенія были только притворныя, и что сама она неменѣе моего претерпѣвала. благополучный Катифей, не показала ли она тебѣ нелицимѣрные знаки своей горячности? Пребудь же повелѣніямъ ея толь же послушенъ и во оставшее тебѣ на исполненіе оныхъ время, каковымъ былъ по сей самый часъ; принудь ее признаться, что ты одинъ достоинъ быть любимъ ею.

ВЕЧЕРЪ XLVII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Съ таковыми внутренними расположеніями, пошелъ я къ купцу невольниковъ, который продалъ

меня

меня Маргонѣ; показалъ ему письмо, по коему она мнѣ свободу даровала, и давъ ему знакъ, что бы онъ сыскалъ мнѣ пристойное прежнему моему состоянїю платье, привелъ ево въ крайнее удивленїе тѣмъ, что я на всѣ его рѣчи не отвѣтствовалъ ни слова, и лишился совсѣмъ языка. Какъ вся моя одѣжда осталась у него, когда я вступалъ во услуженїе къ любезной моей вдовѣ, то онъ мнѣ ее и подалъ: вотъ, государь, сказалъ онъ мнѣ, все твое оставленное у меня платье, которое я для тебя сохранялъ такъ же, какъ и врученное мнѣ отъ тебя таинство; но какимъ несчастнымъ случаемъ сталъ ты нѣмъ? Мнѣ не разсудилось отвѣтствовать на вопросъ его, и я далъ ему знать моими знаками, что въ томъ не могу ево удовольствовать; послѣ чего переодѣвшись возвратился я къ себѣ въ домъ.

Мать моя не имѣя цѣлый тотъ годъ никакого о мнѣ извѣстія, находилась въ неописанной печали. Какъ она думала, что я умерщвленъ былъ за какой нибудь любовный случай, то легко познать можете, въ какую пришла она радость, меня увидя въ то самое время, когда о томъ ни мало не помышляла; она бросилась ко мнѣ на шею со всѣми знаками искреннѣйшей матерней горячности. Какимъ случаемъ дражайшій сынъ, говорила она проливая слезъ потоки, была я цѣлый годъ о тебѣ въ безъизвѣстности? что съ тобой приключилось въ сіе время несноснѣйшей для меня горести? какія причины побуждали тебя сокрыть отъ меня свое жилище? Я принималъ ласки моей родительницы съ величайшею чувствительностію; но она видя, что я ей ни на что не отвѣчаю, пришла въ крайнее изу-

изумлѣнie. О Небо! вскричала она, ты не говоришъ со мной ни слова? развѣ какимъ несчастнымъ случаемъ лишился ты языка? я далъ ей знакъ, что бы она сдѣлала мнѣ милость, и меня о томъ не спрашивала; она же не разумѣя, чего я отъ нее требовалъ, велѣла принести бумагу и чернилы, дабы я ей обьявилъ то на письмѣ; однако я ей далъ знакъ, что и симъ средствомъ не могу ее удовольствовать. Удивлѣнie ея умножилось еще болѣе; но не примѣтя у меня на лицѣ ничего печальнаго, успокоилась нѣсколько. Толь странная вѣдомость разнесшись по всей моей фамилiи, привела всѣхъ моихъ сродниковъ и невольниковъ къ намъ въ домъ; они дѣлали мнѣ множество вопросовъ одинъ другаго труднѣе; однако я на иное отвѣтствовалъ имъ только знаками, что привело ихъ въ немень-

меньшее удивленіе, какъ и мою родительницу. Приключеніе сіе разнеслось по всему городу; вездѣ променя говорили; я не могъ удержаться отъ смѣха, слыша, какіе толки о мнѣ произходятъ; всякій разсуждалъ по своему, но никто не поподалъ на настоящую причину. Наконецъ дошло сіе и до Султана, который меня зналъ.

Онъ повелѣлъ меня къ себѣ призвать, и хотѣлъ самъ выспросить у меня, какая бы причина была моего молчанія.

Признаюсь, что при семъ случаѣ я не мало безпокоился; есьли я не могъ говорить, то всѣ знали, что я конечно имѣлъ свободу писать, или отвѣтствовать знаками на вопросы сего Государя; однако не долго я думалъ, что мнѣ притомъ дѣлать; я твердо сопротивлялся прозьбамъ, повелѣніямъ да и угрозамъ

сего

сего Принца, и притворился, бутто ево не разумѣю. По моему счастїю не почелъ онъ упрямство сїе преступленїемъ; употребя потомъ величайшїе обѣщанїи, и видя недѣйствительность оныхъ, далъ мнѣ знакъ, что бы я домой возвратился.

Не сомнѣваюсь, что бы произшествїе сїе было Маргонѣ безъизвѣстно, думалъ, что получу отъ ней какое извѣстїе. Я въ томъ не обманулся; любимая ея невольница принесла ко мнѣ на другой же день послѣ того письмо, въ которомъ поздравляла меня съ претерпенїемъ неустрашимо бывшаго со мной у Султана случая, и приказала отдать письмо ея назадъ, какъ скоро его прочитаю; я исполнилъ ея повелѣнїе, и вручалъ письмо ея посланницѣ, какъ вдругъ приведенъ былъ во удивленїе, увидя, что она плачетъ.

Мило-

Милостивый государь, сказала она мнѣ, примѣтя мое удивлѣніе, уже давно возъимѣла я къ тебѣ особливое почтеніе; я не могла взирать на мужественнаго Катифея подъ имянемъ Манія, не возчувствуя къ нему сильнѣйшей горячности. Позная таинство моей госпожи сама собою, и не получа при томъ отъ ней нималѣйшей повѣренности въ ея предпріятіяхъ, удивлялась совершенной твоей преданности къ такой особѣ, которая своенравіемъ своимъ всѣхъ на свѣтѣ женьщинъ превосходитъ; жалѣла о тебѣ, видя, что всѣ твои услуги ни вочто вмѣнялись, и притомъ безъ всякой причины, и уже готова была объявить тебѣ нѣжные мои къ тебѣ чувствіи, какъ Маргона даровала тебѣ свободу. Обладая небольшою красотою, коею меня Небо одарило, думала, что могу

гу

гу получить твое сердце; но холодный твой приемъ показываетъ мнѣ, сколь много я обманулась. Я довольно вижу, что такой человѣкъ, какъ ты, былъ у Маргоны невольникомъ не безъ основательныхъ причинъ; и не могу не подозрѣвать, что прошедшій твой поступокъ, и сіе наблюденіе толь страннаго молчанія, навлекли бы ей безчестіе, есьли бы все сіе обществу было извѣстно: подобный тебѣ человѣкъ очень опасенъ для толь прекрасной женщины; полъ нашъ слабъ, и есьли я не могла тебя не любить, когда ты и въ невольничей былъ одеждѣ, то для чего моя госпожа, которая тебя знала, имѣла болѣе силы и добродѣтели, нежели я, а особливо имѣя совершенную свободу видаться съ тобой на единѣ во всякое время?

ВЕЧЕРЪ XLVIII.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Рѣчь сїя невольницы и поносные ея о Маргонѣ подозрѣнїи привели меня въ такое смущенїе, что надлежало собрать весь свой разумъ, дабы при первомъ движенїи гнѣва не прервать молчанїе; но по томъ увѣряя себя, что все то произходитъ конечно отъ хитрости моей повелительницы, взиралъ я на невольницу насмѣшливымъ видомъ; она догадалась, что я подозрѣвалъ ее въ обманѣ: нѣтъ, милостивый государь, сказала она мнѣ, я не стараюсь тебя обманывать, я люблю тебя нелицемѣрно; я сперва искала преодолѣть склонность свою къ Манїю, потому что почитала его невольникомъ самаго низшаго произхожденїя; но съ тѣхъ поръ

какъ

какъ увидѣла , что сей Мани
человѣкъ достойный всей моей
горячности, не могла сопротив-
ляться стремлѣнїю показать
оную. Я родилась въ Мингрелїи.
отецъ мой, который повелѣвалъ
особливыми войсками Государя
земли сей, произвелъ тамъ на
свѣтъ несчастную Абулаину ,
къ которой ты теперь толико
холодности являешь. Тому уже
лѣтъ съ восемь , какъ онъ на
одномъ сраженїи съ Грузинскимъ
Царемъ убитъ; мать моя, лю-
бившая ево съ великою горячно-
стїю , сразясь тою жестокою
вѣстїю, умерла съ печали. Для
награжденїя пролитой родите-
лемъ моимъ крови причислили
насъ, то есть двухъ моихъ се-
стеръ и меня , къ пяти стамъ
невольницъ , коихъ надлежало
послать къ Царю нашему непри-
ятелю , который только подъ
симъ договоромъ на миръ согла-

сился.

сился. Мнѣ безъизвѣстно, что воспослѣдовало съ моими сестрами, кои еще въ малолѣтствѣ находились; я же будучи тогда лѣтъ десяти, отдана была купцамъ невольницами, которые меня со многими другими отвезли въ Аденъ, гдѣ по моему счастїю купила меня Маргона, у коей злополучїе мое почувствовала я только съ тѣхъ поръ, какъ лишилася надежды тронуть твое сердце. Хотя сїя прекрасная вдова и поступала со мной не какъ съ своей невольницей, но какъ съ своей приятельницей; однако не могу не признаться, что она изящными качествами обладая, затмѣваетъ ихъ чрезмернымъ своенравїемъ, которое во всѣхъ дѣлахъ ея весьма примѣтно; и я скажу что сюда пришла я по ея повелѣнїю для твоего искушенїя: она не вѣдая о сильной моей страсти

къ

къ Манію, не воображала себѣ конечно, что бы я ево въ Катифеѣ познала; но любовь не долго содержала меня въ заблужденіи. Я не хочу теперь стараться для моей госпожи; желаю говорить съ тобой только о себѣ. Скажи, государь, открой мнѣ, что обладаніе сердцемъ моимъ тебѣ непротивно. Маргона обѣщала даровать мнѣ свободу, есьли могу привесть тебя къ тому, что ты данные ей обѣщаніи нарушилъ: и такъ ставъ свободною, могу надѣяться получить твою руку, когда я тебѣ не противна. Ты мнѣ ничего неотвѣтствуешъ; ахъ! не уже ли жестокость свою такъ далеко простирать можешъ? разсуди, что одно мое слово въ состояніи прекратить всѣ твои надежды; какъ скоро скажу Маргонѣ, что ты со мною говорилъ, то конечно лишишся ее на вѣки; однако не страшись сего: я

не умѣю искупать покой свой таковою ложью, которая должна на меня всю твою обратить ненависть. И когда бы и въ самомъ дѣлѣ преступилъ ты повелѣнїе моей госпожи, чрезъ что единственно могла бы тебя отлучить отъ нее, то и тогда бы не объявила ей онаго, дабы произвесть въ ней къ тебѣ отвращенїе. Награди же, государь, таковые мои къ тебѣ чувствїи; разсмотри, сколь чрезмѣрно въ разсужденїи тебя мое великодушїе.

Сколь ни чистосердечны казались рѣчи Абулаинины; однако я не могъ имъ повѣрить; чувствовалъ также, что для меня весьма нужно, ее не раздражать: но не взирая на всѣ сїи основанїи, внушаемые въ меня здравымъ разумомъ, почелъ за должность лишить ее безъ умѣдленїя всей надежды; и далъ ей знать, сколько смогъ, что Маргону люблю съ

съ неизрѣченною горячностїю, и не могу никакъ быть ей невѣрнымъ; но будучи обязанъ ей за таковыя ея ласки, стану стараться свободить ее изъ плѣна.

Таковый отвѣтъ, данный ей мной знаками, поняла она довольно; однако не только ее не удовольствовалъ; но еще побудилъ ее къ горчайшимъ слезамъ; послѣ чего она вдругъ пришла въ такую ярость, которая меня устрашила. Изрядно же жестокїй, сказала она мнѣ, когда ты предложенїями моими презираешъ, то познай, какимъ образомъ хочу отмстить за раздраженную любовь мою. Тогда выхватя кинжалъ хотѣла пронзить себя онымъ; но по счастїю я удержалъ ея руку, и извлекъ у ней сїе оружїе. Приключенїе сїе, коего я никакъ не ожидалъ, привело меня въ смятенїе; я было хотѣлъ кликнуть какую служанку моей матери;

однако могъ столько преодолѣть себя, что бы ни одного не проговорить слова; въ разсужденіи чего старался самыми лѣстными знаками смягчить толь раздраженный духъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что за сей разпалчивостію пресильный обморокъ послѣдовалъ, и она размѣтавшись въ то время, когда далъ ей благовонныхъ водъ, показала мнѣ шею толь рѣдкой красоты, что только пресильная страсть моя къ Маргонѣ могла истребить изъ меня желаніе толь прелѣстною обладать особою.

ВЕЧЕРЪ XLIX.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Великій Пророкъ! сказалъ я тогда самъ въ себѣ, подкрѣпи истиннаго Мусульмана на бою

самомъ

самомъ жесточайшемъ; выведи ево изъ онаго съ побѣдою. Едва только скончалъ я сїе прошенїе, какъ либо по сожалѣнїю надо мной Пророка, или и по причинѣ окончанїя обморока Абулаины, пришла она въ себя, и собравшись съ разумомъ: извини меня, государь, сказала она мнѣ, что я тебя такъ много могла обезпокоить; чувствую, сколь оскорбительно произшествїе сїе для моего пола; знаю сколь велика твоя честность; прославлю ее хотя и со урономъ моей жизни, и нетолько не потщусь привесть тебя у госпожи моей въ ненависть, но еще подамъ ей вѣрное описанїе твоихъ добродѣтелей; живи съ ней благополученъ, она всей твоей горячности достойна, не взирая на притворные ея своенравїи. Я же заслуживаю только твое сожалѣнїе, прощай, воспомни когда нибудь

о несчастной дѣвицѣ, которую ты и противу воли дѣлаешъ злосчастною.

Скончавъ Абулаина рѣчь сїю покрылась своей фатою, и оставила меня не взирая на чрезмѣрное мое старанїе о удержанїи ее еще на нѣсколько времяни, опасаясь, что она можетъ быть не имѣетъ столько силы, что бы дойти до своего двора, хотя оный отъ жилища моего былъ двора чрезъ четыре.

Я не думаю, что бы выключая прекрасной моей вдовы, можно было найти что совершеннѣе сей Мингрелїянки, или еще такъ сказать, надлежало имѣть и умъ и сердце, тольже занятые, какъ и мои, что бы ей не дать преимущества предъ первой; и есьли я не обратилъ на нее своихъ глазъ въ то время, когда въ одномъ домѣ жилъ съ нею вмѣстѣ, то сїе дѣйствительно произходило

дило отъ того, что во всю мою неволю былъ во внутреннихъ покояхъ моей повелительницы не болѣе семи или осьми разъ, при которомъ случаѣ всѣ мои взоры на сїю прекрасную особу обращались, другїе же предмѣты всѣ для меня равнодушны были.

Болѣе двухъ недѣль не слыхалъ я ничего ни о моей повелительницѣ, ни о Абулаинѣ; и сїе толь долгое молчанїе начинало меня уже безпокоить, какъ получилъ письмо, по которому надлежало мнѣ итти къ Маргонѣ безъ малѣйшаго замѣдленїя. Я туда побѣжалъ; но въ какой пришелъ страхъ, увидя ее въ глубочайшей печали; она сидѣла подлѣ кровати прекрасной той невольницы, которую нашелъ въ жалостномъ состоянїи; огнь, коимъ прелѣстные ея очи прежде сего пылали, почти совсѣмъ погасъ; лице не имѣло уже болѣе

тѣхъ прелѣстей, которыми я при свиданіи моемъ сраженъ былъ. Посмотри, сказала мнѣ Маргона печальнымъ голосомъ, посмотри, въ какое жестокое состоянїе приведена тобой несчастная сія дѣвица, я люблю ее всего на свѣтѣ больше, не хочу ее лишиться, есьли то возможно, и ты только одинъ въ силахъ даровать ей жизнь снова. Мнѣ все извѣстно, что у ней съ тобой произходило, и есьли я твоею вѣрностїю и твоимъ ко мнѣ послушанїемъ должна хвалиться, то жестокость твоя къ любезной Абулаинѣ отъемлетъ у оныхъ все достоинство. Но какъ еще неушло время, загладить причиненное тобой ей несчастїе, то хочу, что бы ты въ сїю самую минуту ей клялся, не только, что ты ею доволенъ до отчаянїя, но что и готовъ избрать ее своей супругой.

Пред-

Предложенїе сїе смутило меня такъ, продолжалъ Катифей, что я весь оцѣпенелъ. Ты можетъ быть думаешъ, сказала она мнѣ, что все сїе только для твоего искушенїя произходитъ; и вотъ, я тебѣ еще разъ говорю, что требую отъ тебя непремѣнно мной тебѣ сказаннаго. Бѣдная сїя дѣвица находится въ семъ жалостномъ состоянїи отъ претерпѣнныхъ ею послѣ послѣдняго съ тобой свиданїя сраженїй съ самой собою; и какъ только рука твоя можетъ ее излѣчить, то я хочу принести ей сїю жертву: я ее такъ люблю, что согласна раздѣлить съ ней твое сердце; скажи же ей, что ты ее любишъ, скажи ей то такъ, чтобы она могла удостовѣриться: я разрѣшаю тебя отъ даннаго мной тебѣ повелѣнїя наблюдать сей годъ молчанїе, и обьявляю тебѣ, что

требую отъ тебя сего послушанія непремѣнно, когда не хочешь благосклонности моей лишиться.

Какимъ образомъ принималъ я таковые ея повелѣніи, показало ей довольно, что я повиноваться ей въ томъ не намѣрялся. Она могла изъ очей моихъ познать, сколь много трогала меня несчастная участь ея невольницы; однако не примѣчала въ нихъ того, что бы согласенъ я былъ на ней жениться, а еще менѣе изъяснить ей то изустно: словомъ никакъ не могла она побудить меня къ произнесенію хотя единаго слова. Упорность моя ее раздражила, и она пришла въ такой гнѣвъ, что я приведенъ былъ въ величайшій страхъ. Невѣрный, сказала она мнѣ, развѣ такъ повинуешся ты моимъ повелѣніямъ? не разумѣя исполнять оные; развѣ хочешъ

толь любезную погубить дѣвицу? пошолъ, негодьница, пошелъ съ глазъ моихъ; не показывайся мнѣ никогда, я отрицаюсь отъ всего, что тебѣ ни обѣщала; и вмѣсто той горячности, которою тебя льстила: будь впредь увѣренъ въ непримиримѣйшей къ тебѣ моей ненависти.

ВЕЧЕРЪ L.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Я не могъ снести безъ ужаса взоровъ Маргоны, и находился тогда въ величайшемъ смятенїи; однако утвердясь въ своемъ намѣренїи, бросился я къ ея ногамъ, и показывалъ ей, что я какїе угрозы она мнѣ ни дѣлала, не прерву никогда моего молчанїя; но что готовъ повиноваться ей во всякомъ другомъ дѣлѣ,

когда она мнѣ то непремѣнно исполнить прикажетъ. Изрядно же, сказала она нѣсколько смягчившись, я прощаю тебя въ семъ твоемъ упорствѣ, понеже прочимъ моимъ намѣреніямъ ни мало не сопротивляешся; велите продолжала она обратясь къ одной изъ своихъ невольницъ, сходить за Іманомъ. Приказаніе ея исполнено было безъ малѣйшаго замѣдленія: Іманъ пришелъ вскоре; она разсказала ему, для чего онъ призванъ: я казался быть на желаніе ея согласнымъ, и въ туже минуту обвѣнчали меня на Абулаинѣ.

Чрезмѣрная печаль, изображенная у меня на лицѣ, казалась двомысленною; и есьли Маргона могла думать, что оная происходитъ отъ усилія, учиненнаго мной для повиновенія ей, то напротивъ того Абулаина имѣла причину представлять себѣ,

что

что чувствую оную отъ жалостнаго того состоянія, въ которомъ она находилась. Потомъ изтоща всю благодарность къ своей госпожѣ, у которой она цѣловала руку съ пролитіемъ слезъ, обратилась она ко мнѣ, и сказала: я не знаю, государь, чемъ могу воздать тебѣ за твою благосклонность къ злосчастной, которой уже нѣсколько дней жить остается; но вижу, что великодушіе твое становится мнѣ безполезно. Зная, сколь много госпожа моя тебя любитъ, не хотѣла ей открыть о моей къ тебѣ страсти. Всѣми силами старалась преодолѣть оную, но вмѣсто того себя тѣмъ болѣе погубила, и теперь не могу надѣяться, что бы повиновеніе твое ея волѣ было для меня совсѣмъ полезно: довольна же тѣмъ, что во гробъ снесу съ собой имя твоей супруги; не покидай ме-

ня нынѣ, дозволь, что бы я по крайнѣй мѣрѣ умерла на рукахъ моего супруга, дозволь мнѣ тѣмъ льститься, что уронъ страстной Абулаины не нечувствителенъ ему будетъ.

Старайся лутче сохранить жизнь, вскричала Маргона обливаясь слезами; одолженіе сіе хочу, когда то возможно, имѣть отъ Катифея, и я на ласки ваши не только буду взирать безъ зависти; но клянусь, великимъ нашимъ Пророкомъ, что оное причинитъ мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, вѣдая, что Катифей не премѣнитъ чрезъ то своей ко мнѣ любови. Тогда оставила насъ Маргона, и я съ супругою моею остался одинъ: Государь, сказала она мнѣ нѣжнымъ голосомъ, подай мнѣ по крайней мѣрѣ ту отраду, скажи, что сердце твое не чувствовало никакого отвращенія къ

принятія

принятїю тѣхъ обязательствъ, кои насъ соединяютъ ; и что ты, есьли бы госпожи моей никогда не видѣлъ, не былъ бы нечувствителенъ къ жестокой моей къ тебѣ страсти.

Я почиталъ за нужное, утѣшить въ семъ случаѣ, сколько мнѣ можно было, сїю прекрасную особу: взялъ ее руку, поднесъ къ моему сердцу, и далъ ей знать, что ежели союзъ нашъ зависитъ отъ власти Маргоны, то чтобъ она положилась въ томъ на мои старанїи. Послѣ сихъ обѣщанїй я ее поцеловалъ, отъ чего она чуть было не умерла съ радости : но я скоро по томъ увидѣлъ, что отъ сей радости упала она въ такой чрезвычайной обморокъ, что почелъ ее за умирающую, и побѣжалъ въ покой Маргоны; я ей далъ знать посредствомъ знаковъ о томъ, что происходило между мною и

ея невольницею; мы вошли съ поспѣшностїю въ ея горницу, и помощїю лѣкарствъ привели ее въ чувство. Но не взирая на всѣ наши старанїи, случались съ нею подобныя приключенїя почти ежечастно; и по видимому сильное движенїе, которое происходило въ сердцѣ сей несчастной, причинило великую перемѣну въ ея сложенїи; ибо не взирая на всѣ наши старанїи, и употребляемые нами лѣкарства, пришла она въ такую слабость, отъ которой въ пятой день послѣ нашей свадьбы и жизни лишилась. Во все сїе время, я не отходилъ отъ нее ни наминуту; она испустила духъ въ моихъ объятїяхъ, чего она всегда желала съ великою жадностїю. Я чувствовалъ умноженїе моей печали, что не могъ ей изъяснить словами, сколь потерянїе ея мнѣ было прискорбно. Маргона будучи

чи свидѣтелемъ всему, что происходило между мною и Абуланной, въ послѣдния сии минуты, почла поступки мои приличными таковому случаю. Я не могу возблагодарить тебѣ довольнымъ образомъ, сказала она мнѣ, сколь благоразумно поступилъ ты при толь печальномъ произшествии; продолжай, не устрашайся ничего. Но какъ присудствие твое въ сихъ мѣстахъ уже не нужно, и печаль твоя зрѣниемъ плачевныхъ церемоний только лишъ увеличится, то возвратись лутче въ домъ свой.

Я исполнилъ повелѣние Маргоны тѣмъ охотнѣе, что взоръ мертвой Абуланны, скончавшей дни свои единственно для меня, трогалъ меня столь много, что на силу могъ удержаться, не изъявить скорбь мою. И такъ я пошелъ домой, гдѣ чувствительнѣйшей

нѣйшей предался печали, будучи увѣренъ, что не могу довольно оплакать особу толь рѣдкаго достоинства, и которая отъ чрезмѣрной ко мнѣ любви лишилась жизни. Никогда немогъ о ней безъ пролитія слезъ воспомнить; и хотя время величайшія печали изтребляетъ; однако я болѣе двухъ мѣсяцовъ оплакивалъ Абулаину, какъ однимъ вечеромъ, когда читалъ я Алкоранъ, взбѣжалъ ко мнѣ въ комнату черный невольникъ, и пронзилъ сердце мое неожидаемою жестючайшею вѣстію: Милостивый Государь, сказалъ онъ мнѣ, Маргона въ сію минуту кончается, она хочетъ съ тобой видѣться, прежде нежели духъ испуститъ, поди за мной безъ замѣдленія.

ВЕЧЕРЪ LI.

Продолженїе приключенїй Катифея и Маргоны.

Услыша отъ невольника толь плачевные слова, произвелъ я великїй крикъ, поблѣднелъ и хотѣлъ было спрашивать ево о толь скоропостижной болѣзни, и изъявить скорбь мою печальнѣйшими рѣчами, какъ воспомня о своихъ обязательствахъ, и разсудя, что сколь ни велика бы была болѣзнь моей прекрасной вдовы, однако же можетъ быть остается хотя малая надежда къ ея выздоровлѣнїю, удержалъ я свои жалобы; но произведенной мной крикъ привелъ въ комнату ко мнѣ мою родительницу и всѣхъ моихъ невольниковъ; совсѣмъ тѣмъ напрасно спрашивали меня о причинѣ онаго. Я далъ знакъ, чтобы перестали меня разпрашивать, и не теряя ни минуты

нуты побѣжалъ къ Маргонѣ. Въ какое пришелъ я отчаяніе, видя сію обожаемую мной особу въ постѣлѣ въ таковомъ состояніи, которое показывало, что уже остается ей жить только нѣсколько минутъ: блѣдна, и съ обверченною окровавленными полатенцами головою лѣжала она: Катифей, сказала она мнѣ умирающимъ голосомъ, уже скоро лишусь жизни; скорбь же мою умножаетъ болѣе всего то, что умру ненаградя любви твоей; великій нашъ Пророкъ наказываетъ меня конечно за ту строгость, съ каковою я съ тобой поступала, и за то, что хотѣла отвергнуть порядокъ установленной имъ въ нашемъ законѣ, понеже вышла *изъ* подчиненности, въ коей нашъ полъ въ разсужденіи васъ находится: одна балясина упала съ кровли мнѣ на голову; первые стараніи

моихъ

моихъ невольниковъ состояли въ томъ, что бы мнѣ скорое подать облегченіе; я же, какъ скоро о состоянiи моемъ познала, почла всего нужнѣе послать за тобой, дабы сказать тебѣ прощай уже въ послѣднiй разъ; дражайшiй Катифей, ты лутчей участи былъ достоинъ; извини мои своенравiи, и въ сихъ лобызанiяхъ приими послѣднiе мои вздохи.

Никакъ не можно себѣ вообразить того несноснаго состоянiя, въ которое приведенъ я былъ толь жалостною рѣчью, произнесенною самымъ слабымъ голосомъ и прерывающимся тяжкими вздохами и стѣнанiями; я смотрѣлъ на Маргону, омочалъ прекрасныя ея руки горчайшими слезами; словомъ скорбь моя была столь велика, что во объятiяхъ ея лишился я совсѣмъ чувства. Не могу сказать, сколь долго обморокъ мой продолжался; но знаю

знаю только, что собравшись съ памятью увидѣлъ себя въ другомъ покоѣ на постѣлѣ сдѣланной изъ чернаго отласа окруженна всѣми невольниками моей повелительницы; глубокая ихъ печаль и тѣкущїя у нихъ изъ глазъ слезы вѣщали мнѣ о ея кончинѣ; я взиралъ на нихъ смятенными очами, и казалось хотѣлъ отъ нихъ получить о ней извѣстїе, какъ одинъ изъ нихъ прервалъ молчанїе сказалъ мнѣ: государь, ее уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, мы лишились теперь самой лутчей госпожи, каковой во всемъ Адемѣ не найдемъ; то доказала она при послѣдней болѣзни Абулаины: вотъ духовная ея сдѣланная государь въ твою пользу; ты теперь нашъ господинъ, ты можешъ разполагать всемъ, что въ домѣ семъ находится.

Послѣднїе слова невольника не почиталъ я ни за что; я помышлялъ только о томъ, чего я лишился; выхватилъ свой кинжалъ, и хотѣлъ было пронзить имъ свое сердце; но невольники, примѣчая всѣ мои и малѣйшїе поступки, схватили меня за руки, обезоружили, и тѣмъ воспрепятствовали мнѣ во исполненїи моихъ намѣренїй. Живи, государь, говорили они мнѣ, Маргона повелѣваетъ тебѣ то симъ письмомъ; она о чувствительности твоей не сомнѣвалась; но запрещаетъ покушаться на жизнь свою, и мы получили отъ ней точное повелѣнїе, не оставлять тебя до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что ты послѣднимъ ея завѣщанїямъ слѣдовать намѣренъ. На сїю рѣчь не отвѣтствовалъ я имъ ничего, и обливаясь горчайшими слезами предался жесточайшему отчаянїю. Не могу сказать,

зать, сколь долго пробылъ я въ семъ состоянiи; но знаю только, что выпивши чашку Шарбета, поданнаго мнѣ, когда я чрезмѣрно закашлялся отъ засухи въ горлѣ, впалъ я въ дремоту, которая мало по малу усиливаясь въ глубочайшей сонъ превратилась. безъизвѣстно мнѣ, сколько оный продолжался, но въ какое пришелъ я изумлѣнiе проснувшись, увидя себя въ великолѣпной комнатѣ убранной по новому и совсѣмъ особливому вкусу? самыя рѣдкiя птицы, сидящiя въ раззолоченныхъ клѣткахъ, вѣщали тамъ согласнымъ своимъ пѣнiемъ приходъ Авроры; но удивлѣнiе мое умножилось еще болѣе тѣмъ, что лѣжалъ на пребогатой постѣлѣ подлѣ безприкладной Маргоны, сiяющей свѣтлѣе полнаго мѣсяца и всѣхъ свѣтилъ небесной тверди. Приключенiе сiе почиталъ я сномъ самымъ лѣстнымъ;

стнымъ; прекрасная моя вдовушка не была уже увѣрчена окровавленными пеленами: черные ея власа, завитые и украшенные алмазами, лѣжали у ней по прелѣстнымъ розамъ подобнымъ щекамъ; и я зря толико красоты, приведенъ былъ въ толь сильное движеніе, что хотѣлъ было возопить громко къ великому нашему Пророку, и просить ево, чтобъ никогда конца не было такому сну, въ которомъ я толико ощущалъ утѣхи, какъ по счастію Маргона казалось проснулась: Милостивый государь, сказала она мнѣ тогда, благодари посланника божія, сей день хочетъ онъ увѣнчать твои труды, и наградить твою вѣрность; ты изъ сна прешелъ не примѣтнымъ образомъ къ спокойной смерти, которая тебя въ число счастливыхъ правовѣрныхъ поставляетъ. Ты нахо-

 дишся

дишся теперь въ томъ прохладномъ мѣстѣ, которое сей Пророкъ правовѣрнымъ своимъ обѣщеваетъ; и по особливой его къ тебѣ милости избрана я тебѣ въ Гуріи. Но поступая съ тобой на землѣ съ таковою суровостію, и подвергая тебя толь долгое время всѣмъ моимъ своенравіямъ, могу ли льститься, что примешъ меня вѣчною своею содружницею въ семъ святомъ жилищѣ? Ахъ! дражайшій Катифей! избавь нѣжную любовницу отъ справѣдливыхъ ея страховъ, и не поступай съ ней съ тою же строгостію, каковую она въ разсужденіи тебя въ Аденѣ являла.

ВЕЧЕРЪ LII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Есьли я имѣлъ причину дивиться всему произшедшему со мной

мной до тѣхъ поръ у Маргоны, то въ сїю минуту приведенъ я былъ съ тѣмъ большее изумлѣнїе, находясь въ таковомъ состоянїи. Однако разумъ не совсѣмъ меня оставилъ, и я разсуждалъ самъ въ себѣ такъ: Что я теряю наблюденїемъ молчанїя и въ семъ случаѣ? время мое еще не протѣкло; есьли все, что здѣсь ни произходитъ, только единое лжевоображенїе и слѣдствїе хитростей, употребленныхъ къ побужденїю меня проговоритъ хотя одно слово, то одинъ мигъ сдѣлаетъ меня предъ Маргоною виновнымъ во ослушанїи. Когда же сїе самая точность, и дѣйствительно нахожусь я въ раю нашего Пророка, то моя Гурїя должна волѣ моей во всемъ повиноваться; какая ей до того нужда, буду ли я говорить, или нѣтъ, только лишъ бы стара-

 нїямъ

нїямъ и ревности ея соотвѣтствовалъ.

Между тѣмъ, какъ я таковые размышленїи самъ въ себѣ дѣлалъ, примѣтилъ я въ сей прекрасной особѣ великое смущенїе. Ахъ! Милостивый государь, сказала она мнѣ, ты конечно отвѣтствовать мнѣ не хочешъ? ты меня уже не любишъ, или за то презрѣнїе, которое я къ тебѣ имѣть показывала, конечно отплатить намѣренъ? но сколь обманчива была наружность! я любила тебя съ неизрѣченною горячностїю; и въ ту минуту, когда объявляю, что ты мной обожаемъ, можешъ ли быть суровъ, что бы поступать со мной съ равнодушїемъ? Ахъ! дражайшїй Катифей, я не могу снести онаго ни одну минуту, и есьли бы въ теперишномъ моемъ состоянїи можно было умереть, или въ ничто обратиться, то

бы сей милости просила отъ великаго Пророка, нежели зрѣть тебя вооруженна на меня жестокостію; отвѣтствуй же мнѣ, любезный супругъ? для чего упорствуешъ ты въ такомъ молчаніи, которое меня въ отчаяніе приводитъ? для чего терзать меня, заставляя ожидать благополучія, желаннаго тобой сперва съ таковымъ стремленіемъ.

Усильныя прозьбы Маргоны произвели въ сердцѣ моемъ движеніе; посмотримъ, сказалъ я самъ въ себѣ, какъ далеко могу явленіе сіе разпространить; мнѣ истинное средство ко открытію обмана извѣстно; попытаемся поступить съ прекрасной моей вдовушкой такимъ же образомъ, какимъ поступаютъ счастливые Музульманы, [какъ насъ увѣряютъ] съ своими Гуріями: тогда позная точно о моей судьбинѣ прерву молчаніе.

Едва только принялъ я сїе намѣренїе, какъ Маргона, которая сперва ласки мои безъ всякаго сопротивленїя принимала, увидя конечно изъ глазъ моихъ, что я покушаюсь испытать, дѣйствительно ли все со мной произходящее, или единый обманъ, соскочила отъ меня съ кровати, поднявъ превеликой хохотъ; и какъ скоро она захлопала руками, то четыре невольника, дожидавшїеся ея повелѣнїй, взошли немѣдленно къ намъ въ комнату: ступайте ко мнѣ на помощь, сказала она имъ, отъ меня зависѣло, быть при семъ приключенїи самой обманутой.

Какъ я тутъ узналъ невольниковъ, то нетрудно мнѣ было понять хитрость сего явленїя; и я перьвый началъ смѣяться мнимому тому страху, отъ котораго я избѣжалъ моимъ молчанїемъ. Ты очень разумно посту-

ступилъ въ семъ случаѣ, а то бы все дѣло испортилъ; я непонимаю, какимъ образомъ, ты не уступилъ сему послѣднему опыту; и какъ я тебя испытывала различнымъ образомъ, и ты пребылъ во всѣхъ случаяхъ постояненъ, то начинаю отчаиваться, чтобъ мнѣ удалось мое предпріятіе. Прощай дражайшій мой Катифей, люби меня съ такою же горячностію, съ какою началъ, и не безпокойся о отдаленіи нашего совокупленія; для меня оно чувствительнѣе будетъ; ибо я совершенно увѣрена, о твоей чрезмѣрной ко мнѣ любви, а ты еще не знаешъ, сколь велика моя къ тебѣ горячность. Окончивъ сіи столь лѣстные слова, обняла она меня со всѣми знаками истинной горячности; а что и я сіи ласки съ такою же принялъ горячностію, съ ка-

кою она мнѣ оказывала, о томъ можете разсудить сами.

Я возвратился домой восхищенъ симъ произшествіемъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ только 4 мѣсяца осталось дожидаться сего счастливаго обладанія. безполезно будетъ, есьли я начну говорить о томъ, какихъ я избѣжалъ различныхъ сѣтей, которые для меня разставлены были; скажу только, что я началъ было надѣяться, провести спокойно оставшееся время до моего счастія, какъ Король Цибитской сдѣлалъ нападеніе на наши земли. Султанъ Аденской принялъ намѣреніе, сдѣлать скорое за то отмщеніе; для сего собраны были войска близь столицы сего Государя, гдѣ и мнѣ быть надлежало съ другими офицерами. Я не беспокоился о томъ, что мнѣ надлежало повиноваться вышней власти; но

мнѣ

мнѣ надлежало управлять солдатами, что мнѣ не очень прiятно казалось; ибо должно было повелѣвать знаками. Но по счастiю моему Султанъ меня отъ того избавилъ; онъ узнавъ меня при осматриванiи своихъ войскъ, и увѣдая, что я еще нѣмъ, изволилъ мнѣ сказать, что будучи о храбрости моей извѣстенъ, увольняетъ меня служить при надлежащемъ моемъ мѣстѣ, повелѣвая мнѣ быть при себѣ безъотлучно. Толь особливая милость привела меня въ чрезмѣрную радость, я бросился къ ногамъ его, и сей милосердый Государь тронулся поступкомъ моимъ столь много, что поднялъ меня самъ со всевозможною ласкою.

Мы на другой же день выступили въ походъ, и чрезъ недѣлю достигши нашего неприятеля, не отрицались дать ему ба-

талїю, которая была весьма кровопролитна. Какъ Султанъ, мой Государь, повелѣлъ мнѣ отъ себя ни на минуту не отлучаться, то я во все сраженїе не выпускалъ ево изъ глазъ, и имѣлъ счастїе спасти ему жизнь дважды; въ третїй же разъ убита подъ нимъ была его лошадь, въ разсужденїи чего посадилъ я ево на свою, и отбивалъ ево отъ окружившихъ его непрїятелей, въ которое время получилъ я два шпажные удара, изъ коихъ одинъ пробилъ у меня латы, а другой прошелъ сквозь лѣвую руку на вылѣтъ въ самую грудь, отъ чего палъ я на землю между лошадями. Султанъ примѣтя то, и защищаясь и самъ подобно пресильному льву, повелѣлъ подать мнѣ наискорѣйшее вспомоществованїе: меня подняли, и между тѣмъ, какъ несли меня въ ближайшей шатеръ, гдѣ осматривали мои ра-

раны, и нашли оныя довольно опасными, сей неустрашимый Государь возбуждалъ подданныхъ своихъ собственнымъ своимъ примѣромъ столь сильно, что получилъ тѣмъ совершеннѣйшую побѣду, понеже и Султанъ Цибитской убитъ былъ на сраженіи.

Первое стараніе Султана послѣ баталіи было то, что хотѣлъ знать, въ какомъ я состояніи находился; и увѣдая, что я въ жизни крайнѣ опасенъ, прибѣжалъ ко мнѣ самъ въ шатеръ. Сколь много, любезный другъ, я тебѣ обязанъ! сказалъ онъ мнѣ меня обнимая; какимъ образомъ за то могу тебѣ возблагодарить? помышляй только о своемъ выздоровленіи, и будь увѣренъ, что нѣтъ такого, чего бы не сдѣлалъ я для показанія тебѣ чувствительнѣйшей моей благодарности.

Я принялъ Султана со всякимъ высокопочитанïемъ, каковое только въ тогдашнемъ моемъ состоянïи оказать могъ; и какъ раны мои не дозволяли перевезти меня въ Аденъ, то повелѣлъ отнести меня на носилкахъ въ ближайшïй городъ, и оставя тамъ при мнѣ двухъ своихъ докторовъ и лѣкарей, повеля имъ о выздоровленïи моемъ всѣми силами стараться, поѣхалъ самъ обратно въ Аденъ. Какъ жилъ я у самого Губернатора, то не только мнѣ ни въ чемъ не было недостатка, но еще ходили за мной съ толикою ревностïю и усердïемъ, что дней чрезъ восемь миновалась моя опасность, а по прошествïи двухъ мѣсяцовъ находился я уже въ состоянïи въ Аденъ возвратиться.

Я имѣю причину думать, что болѣзнь моя была для Маргоны не нечувствительна, понеже она

въ тотъ городъ, гдѣ я пользовался, прислала ко мнѣ невольника съ письмомъ, наполненнымъ самыми страстными и сожалительными выраженіями, при чемъ прислала мнѣ такъ же пять сотъ золотыхъ. Письмо сіе получилъ я съ неизрѣченною радостію, но денегъ взять не хотѣлъ, и отдалъ оные обратно невольнику.

❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀❀

ВЕЧЕРЪ LIII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Сей человѣкъ остался при мнѣ на нѣсколько времяни, и увѣрясь уже точно, что раны мои безопасны стали, просилъ меня дать ему письмо къ его госпожѣ. Первые данные мнѣ повелѣніи наблюдалъ я столь тщательно, что и при семъ случаѣ почелъ за не-

ненужное, писать къ прекрасной моей вдовушкѣ, хотя она мнѣ то и разрѣшила; я далъ знать сему невольнику знаками, что не могу ево удовольствовать, но что вскоре надѣюсь быть въ состоянiи увѣрить ее собственными устами въ той благодарности, которой благосклонность ея ко мнѣ отъ меня требуетъ.

Невольникъ уѣхалъ, а я спустя послѣ него недѣли двѣ отправился такъ же въ путь на носилкахъ, которые градодержателямъ и главнѣйшимъ жителямъ селъ и деревень повелѣно было мнѣ давать безъостановочно; наконецъ прiѣхалъ я въ Аденъ, и слѣдуя повелѣнiямъ Султана проводили меня прямо во дворецъ. Не можно никакъ изъяснить полученныхъ мной отъ сего Государя ласканiй; я въ разсужденiи тебя, любезный другъ, сказалъ онъ мнѣ однимъ днемъ,

имѣю

имѣю великіе намѣреніи, и препятствіемъ ко онымъ нахожу только упорное молчаніе, наблюдаемое тобой кажется не къ статѣ: у меня есть три сестры чрезвычайной красоты, выбирай изъ нихъ любую, я сдѣлаю тебя моимъ Визиремъ; занимающій сіе мѣсто былъ на послѣднемъ сраженіи убитъ, и только одинъ Цалвонъ могъ бы ласкаться, получить оное, есьли бы я онаго не назначилъ для тебя. Онъ человѣкъ искусный, и состарѣлся въ дѣлахъ государственныхъ; но слышу, что онъ весьма легковѣренъ, и предразсужденій своихъ никогда не оставляетъ, по чему злоупотребляя своею властію поступаетъ съ подданными моими худо. И такъ какимъ бы искуствомъ и знаніемъ онъ ни обладалъ, однако главою моею государства не хочу такого человѣка поставить; на противъ того по-

повелѣваю тебѣ, когда ты предложенiи мои принять намѣренъ, присматривать за поступками его рачительно. Но знаешъ, что въ такомъ состоянiи, въ каковомъ ты быть кажешся, не могу вручить тебѣ правленiя всего моего Государства: объяви же мнѣ знаками или иначе, самопроизвольная ли болѣзнь твоя, или нѣтъ; и есьли лѣкарствы что нибудь произвесть могутъ, то нѣтъ такого въ свѣтѣ, чего бы не употребилъ я къ возвращенiю тебѣ языка, я принужу моихъ Врачей истощить на тебя все ихъ знанiе и науку.

Никакъ невозможно изобразить моего удивленiя и смущенiя, въ которое приведенъ я былъ симъ предложенiемъ; однако, сколь ни много чувствовалъ въ себѣ слабости, бросился я къ ногамъ Султана, старался вразумить ему, что есьли по счастiю удалось мнѣ

мнѣ учинить ему какую услугу, то за все награжденъ былъ довольно оказанными мнѣ имъ милостями, и что я предлагаемой имъ мнѣ чести нимало не достоинъ.

Извѣстіе сіе разнеслось конечно по всему Адену; оно дошло и до ушей Маргоны; и сія прекрасная особа казалось опасалась, что бы я уставъ отъ толь долгаго срока опредѣленныхъ ею въ разсужденіи меня опытовъ, основанныхъ единственно на своенравіи, не захотѣлъ сдѣлаться сродникомъ моему Государю; она отписала ко мнѣ письмо наполненное самыми нѣжными и жалостными выраженіями, которое въ слѣдующихъ рѣчахъ состояло.

„ И такъ, государь, я тебя
„ лишаюсь; вижу что лишаюсь
„ тебя собственною своею погрѣ-
„ шностію. Несчастная Маргона!
„ что съ тобой послѣдуетъ? мо-
„ жешъ

„ жешь ли прежить сїе злопо-
„ лучїе? увы! есьли еще теперь
„ время, то прости меня во всѣхъ
„ моихъ своенравїяхъ, и прерви
„ свои обѣщанїи, я уволяю тебя
„ отъ оныхъ: скажи Султану,
„ дражайшїй Катифей, покажи
„ ему сїе письмо, разкажи ему всѣ
„ свои приключенїи: оные пока-
„ жутся ему столь чрезвычайны,
„ что точно увѣрена, [когда ты
„ меня еще любишъ,] что онъ
„ сердца твоего принуждать не
„ похочетъ: но можешъ ли ты
„ для безразсудной любовницы
„ сопротивляться толь вели-
„ кимъ его предложенїямъ? я не
„ могу тому вѣрить: ахъ! ты
„ намѣряешся къ измѣнѣ; но знаю,
„ что прежде умру, нежели о
„ томъ извѣдаю точно. . .

Письмо сїе поразило мое терпѣнїе: я взялся за перо, опасаясь, что бы въ семъ случаѣ молчанїе мое не подтвердило страха любезной

безной Маргоны; я извинялъ свой поступокъ такимъ образомъ, что бы лишить ее всякаго подозрѣнія меня въ невѣрности; я запечаталъ свое письмо, и уже хотѣлъ послать къ ней оное, какъ разсудя, что искуса моего по большей мѣрѣ одинъ мѣсяцъ остается, изодралъ въ мелкіе лоскуточки все мной написанное, и не почелъ за благо отважиться на такое дѣло, которое могло бы побудить меня къ раскаянію, понеже сдѣлалъ отвѣтъ въ противность данныхъ мнѣ повелѣній.

Между тѣмъ, какъ мы оба въ толь жестокомъ смятеніи находились, Султанъ, не забывая о своихъ намѣреніяхъ, велѣлъ всѣхъ находящихся въ Аденѣ Врачей собрать, и требовалъ у нихъ въ разсужденіи моего состоянія совѣта; но какъ болезнь моя еще съ самаго начала разнеслась по всюду, то не было

изъ нихъ ни одного, [какъ то узналъ послѣ,] который бы, будучи увѣренъ, что нѣмъ я самопроизвольно, не объявилъ себя безсильно ко излеченїю меня. Машъ-Моунъ, будучи можетъ быть искуснѣе другихъ, зная лучше или подозрѣвая основанїи моего молчанїя, говорилъ такъ: Милостивый Государь! сказалъ онъ Султану, Катифей сдѣлался нѣмъ, по видимому, вдругъ по какой нибудь ему одному извѣстной причинѣ, которой мы никакъ познать не можемъ; есьли то дѣлаетъ онъ по обѣту', то беззаконно бы было принуждать ево къ прерванїю онаго, развѣ только когда твой Иманъ ему то разрѣшитъ. Есьли же то для другаго чего, кое мы проникнуть не можемъ, то напрасно употреблять лѣкарствы, которые всегда дѣйствїе свое имѣютъ, и въ семъ случаѣ можетъ

жетъ быть причинять болѣе вреда нежели пользы: и такъ по моему мнѣнію не лутче ли старашься побудить ево къ прерванію молчанія какою нибудь хитростію, и что бы Ваше Величество обѣщали какое награжденіе тому, который сдѣлать то возможетъ. Совѣтъ твой очень хорошъ, сказалъ на то Султанъ, есьли Иманъ, коего я къ нему пошлю, не въ состояніи будетъ увѣрить ево въ разрѣшеніи ему въ его обѣтѣ, когда только онъ учинилъ оный, то прикажу поступить по твоему предложенію.

ВЕЧЕРЪ LIV.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Иманъ, по повелѣнію Султанскому, пришелъ ко мнѣ спустя съ часъ; однако всѣ его труды были

были напрасны; и онъ изъ упорности моей въ молчаніи заключа, что законъ не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго участія, объявилъ о томъ Царю Аденскому, который о мнѣ помышляя безпрестанно, приказалъ о намѣреніяхъ своихъ объявить во всемъ городѣ, и крикуны возвѣстили его имянемъ, что кто принудитъ меня говорить, какимъ бы то образомъ ни было, тотъ въ награжденіе получитъ сто тысячь золотыхъ. Толь великая сумма, показывающая при томъ чрезмѣрную ко мнѣ любовь сего Государя, взволновала всѣхъ побродяхъ и обманщиковъ: выискалось изъ нихъ болѣе тридцати, которые обѣщались вылѣчить меня дѣйствительно, хотя изъ нихъ всякой былъ увѣренъ, что успѣхъ имѣть будетъ. Однако должно признаться, что сыскал-

ся

ся изъ нихъ одинъ всѣхъ искуснѣе и совѣстнѣе, и который ласкался побудить меня къ разговорамъ, сказавъ мнѣ на ухо только одно слово. Правда употребилъ онъ такое лѣкарство, которое бы конечно подѣйствовало, есьли бы имѣлъ я корыстолюбивое сердце. Государь мой, сказалъ онъ мнѣ, Султанъ обѣщаетъ дать сто тысячь золотыхъ за твое излѣченіе; я вижу, что оно отъ тебя одного зависитъ: раздѣлимъ сію сумму по поламъ, я даю тебѣ изъ того пятьдесятъ тысячь, вотъ тебѣ на то и обезательство, подписанное собственной моей рукой; подумай, мы оба можемъ сдѣлаться тѣмъ счасливы. Я не могъ отъ смѣха удержаться, слыша такія рѣчи сего человѣка, и для награжденія его во уронѣ толь знатной суммы, подарилъ я ему перстень болѣе, нежели во сто зо-

лотыхъ;

лотыхЪ; онЪ тому крайне возрадовался, приносилЪ мнѢ неописанное благодаренїе, и во всемЪ АденѢ обЪявлялЪ о моей щедрости.

ЦалвонЪ, который изЪ простаго ПодЪ-визиря, мнилЪ себя достойнымЪ кЪ заступленїю мѢста перваго Министра, вЪ разсужденїи своей способности и лѢтЪ; находился во отчаянїи видя, что СултанЪ любитЪ меня столь много; взирая притомЪ сЪ прискорбїемЪ, что великое Визирство опредѢлялось мнѢ, какЪ скоро говорить стану, употреблялЪ вЪ тайнѢ всѢ свои силы кЪ возпрепятствованїю моего выздоровленїя; и пользуясь случившеюся тогда Султану болѢзнїю, велѢлЪ народнымЪ крикунамЪ обЪявить его имѢнемЪ, что сей Государь дастЪ вЪ двое противу обѢщаннаго, кто меня вылѢчитЪ; но

кто лѣчить меня предпрїиметъ, и не вылѣчитъ, тому будетъ голова отрублена.

Не взирая на толь строгое объявленїе, надежда толь великаго прибытка побудила пятерыхъ или шестерыхъ несчастныхъ, кои не имѣя лутчаго противу другихъ успѣха, заплатили своею жизнїю за то, что дерзнули объявить себя къ моему искушенїю.

Не зная сего послѣдняго объявленїя и наказанїя, наложеннаго достойнымъ симъ Министромъ за неудачу въ вылѣченїи меня; жилъ я довольно спокойно, какъ спокойствїе сїе нарушилось такимъ приключенїемъ, котораго единое напоминовенїе приводитъ меня въ трепѣтъ.

Прошло уже болѣе недѣли, что ни одинъ такой лѣкарь ко мнѣ не показывался, какъ объявили мнѣ, что какой то моло-

дой человѣкъ рѣдкой красоты со мной говорить хочетъ, и берется побудить меня къ рѣчамъ посредствомъ одного Талисмана; я велѣлъ впустить ево къ себѣ въ комнату. Но что возчувствовалъ въ себѣ, когда въ младомъ семъ человѣкѣ позналъ божественную Маргону: Катифей! сказала она мнѣ, съ нѣкоторымъ страхомъ смѣшеннымъ съ почтенiемъ, я пренебрегаю своимъ счастiемъ, а можетъ быть и жизнiю только для того, что бы поговорить съ тобой; но по отказѣ твоемъ отвѣта на мое письмо, чего недолжно мнѣ предпринять для познанiя моей судьбины, и для сохраненiя такого сердца, какъ твое? измѣнилъ ли ты мнѣ, какъ то говорятъ въ Аденѣ? и приемлешъ ли одну изъ сестеръ Султанскихъ себѣ въ супругу? Я показывалъ ей, что не только въ разсужденiи ее не

пре-

премѣнился, но еще все мое благополучїе въ томъ поставляю, что бы любить ее вѣчно, и быть ею любиму; и что я отъ нашего Государя никакого благодѣянїя не приму въ предъосужденїе данныхъ мной ей клятвъ. Ахъ! есьли то, что ты мнѣ теперь показываешъ, справѣдливо, сказала она мнѣ съ великимъ восторгомъ, то скажи о томъ, любезный Катифей, сей же день Султану, обьяви ему, что ты обязавшись жесточайшими клятвами, соединяющими тебя со мной неразрывнымъ союзомъ, не можешъ предлагаемою имъ тебѣ честїю пользоваться. Узная онъ, что обязательствы наши не могутъ прерваны быть безъ навлѣченїя на себя гнѣва Пророка нашего, почтетъ конечно за не справѣдливость, требовать отъ тебя такое, что можетъ привесть тебя въ безчестїе. Прими,

 любез-

любезный другъ, мою руку, клянись мнѣ, что будешь меня любить съ тою горячностїю, какую ты являлъ ко мнѣ до самой сей минуты; прибавь еще къ сей клятвѣ, что ты, что бы съ тобой ни случилось, никогда со мной не разведешся; я же готова съ тобой соединиться, какъ скоро меня въ томъ увѣришь, и согласно съ моимъ требованїемъ обьявишь Султану; клянусь тебѣ всемъ священнѣйшимъ на свѣтѣ, что разрѣшаю тебя отъ наложенныхъ мной на тебя обязательствъ, и хотя уже только десять дней остается; однако я возпользуюсь тѣмъ не мало, когда принужу тебя къ прерванїю молчанїя. Есьли во всѣхъ другихъ случаяхъ употребляла я все возможное къ твоему искушенїю, то теперь того не ищу; время и обстоятельствы не позволяютъ тебѣ отлагать

ни

ни на минуту, объявить мнѣ изустно о истинныхъ твоихъ ко мнѣ чувствованіяхъ, и дать о томъ знать нашему Государю; положись же на мою искренность; открой мнѣ свое сердце, не дай мнѣ стѣнать долѣе въ той безъизвѣстности, въ которой нахожуся. Ахъ! Катифей, въ сію то минуту долженъ ты мнѣ доказать, что любовь твоя ко мнѣ не можетъ никакими величайшими предложеніями поколѣбаться, и что ты хочешь лутче гнѣву Султанскому подвергнуться, нежели слѣлаться мнѣ невѣрнымъ.

ВЕЧЕРЪ LV.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Какъ безъизвѣстно мнѣ было, какое наказаніе наложилъ Визирь

Цалвонъ на тѣхъ, кои вылѣчить меня бралися; то показывалъ Маргонѣ, увѣривъ ее сперва о совершенной моей къ ней вѣрности, что нимало не нужно прекратить повиновенїе, когда уже до сроку только десять дней осталось; по семъ желая надъ ней повѣселиться, показывалъ ей, что конечно корыстолюбїе побудило ее представлять такого человѣка, и что оное можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ заставляетъ ее говорить самую истинну; но что я будучи не столь корыстолюбивъ, какъ она, нехочу отважиться потерять ея благосклонность за сто тысячь золотыхъ, и что я не взирая ни на кокое приключенїе не стану говорить, пока срокъ не выйдетъ.

Едва только вразумилъ я Маргонѣ, что требованїи ея не соглашусь исполнить, какъ вдругъ лице ея покрылось величай-

чайшею блѣдностію: Ахъ невѣрный! сказала она мнѣ, сколь мало награждаешъ ты мою горячность! она едина завела меня въ сіи мѣста; и есьли бы не опасалась, что ты на предложеніи Султана согласишся, то ожидала бы окончанія года со всякою терпѣливостію; но вижу, неблагодарный! что гордость тобой владѣетъ; ты вскоре будешъ сродственникъ Султанскій. Правда, Принцесса съ которой ты въ бракъ вступаешъ, великая красавица, и во объятіяхъ ея позабудешъ скоро несчастную Маргону, къ которой уже безстрастенъ, а можетъ быть и отвращеніе чувствуешъ. Изрядно, жестокій, я лишусь жизни! сопротивленіе твое моей волѣ подвергаетъ меня извѣстной смерти; тебѣ не безъизвѣстна судьбина, ожидающая меня у выходу изъ мѣстъ сихъ;

ты взираешъ на то съ радостїю, понеже сердцемъ твоимъ уже не владѣю; ты конечно раскаиваешся во всѣхъ претерпѣнныхъ тобой по повелѣнїю моему трудахъ и тягостяхъ; теперь причитаешъ мнѣ то въ преступлѣнїе, за которое отмщеваешъ мнѣ довольно подлымъ образомъ; однако знаешъ ты, сколь много я тебя люблю; что я говорю? сколь много я тебя обожаю: ахъ! есьли бы къ тебѣ не сильною страстїю была воспламененна, то бы сочеталась съ тобой тому уже два года; желанїи твои были бы удовольствованы, и ты можетъ быть спустя мѣсяцовъ шесть престалъ бы меня любить; но какъ сердце твое показалось мнѣ неоцѣненно, то хотѣла испытать тебя всякими образы; мнила найти въ тебѣ чувствованїи честнаго человѣка,

кото-

который казалось любилъ меня съ величайшею горячностію и вѣрностію; начинала уже быть тебѣ столь же покорною, сколько сперва казалась гордою и неупросимою; и въ ту самую минуту, когда благополучіемъ моимъ мнила насладиться, не только престаешъ ты меня любить, но мной и презираешъ. Неблагодарный! предая меня самъ неминуемой смерти, дѣлаешся моимъ убійцею; остается тебѣ только то, что бы казни моей быть свидѣтелемъ; поди жестокій, поди взирай на умирающую меня, произнося твое имя, которое не смотря на твое жестокосердіе, снесу съ собой во гробъ какъ неоцѣненное сокровище; представляй себя симъ безчеловѣчіемъ толь же мерзостнымъ потомству, сколько прославился бы ты у онаго своимъ постоянствомъ и вѣрностію.

Маргона произнося таковые слова проливала слезъ потоки; а сїе самое наполняло меня неописанною радостїю, видя, что изъясняетъ она истинные чувствованїи своего сердца; но воспомня, какїя она хитрости ко искушенїю моему выдумывала, почиталъ и сей поступокъ поставляемою ей на меня сѣтїю, и хотя я и не менѣе ее былъ тронутъ, однако не взирая на всѣ ея толь обманчивые выраженїи пребывалъ въ намѣренїи моемъ непоколебимъ, и молчанїя моего никоимъ образомъ прервать не хотѣлъ; и она вышедъ отъ меня пронзенною чувствительнѣйшею скорбїю, оставила меня въ крайнемъ безпокойствѣ.

Я началъ уже оправляться; прогуливался часто въ небольшомъ садикѣ, находящемся подлѣ отведенныхъ мнѣ комнатъ; и чемъ болѣе срокъ мой приближался,

жался, тѣмъ здоровѣе я станови́лся; наконецъ сей желанный день пришелъ, и я, собрегши Султану великую сумму денегъ положенныхъ на мое излѣченіе, почелъ за должность объявить ему оное собственными своими устами.

Сей Государь былъ тогда не очень здоровъ: я пришелъ къ его опочивальнѣ, и стражи, зная въ какой я милости у нево находился, объявили ему о мнѣ, послѣ чего меня къ нему и впустили. бросившись къ ногамъ его: Милостивѣйшій Государь! сказалъ я ему, въ сей только день долженъ я былъ начать говорить паки; я самъ пришелъ теперь объявить вамъ, какія причины побудили меня наблюдать цѣлый годъ молчаніе; я пришелъ принести вамъ рабское мое благодареніе за всѣ оказываемыя мнѣ Вашимъ Величествомъ высокія

милости; тогда разсказалъ ему всю мою исторію со всякою точностію, и онъ не только слушалъ меня со особливымъ удивленіемъ, но еще похваля таковый мой поступокъ, и чудясь великому моему терпѣнію, говорилъ мнѣ такъ: Катифей ! ты достоинъ сердца прекрасной твоей вдовы, я не хочу благополучію твоему нималѣйшаго дѣлать препятствія; вижу, что ты не можешь сочетаться съ одною изъ сестеръ моихъ, не наруша клятвъ своихъ, и не удалясь отъ всѣхъ законовъ благопристойности и чести; не думай, что бы сіе могло премѣнить мои о тебѣ мысли; но еще поступокъ твой наполненный справѣдливости и честности умножаетъ мое къ тебѣ почтеніе, и показываетъ мнѣ, къ чему ты способенъ; иной надмясь гордостію презрѣлъ бы всѣми своими обѣщаніями; огорчась

часъ суровостями своенравной любовницы оставилъ бы ее безъ всякаго угрызенїю совѣсти, и къ невѣрности присоединя презрѣнїе, не помыслилъ бы о ней ни мало, а особливо видя себя приуготовляюща сдѣлаться государскимъ сродственникомъ. Но ты, обладая искренностїю, и презирая всякою честїю, приобрѣтаемою въ предосужденїе добродѣтели, не ослѣпился нимало величествомъ, мной тебѣ предлагаемымъ; и толь разумными и великодушными поступками сдѣлался еще достойнѣйшимъ онаго. Прими же на себя чинъ великаго Визиря, располагай сокровищами моими по своему желанїю; пускай мои народы подъ твоимъ правительствомъ наслаждаются, посредствомъ твоего разума и раздаянїемъ моихъ милостей, такимъ благополучїемъ, съ коимъ ни что сравниться не можетъ; поди объяви

вѣдомость сїю Маргонѣ, скажи ей; что чрезъ три дни желаю союзъ твой съ нею торжествовать великолѣпнѣйшими празднествами; а какъ ты при семъ случаѣ станешь конечно сберегать мои сокровища, то я самъ прикажу все приуготовить. Радость, чувствуемая мной отъ того, что тебя довольнымъ вижу, подастъ мнѣ силу, присудствовать при твоемъ сочетанїи; нѣтъ ничего на свѣтѣ, чемъ бы могъ довольно возблагодарить тебѣ за то, что долженъ тебѣ жизнїю, и спасенїемъ государствѣ моихъ.

Хотя я [продолжалъ Катифей] предсталъ предъ Султана, исполненъ будучи страха, что отказъ мой сочетаться съ его сестрою, премѣнитъ его о мнѣ мысли, а можетъ быть и лишитъ меня жизни; однако твердое положилъ намѣренїе, принести Маргонѣ сїю жертву: и такъ легко

понять

понять можно , сколь великую возчувствовалъ я радость, слыша отъ Султана такія рѣчи; я бросился къ его колѣнамъ, обнималъ ихъ съ неизрѣченнымъ восхищеніемъ. Милостивѣйшій Государь, говорилъ я ему, милости твои превозходятъ всѣ мои надежды; есьли счастіе опредѣлило меня ко оказанію вамъ услугъ въ послѣднемъ сраженіи, то за оные награжденъ я уже былъ довольно приобрѣтенною мной отъ того славою, и милостію показываемою мнѣ вашимъ Величествомъ; но дерзаю васъ просить о сложеніи съ меня толь тягостнаго того бремяни; я почитаю себя неспособнымъ ко отправлѣнію толь великой должности; и какъ мѣсто сіе бываетъ всегда предмѣтомъ зависти тѣхъ, кои къ заступлѣнію , онаго мнятъ себя достойными , то они почтутъ за величайшую несправѣд-

ливость,

ливость, что не они на толь высокое достоинство возведены, и вся ихъ ненависть упадаетъ обыкновенно на того, который на оное возвышенъ.

Не сопротивляйся болѣе моему желанїю, сказалъ на то Султанъ; я знаю, что отказы твои приходятъ единственно отъ чрезмѣрной твоей честности; но она то и побуждаетъ меня повелѣть тебѣ мнѣ повиноваться; прими же государство, управляй имъ со всею своею премудростїю, и дай мнѣ насладиться покоемъ, коего я еще до сихъ поръ не вкушалъ, понеже всегда принужденъ былъ смотрѣть самъ за поступками перьвыхъ моихъ Визирей.

Какъ симъ повелѣнїямъ не можно уже было нимало противорѣчить, то показывалъ ему, что ко исполнѣнїю оныхъ приступить не отрицаюсь; и объявленъ будучи верховнымъ Визиремъ, оставилъ

ставилъ я Султана вскоре, и не мѣшкая пошелъ къ прекрасной моей вдовѣ; но о Небеса! что воспослѣдовало со мною, когда всѣхъ ея невольниковъ нашелъ плачущихъ? Ахъ! милостивый государь, сказали они мнѣ, что съ любезною нашею госпожею воспослѣдовало? мы не видимъ ее уже десять дней; она вышла изъ дому въ мужскомъ платьѣ, увѣряя насъ, что идетъ привести тебя сюда, дабы сдѣлать тебя нашимъ повелителемъ, ставши твоей супругой; нѣсколько человѣкъ изъ насъ проводили ее до самаго Султанскаго дворца, гдѣ пробыли мы до самой ночи; однако она къ намъ не выходила; и есьли разнесшемуся по всему Адену слуху вѣрить, то она лишена жизни, какъ и многїе другїе, кои льстясь получить толь великое награжденїе, брались побудить тебя къ прерванїю молчанїя;

чанія; понеже Визирь Цалвонъ за недѣлю передъ выходомъ Маргоны, обьявилъ въ народѣ, что кто возвратитъ тебѣ прежнее употребленіе языка, тотъ за то получитъ двѣсти тысячь золотыхъ, а кто взявшись за сіе излѣченіе, до того не достигнетъ, тотъ долженъ быть лишенъ живота.

ВЕЧЕРЪ LVI.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Толь неожидаемая вѣсть поразила меня, какъ громовою стрелою; воспалясь жесточайшею яростію побѣжалъ я къ Султану для принесенія справедливыхъ моихъ жалобъ. Увы Государь! вскричалъ я, бросившись къ ногамъ его, я дражайшей моей Маргоны лишился въ ту самую

мую минушу, когда приступалЪ ко обладанію ею. Тогда разсказавЪ ему о всемЪ слышанномЪ мной отЪ ея невольниковЪ; и сей Государь тронутЪ былЪ мерзостнымЪ поступкомЪ Цалвона столь сильно, что тотЪ же часЪ повелѣлЪ ево взять подЪ караулЪ, и предЪ себя привести: Милостивѣйшій Государь, сказалЪ я ему, дозволь, что бы я самЪ исполнилЪ твое повелѣніе. Изрядно, отвѣтствовалЪ на то СултанЪ, ступай туда любезный Катифей, и не приходи ко мнѣ безЪ головы сего злодѣя, коего жестокость на меня упадаетЪ; я не только не давалЪ толь кровожаждущихЪ повелѣній, но трепещу о нихЪ слыша; повелѣваю тебѣ обЪявить о томЪ вЪ Аденѣ, и освѣдомиться о имянахЪ умерщвленныхЪ имЪ толь несправедливымЪ образомЪ, дабы несчастныхЪ ихЪ сродственни-

ковЪ могЪ я наградить, а сего мерзостнаго Министра наказать тѣмЪ жесточѣе.

Я не ожидалЪ другаго повелѣнія; взялЪ пятьдесятЪ СултанскихЪ стражей, побѣжалЪ кЪ Визирю, и приказалЪ окружить его домЪ, куда взошелЪ безЪ малѣйшаго замѣдленія; но сколь великую болѣзнь возчувствовалЪ, когда отЪ невольниковЪ его увѣдалЪ, что тому уже дней сЪ десять, какЪ онЪ изЪ Адена выѣхалЪ вЪ ночи сЪ двумя женщинами, изЪ коихЪ одна горчайшія проливала слезы. По описанію одного изЪ нихЪ сей стѣнящей догадался я, что то конечно была прекрасная моя вдовушка, и вЪ сей мысли утвердилЪ меня одинЪ черный евнухЪ, который сказалЪ мнѣ, что онЪ самЪ слышалЪ, что она имя мое многократно произносила; прибавилЪ

онЪ

онъ къ тому, что господинъ его принудилъ ево лишить жизни пятерыхъ человѣкъ, кои во излѣченіи моемъ никакого успѣха не имѣли, и что онъ приуготовлялся уже отрубить голову и шестому, который былъ человѣкъ молодой и рѣдкой красоты; но несчастный сей объявилъ ему, что онъ женьщина, что въ ту самую минуту примѣтилъ онъ во очахъ Цалвона сильнѣйшую къ ней страсть; что держалъ ее заключенну во внутреннихъ покояхъ Султанскихъ, вышелъ съ ней оттуда уже ночью очень поздо, и возвратясь къ себѣ домой уѣхалъ изъ города съ нею, съ одной старухой и съ четырьмя невольниками съ тѣмъ, что бы сѣвши на корабль удалиться въ Цокотораское Королевство.

Хотя и великую возчувствовалъ я радость, думая, что

Маргона покрайней мѣрѣ наслаждается жизнію, однако трепѣталъ, воспоминая, что она въ рукахъ Цалвоновыхъ находится. Утуша нѣсколько первые движеніи моей ярости, разсуждалъ я, какія предприняшь въ семъ случаѣ мѣры. Увы! говорилъ я самъ въ себѣ, Маргона, для избѣжанія опредѣляемой ей смерти, открыла Визирю конечно о всѣхъ нашихъ приключеніяхъ; и сей злодѣй не сомнѣваясь, что въ непродожительномъ времяни не примину ему отмстить за пролитую имъ за меня кровь, вздумалъ конечно бѣгствомъ спастися отъ предлежащей ему казни. Измѣнникъ! за необходимость отдаленія его изъ государства, хотѣлъ меня конечно наказать похищеніемъ у меня того, что мнѣ в его милѣе на свѣтѣ; увы! несчастный Катифей! для чего не

не согласился ты на плачь и прозьбы Маргоны, когда она съ тобой въ последній разъ виделась? не ясно ли предсказала она тебе те несчастіи, кои теперь съ тобою произходятъ? для чего не хотелъ ты ей верить? возможно ли тебе было подозревать ее при таковомъ случае хитростію? ты самъ вонзаешь ей въ грудь кинжалъ, подвергая ее несноснейшимъ оскорбленіямъ самого мерскаго и свирепаго изъ всехъ человековъ; мне нравъ ее известенъ; она конечно согласится лучше лишиться жизни, нежели удовлетворить безбожные его желаніи. О праведное Небо! куда не обращусь, всюды обретаю ужасъ! только единая безъизвестность судьбины толь прекрасной особы, и желаніе за нее отмстить, лиша жизни проклятаго Цалвона, только сіе удерживаетъ меня

меня отъ покушенія на животъ свой.

Сіи двѣ причины удержавъ мою руку, принудили во дворецъ возвратиться; я объявилъ Султану о побѣгѣ Визиря и о похищеніи Маргоны; и сіе разсказывалъ я съ толикою яростію, что онъ не могъ отъ слезъ удержаться; приказалъ тотъ часъ призвать къ себѣ своего морскаго Визиря, и повеля ему освѣдомиться, на какомъ кораблѣ Цалвонъ уѣхалъ, получилъ чрезъ часъ извѣстіе, что тотъ корабль, [какъ то объявилъ мнѣ и черный евнухъ] отправился тому съ недѣлю на островъ Цокотору. Любезный Катифей, сказалъ мнѣ тогда Султанъ, возьми въ гавани столько кораблей, сколько хочешъ, поѣжжай за своимъ неприятелемъ, не жалей ничего къ полученію ево, и для найденія твоей любезной; приѣжжай

жай самъ поскорѣе возвратить мнѣ покой, коего отсудствіе твое меня лишаетъ.

Хотя я тогда въ возторгѣ своемъ и былъ еще слабъ; однако кромѣ себя никому не хотѣлъ поручить попеченіе о своемъ отмщеніи; на другой же день сѣлъ на корабль, и взявъ отъ Султана препоручительное письмо къ Цокотораскому Королю, отправился въ путь съ тремя другими кораблями, въ томъ намѣреніи, что бы догнать корабль Маргонинъ, чего бы то ни стоило.

Дней съ двенадцать плыли мы при весьма благополучномъ вѣтрѣ, какъ вдругъ оный перемѣнился, и не взирая на все искуство нашихъ кормщиковъ, носило насъ по всему Индейскому морю, и на конецъ прибило къ Каликутскому Королевству. Приключеніе сіе привело меня во отчаяніе; каждая минута усугу-

бляла мои страхи, безпрестанно воззывалъ Небеса, что бы они отправили насъ въ путь нашъ поскорѣе; прозьбы мои были наконецъ услышаны, но для того, что бы привесть меня въ самое жалостное состоянїе, каковое только себѣ представить можно. Мы претерпѣли другую бурю гораздо жесточайшую первой, и вѣтръ не взирая на всѣ наши старанїи, размѣталъ всѣ наши корабли врознь, а тотъ, на которомъ я находился, прибитъ былъ къ берегамъ Айянскимъ, гдѣ претерпя великїе безпокойства, попались мы къ наивящему нашему несчастїю къ морскимъ разбойникамъ. Вы легко можете разсудить, что тогдашнее наше состоянїе не дозволяло намъ сопротивляться нашимъ побѣдителямъ, которые полоня насъ поѣхали тотчасъ въ браву.

ВЕЧЕРЪ LVII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Я не могу изъяснить вамъ, милостивыя Государыни, въ какое отчаяніе я тогда пришелъ; стократно покушался ввергнуться въ море, для скончанія моихъ бѣдствій; но подкрѣпляясь еще нѣкоторою надѣждою, что три наши корабля соединятся съ нами прежде прибытія нашего въ браву, и можетъ быть избавятъ насъ отъ рабства, отлагалъ лишить себя жизни, въ твердомъ намѣреніи, прекратить оную, какъ скоро совсѣмъ отнимутъ у меня свободу. Предвидя, что мы сдѣлаемся невольниками сихъ разбойниковъ, приказалъ я всѣмъ со мной бывшимъ, не объявлять ни о мнѣ, ни о морскомъ Визирѣ, какого мы состоянія; они исполнили то со всякою точно-

стїю, и я по крайней мѣрѣ имѣлъ то утѣшенїе, что высокой чинъ мой не будетъ препятствовать мнѣ въ выкупѣ. Корабли наши не сошлись съ нами; мы прибыли въ браву, и по раздѣлу достался я съ Визиремъ Губернатору того города, которому изъ всякой получаемой на морѣ добычи давали обыкновенно десятую часть. Легко разсудить можно, въ какой печали я находился, видя себя во власти такого человѣка. Уже твердое положилъ намѣренїе, лишить себя жизни, какъ Мезри, [такъ назывался морскїй Визирь] примѣтя по лицу моему, что я что нибудь бѣдственное умышляю, представлялъ мнѣ въ сильнѣйшихъ выраженїяхъ, сколь много я погрѣшаю, что предаюсь толикому отчаянїю: милостивый государь, сказалъ онъ мнѣ, ты не только не долженъ горчайшей

скорби

скорби предаваться, но еще при семъ случаѣ надлежитъ тебѣ собрать все свое мужество и всю крѣпость, и поберечь себя по крайней мѣрѣ для прекрасной Маргоны, которая въ спомоществованіи твоемъ можетъ еще имѣть нужду; я увѣряю тебя, что мы въ семъ бѣдственномъ состояніи пробудемъ не долго; въ здѣшную гавань приходитъ множество всякихъ кораблей, я найду случай, въ самой скорости увѣдомить Аденскаго Султана о нашемъ рабствѣ; онъ тебя любитъ, и по тому конечно употребитъ всѣ способы къ возвращенію тебѣ свободы, и я не отчаиваюсь, что бы по семъ не нашли мы прекрасной твоей вдовы. Сія толь ласкательная рѣчь утишила нѣсколько жестокость моихъ несчастій; и такъ намѣрясь положиться во всемъ на про-

видѣніе, ожидалъ рѣшенія его съ терпѣніемъ.

Уже недѣли съ три жилъ я у новаго своего Господина, которымъ всѣ его невольники не могли довольно нахвалиться, какъ онъ приказалъ меня привести къ себѣ въ покой: Мани, сказалъ онъ мнѣ, (сіе имя имѣлъ я въ службѣ у моей любовницы, и далъ себѣ оное и въ семъ невольничествѣ;) сынъ мой женится чрезъ двѣ недѣли; я хочу бракъ его праздновать по данному мной обѣщанію всѣмъ женьщинамъ моего Сераля; имѣешъ ли ты вкусъ въ таковыхъ увѣселеніяхъ? Милостивый государь, отвѣтствовалъ я Губернатору, который Альмамономъ назывался, я всегда любимъ позорища: никакихъ комедіантовъ въ Аденѣ не проходило, которыхъ бы я не видалъ. Есьли надлежитъ убрать залу, и поставить въ оной театръ,

атрѣ, то повелѣнїе ваше съ точностїю исполню. Сего то я и желаю, сказалъ мнѣ Альмамонъ; убери сей покой, въ которомъ мы теперь находимся такъ, чтобы оный могъ годиться для приуготовляемыхъ мной увѣселенїй: опредѣленная мной въ супруги моему сыну, живетъ въ семъ домѣ, куда она по четвертому году попалась. Я взиралъ со удовольствїемъ, какое согласїе раждалось у ней съ моимъ сыномъ, и сей союзъ причиняетъ мнѣ тѣмъ большую радость, что мнѣ фамилїя ея извѣстна, и что принадлежитъ она честнымъ людямъ, прославляющимся всегда оказываемыми ими отечеству ихъ услугами; она и сынъ мой страстные охотники до таковыхъ увѣселенїй, и тому года три, или четыре, что я бывшихъ тогда въ Аденѣ комедїантовъ сюда привозилъ для удоволь-

вольствованія моей фамиліи: ей такъ то полюбилось, что часто иные изъ моихъ невольниковъ, которые къ тому казались имѣли склонность, представляли передъ ними подобное тому; теперь хочется мнѣ ее тѣмъ позабавить; скажу тебѣ еще, любезный Мани, продолжалъ Губернаторъ, что съ недѣлю купилъ я невольницу имянемъ Цобейясу; она мнѣ очень полюбилась, и я не могу познать, что я въ сердце моемъ къ ней ощущаю: когда хочу обьявить ей, что я къ ней чувствую, то почтеніе уступаетъ горячности, и препятствуетъ мнѣ, открыть ей мои мысли: впротчемъ я ее вижу тѣмъ въ большей печали, что всѣ способы, которые я употребилъ предъ симъ времянемъ, дабы ее извлечь изъ оной, были тщетны, она имѣетъ въ разсужденіи своей природы и знатности нѣкоторую

торую тѣмъ больше непроницаемую тайну, такъ что вся ее компанія, которая была на кораблѣ, когда онъ былъ прибитъ волнами къ симъ бѣрегамъ, утонула, или была убита защищаяся противъ жителей бравы; и мнѣ невозможно было узнать ея родителей. Желалъ бы я сыскать средство истребить ея задумчивость, и надѣюсь, что ты мнѣ поможешъ въ семъ случаѣ; я же сыщу тебѣ случай ее видѣть, и съ нею говорить, старайся только извѣдать причину ея печали, дай ей довольно знать, что я объ ней очень сожалѣю, и не упущу ни одного способа, который бы только могъ прекратить ея несчастіе. Милостивый государь, сказалъ я Альмамону, я почитаю за великую честь быть употреблену ко исполненію сего дѣла, и съ возможною ревностію съ самой сей минуты буду ста-

раться васъ удовольствовать. Тогда началъ я прилагать все мое старанїе ко украшенїю залы, и принуждалъ работать цѣлые два дни со всѣвозможнымъ вниманїемъ, и мое попеченїе не было тщетно; ибо видъ, который я далъ той комнатѣ убравши оную, понравился весьма моему новому господину; онъ меня за то благодарилъ. Когда его сынъ и та, которую онъ хотѣлъ взять въ супруги, невольница, которую Альмамонъ удостоилъ своего вниманїя, и вся ихъ фамилїя вошли туда, то всѣ похваляли вкусъ, который видѣнъ былъ въ убранствѣ сего театра. Чтожъ касается до моего господина, помышляющаго только о той молодой женьщинѣ, то онъ побѣжалъ къ ней, и всѣми способы старался ей показать чувствуемое имъ удовольствїе, видя ее столь прекрасною, какъ я обраща

шя вдругъ взоры свои на сїю невольницу, узналъ въ ней прекрасную Маргону. Есьли я толико имѣлъ надъ собою власти, продолжалъ Катифей, удержаться я отъ изъявленія почувствуемой мной чрезмѣрной радости, что нашелъ дражайшую мою повелительницу; и той печали, коею я сталъ вдругъ объятъ, видя ее въ рукахъ такого человѣка, который объявилъ мнѣ свою къ ней склонность; то напротивъ того моя любезная не имѣла толико силы, она ко мнѣ подбѣжала съ разпростертыми руками, и обнимая меня съ величайшею горячностїю, произносила съ радости великой крикъ, который бы показалъ довольно, сколь много я для нее нуженъ, есьли бы она для предъупрежденія Губернатора въ безпокойствѣ къ нему не обратилась, и не начала говорить.

ВЕЧЕРЪ LVIII.

Продолженïе приключенïй Катифея и Маргоны.

Прости, государь, первые движенïи, которыхъ Цобейяса преодолѣть была не въ силахъ, сказала тогда Маргона: я не удивляюсь прелестному вкусу, въ сихъ мѣстахъ царствующему, понеже во власти твоей такого человѣка имѣешь, который нетолько въ таковыхъ украшенïяхъ весьма искусенъ, но еще почти и подобнаго себѣ не находитъ въ представленïяхъ разныхъ лицъ. Хотя онъ и не комедïантъ, однако всѣ способности онаго имѣетъ: какъ онъ былъ братъ покойнаго моего мужа, которой къ таковымъ увѣселенïямъ такъ же особливую показывалъ склонность, то мы иногда у себя дома забавлялись представленïемъ нѣжнѣйшихъ театраль-

тральныхъ сочиненій восточныхъ нашихъ стихотворцовъ; а часто играли изъ своей головы вдругъ , такъ что бы и они не устыдились приписать себѣ оное. И такъ не дивись, государь, есьли свиданіе съ симъ человѣкомъ произвело во мнѣ толь великую радость, и есьли оную показала я безъ всякой умѣренности; благочиніе ненарушено данными мной ему ласками при толь нечаянномъ свиданіи; и есьли покойный мой супругъ дружбѣ моей съ нимъ не сопротивлялся, но паче утверждать оную искалъ, то льщусь, что ты , государь, оправдаешъ теперешній мой поступокъ.

Хотя взоръ Маргоны, продолжалъ Катифей, и привелъ меня въ крайнее удивленіе; однако прилѣжное вниманіе , съ каковымъ Альмамонъ слушалъ ея рѣчи, подало мнѣ время, притти въ себя; и хотя трудно мнѣ было пред-

 ставить

ставить такого человѣка, каковымъ она меня объявила; однако принужденъ былъ поступать по ея мыслямъ. Прекрасная Цобейяса, сказалъ я ей, несчастный Мани не чувствуетъ болѣе тяжести оковъ своихъ, понеже ихъ съ тобой раздѣляетъ, и наложены они на него толь милосердымъ господиномъ; я не хочу отъ него скрывать, что увѣдая о твоемъ похищенiи, ѣздилъ я по симъ морямъ для возвращенiя тебя, когда то возможно, въ твое отечество, какъ буря занесла меня на берега бравскiе, и лишила насъ вольности. Но сколь мы оба благополучны, что великодушному Альмамону достались! онъ тебя, дражайшая Цобейяса любитъ, сiе могла ты изъ страстныхъ его поступокъ примѣтить; и есьли бы почтенiе, которое господинъ не всегда къ невольницѣ имѣетъ, не обуздало его желанiями,

ями, што уже давно узнала бы шы о его къ шебѣ склонносши ; но есьли до сихъ поръ сшарался онъ себя принуждашь, и не хошѣлъ шебѣ изъяснишь оной, шо сіе засшавляешъ ево льсшишься, что по крайнѣй мѣрѣ будешъ ему за шо благодарною. Маргона, кошорая склонносшь къ ней Альмамонову уже довольно примѣшила, прервала рѣчь мою въ семъ мѣсшѣ, и воспомня о имяни, коимъ называлъ я себя при начашіи моей рѣчи: государь, сказала она Губернашору, ни мало не нужно было, что бы Мани служилъ мнѣ исшолковашелемъ швоего сердца; пріяшное сшремленіе, коимъ я никакъ побороть не могла, произвело во мнѣ къ шебѣ въ самую шу минушу, въ кошорую я шебя въ перьвый разъ увидѣла, самую искреннюю дружду, каковую душа моя можешъ чувсшвовашь; шѣмъ плѣнъ мой сшалъ мнѣ гораздо

раздо сноснѣе; а безъ сихъ чувствованій, вкравшихся въ меня, такъ сказать, противу моей воли, не имѣла бы я довольно силы къ снесенію оковъ моихъ, сколь ни легки они по твоему ко мнѣ снисхожденію; не спрашивай же меня, государь, о томъ болѣе, и будь такимъ признаніемъ доволенъ, которое тебѣ дѣлаю не устыжаясь, понеже она честь мою не нарушаетъ.

Альмамонъ, который сперьва знакомствомъ Цобейясы со мной приведенъ былъ въ крайнее безпокойство, тронулся послѣднею рѣчью сей красавицы. Дражайшая моя, сказалъ онъ ей, не взирая на всю чувствуемую мной къ тебѣ горячность, не могу и самъ я понять состоянія моего сердца; хотя я взоромъ Цобейясы и былъ тронутъ, однако въ сію минуту не почувствовалъ въ себѣ того мятежнаго возхищенія, которое

такую

такую страсть предвѣщаетъ, коей слѣдствіи почти всегда бывают опасны, когда она умомъ нашимъ съ толикою силою овладѣетъ. Напротивъ того почувствовалъ я въ душѣ моей такую тишину, каковой я въ подобныхъ случаяхъ никогда не обрѣталъ, и кажется природа веселилась впечатлѣніемъ въ сердце мое чувствованіи почтенія, погасившихъ, такъ сказать, всякое вожделеніе, къ которому прелести и красоты твои возбуждаютъ: мнѣ причина того безъизвѣстна, но какая бы она ни была, совсѣмъ тѣмъ признаюсь, что не могу на нее жаловаться, и радуюсь тому, что присудствіе Маніево прогоняетъ на нѣсколько минутъ печаль твою. Что же до тебя, другъ мой, касается, сказалъ мнѣ тогда Альмамонъ, то не скрывай отъ меня теперь своихъ дарованій; развѣ тебѣ безъизвѣстно,

что

что сей свѣтъ есть ни что иное, какъ большой театръ, на которомъ всякой дурной или хорошей роль играетъ , и что лица , представляемые у насъ , бываютъ часто слабые списки съ настоящимъ образцовъ? злословіе, обманы, ложъ, ласкательство и жадность къ имѣнію не всякой ли день подаютъ новые матеріи ко охужденію? сіе любезный Мани, не изчерпаемо , и всякой изъ насъ, въ собственной своей семьѣ , находитъ , хотя нѣсколько оную размотритъ , предмѣты посмѣянія достойные и притомъ всегда новые. Люди, не изключая почти ни одного , бываютъ болѣе, или менѣе смѣшны; я самъ, можетъ быть таковъ болѣе другаго; но смѣюсь въ другомъ тѣмъ же недостаткамъ , коихъ въ себѣ не вижу , самолюбіе ослѣпляетъ всѣхъ насъ. Возможно ли, на примѣръ,

что бы сей Кади, коего познанiи равняются съ его честностiю, и который всѣми изящными качествами обладаетъ, каковые только человѣкъ состоянiя его имѣть долженъ, не примѣтилъ, что затмѣваетъ ихъ гордымъ и надмѣннымъ своимъ видомъ; не лутчели бы для нево было, есьли бы онъ съ другими людьми обходился, и ласковостiю своею, которая дѣлала бы ево у всѣхъ любезнымъ, вмѣсто того, что ненавидятъ ево можетъ быть не безъ причины? не лутче ли бы старатся привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои дѣло съ нимъ имѣютъ? Но они подходятъ къ нему съ трепѣтомъ, и получая въ дѣлахъ своихъ справѣдливость выходятъ изъ судилища своего судомъ не довольными.

Есьли сей старый Музульманъ въ дряхлыхъ своихъ лѣтахъ приуготовляетъ насъ къ

смѣ-

смѣху, представляя волокиту, и по сумасходству своему вздумалъ, что онъ обладаетъ сердцемъ всѣхъ несчастныхъ невольницъ своего Сераля; то не всего ли на свѣтѣ гнуснѣе и подлѣе, зрѣть сихъ самыхъ женьщинъ стенящихъ внутренно, что должны сносить бѣшенства толь смѣшнаго стараго хрыча, и невзирая на то старающихся о полученіи его къ себѣ благосклонности, и показывающихъ другъ къ другу величайшую ревность, въ то самое время, когда въ душѣ своей проклинаютъ предмѣтъ онаго.

Кто можетъ отъ смѣха удержаться, видя младаго сего любимца, котораго въ позлащенной калясочкѣ несутъ по городу двадцать четыре невольника, всякой часъ перемѣняющіеся; который показываетъ тѣмъ самую смѣшную пыш-

ность, мня удостовѣрить все общество, что никто столь недостоинъ того мѣста, кое онъ у Государя занимаетъ. Облеченъ будучи въ драгоцѣнныя восточныя парчи, почитаетъ за безчестїе поклониться пѣшеходцу и невеликолѣпно одѣтому; дѣлаетъ же сїе тотъ, который прежде своей знатности, поднимающей у него голову на Небѣса, и заставляющей взирать на землю съ презренїемъ, почиталъ себя счастливымъ, что тѣ самые люди, коимъ онъ не хочетъ поклониться, доставляли ему весьма посредственнымъ жалованьемъ нужное къ пропитанїю; который нынѣ платья три или четыре во всякое годовое время перемѣняетъ, а сперьва имѣлъ только одно кое носилъ онъ и Лѣтомъ и Зимою, токмо съ тою разностїю, что въ сїе послѣднѣе годовое время под-

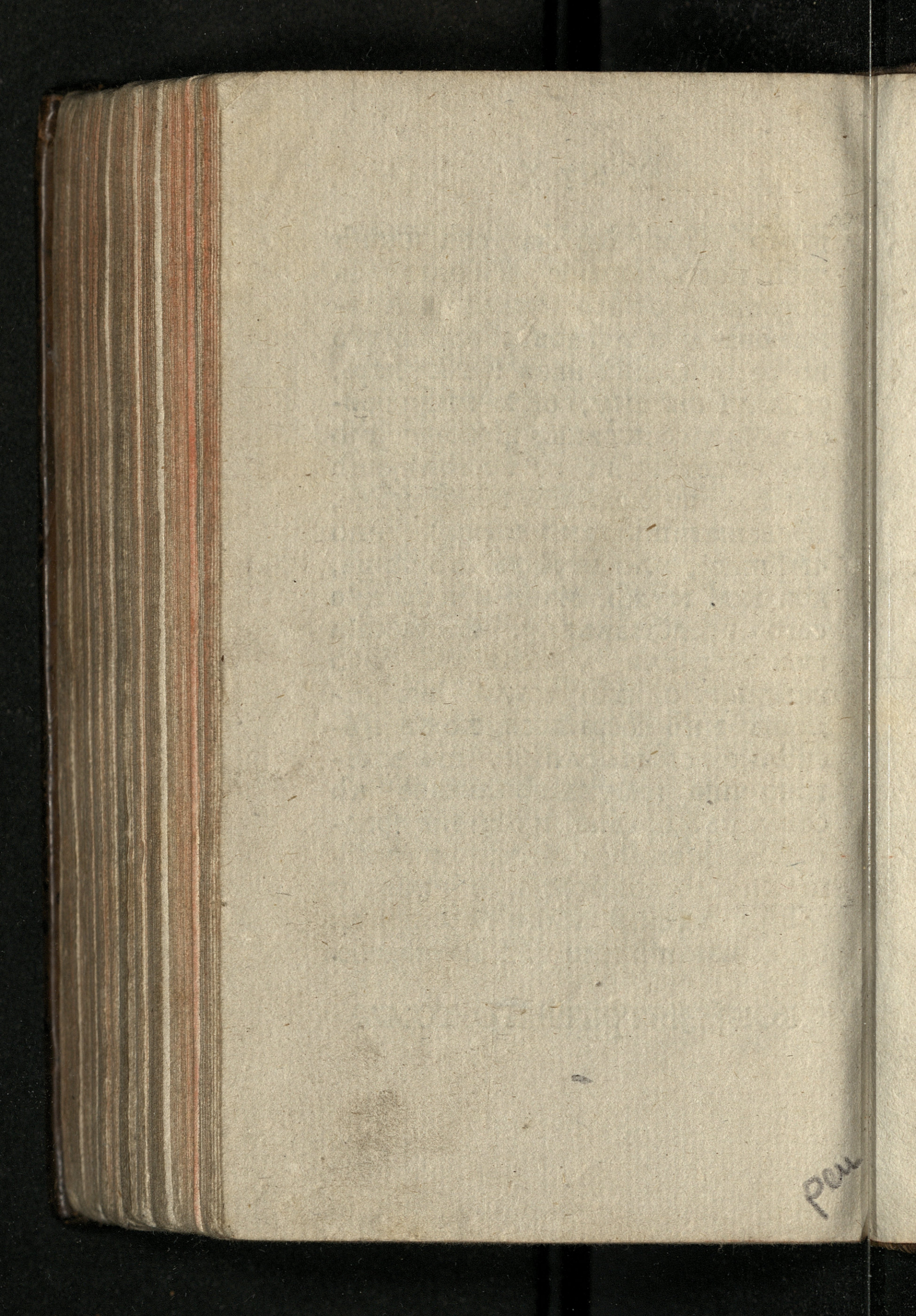
подшивалъ для теплоты мѣхъ весьма простый и небогатый.

Согласись же, другъ мой, что почти всѣ люди смѣшное въ себѣ имѣютъ, и что наши страсти владычествуютъ надъ нами съ толикою силою, что ослѣпляя дѣлаютъ насъ по справедливости предмѣтомъ посмѣянія другихъ: и такъ при семъ случаѣ покажи все твое искуство о сей матеріи. Плодовитость твоего разума и природная твоя къ тому склонность похвалены теперь Цобейясою столь много, что не трудно тебѣ будетъ сдѣлать для насъ хотя малое увѣселеніе.

Я наклонилъ голову, продолжалъ Катифей, желая показать Губернатору, что ему съ охотою повинуюсь; и ожидалъ того, что бы Цобейяса открыла мнѣ свои намѣренія. будучи одарена проницательнымъ разумомъ,

момъ, примѣтила она тотъ часъ мое смятенїе, и пользуясь хорошими о насъ мыслями Альмамона, и легковѣрностїю его въ разсужденїи насъ: государь, сказала она ему, общїе наши прискорбїи и состоянїе, въ которомъ мы находимся, не позволяютъ намъ, по крайнѣй мѣрѣ мнѣ, представить вамъ теперь что смѣшное, или играть тѣ лица, кои мой мужъ, Мани и я прежде сего представляли. Несчастїи мои выгнали у меня ихъ изъ памяти; однако есьли вы дадите мнѣ собраться хотя нѣсколько съ мыслями, то вспомню что нибудь приличное къ сему увѣселенїю, и оба мы представимъ вамъ, сколько силъ нашихъ достанетъ; а между тѣмъ пускай ваши невольники представятъ ими уже выученное.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Peu

Читалъ - - 785 год,

Читалъ — 799 году

